

Джеффри Рафф

Мистерии воображения



Алхимия и психология Юнга

Джеффри Рафф

**ЮНГ
И АЛХИМИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ**

Москва
2013



Castalia

Проект Касталия — уникальный проект, объединяющий представителей самых разных мировоззрений, начиная от язычества и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество и познанию своих самых потаенных глубин. Быть Оккультистом — значит искать того что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть нонконформистом — это значит просто быть собой, вне следования каким либо нормам или обычаям. Наш проект имеет множество граней. Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт www.castalia.ru, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся клуб Касталия в Реале, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и школа Касталия, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Школа Касталия — это своего рода внешнее представительство клуба. Это и уникальный интернет-магазин эзотерической и психологической литературы, в котором можно приобрести книги на порядок дешевле чем в других интернет-магазинах. Переводчики имеют скидки. И прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трех слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, Переводчиков, а также организации для проведения Совместных проектов.

Джеффри Рафф
Юнг и алхимическое воображение
М.: Клуб Касталия. 2013. — 284 с.

Перевод: С. Коваленко

Редактор Максим Бекарюков
Компьютерная верстка: Янус
Обложка: Надежда Столярова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Юнг как духовная традиция	24
Глава 2. Алхимическое воображение	62
Глава 3. Сотворение Самости	102
Глава 4. Процессы внутренней алхимии	180
Глава 5. Природа духовной алхимии	237
Заключение	271

Введение

Когда мне было 22 года, я пережил духовное пробуждение. Прежде, чем я впервые услышал о том, кто такой Юнг или что такое алхимия, духовный поток промчался через мою душу и подарил опыт, который, как я считал ранее, никоим образом не может существовать. Я был юн и чрезвычайно невежественен, и не мог привести тот опыт, который мне удалось пережить к стройной концепции. Испытывая потребность понимания, я искал учителей и традиции, которые могли бы мне в этом помочь. Я ничего не находил до тех пор, пока не обнаружил труды К.Г. Юнга. Хотя его идеи и сложность его сочинений озадачили меня, в своем сердце я знал, что нашел родственную душу. Я чувствовал, еще задолго до того, как смог обрести понимание, что Юнг послужит основой, которая поможет расшифровать те видения, которые я испытал.

Изучение Юнга познакомило меня с ранними традициями, которые также подавали голос из моих глубин. Наиболее важной из них была алхимия. Для меня алхимия была огромным котлом, в котором смешались образы и символы, хаотической смесью разумного и причудливого, привлекательного и ужасного. В основе всего этого лежал привлекательный образ философского камня, магической субстанции, обладающей силой преобразовывать металлы, излечивать болезни, раскрывать тайны духа и даровать бессмертие своему счастливому творцу. Это был образ камня, большего, чем другие, который захватил моё воображение и подтолкнул к изучению алхимии — исследованию, которое продолжалось более двадцати лет.

Первоначально я не искал интеллектуального понимания происхождения алхимии, не желая попасть в умы

ранних алхимиков, отслеживая то, что они могли умышлять в своих писаниях. Символы, которые они создали и образы, которые они использовали — вот то что первоначально занимало мое внимание. Я чувствовал, что если смогу понять значение этих символов, то смогу и разобраться в собственном опыте и тех переживаниях, которыми делились со мной клиенты. Я предполагаю, что являюсь мистиком. Я никогда не чувствовал себя уютно в рамках организованной религии, но искал свой путь и расшифровывал собственные истины. Хотя без Юнга или алхимии, мои усилия оказались бы тщетными.

Я продолжал свое исследование внутреннего мира более тридцати лет. И я до сих пор нахожу в символическом языке алхимии много полезного для понимания внутренних территорий. При написании настоящей книги я был намерен поделить ключами к пониманию того, что представляет собой алхимия и открыть некоторые секреты внутреннего мира. Я не утверждаю, что это получилось точным, и предполагаю, что мое понимание есть только одно из возможных. Однако я верю, что сочетание моего собственного внутреннего опыта и работы со многими другими в процессе анализа создает уникальный взгляд на духовные измерения алхимии, которые, в свою очередь, освещают духовный путь индивидуации.

Не может быть никакой надежды на понимание моей точки зрения на алхимию без принятия во внимания юнгианской модели, которая служит моей отправной точкой. По этой причине, я затрону некоторые основные идеи юнгианской теории — такие как Самость, активное воображение, толкование сновидений и трансцендентная функция. Мой подход к этим концепциям не подразумевает теоретика, пытающегося пояснить теоретические концепции Юнга. Я подхожу к Юнгу так, будто бы он был алхимиком, последним в долгой традиции духовных учителей. Из-за целей этой книги, я не заинтересован в полном пояснении Юнга, но сосредоточусь только на тех аспектах его работы, которые

разъясняют духовный смысл алхимических символов. Другими словами, я рассматриваю алхимические образы, чтобы понять внутренний опыт и исследую Юнга для понимания алхимических образов. Обратное также верно. Понимание внутреннего опыта проливает свет на значение алхимических образов, что, в свою очередь, развивает понятия, сформулированные Юнгом.

Есть те, кто могут возражать против взглядов Юнга и ставить под сомнение его роль как духовного учителя или внутреннего алхимика. По моему мнению, однако, наиболее важный вклад Юнга — это не вклад практикующего психолога, но мирового учителя, того, кто вновь привнес мудрость многих древних традиций в современный Западный мир. На самом деле, Юнг не был практикующим алхимиком, но признавал и почитал алхимическое воображение, творческий мир, в котором многие алхимики жили и работали. В алхимическом воображении мир может быть усовершенствован, болезнь побеждена, материя преобразована в дух, а дух в материю. В творческой вселенной противоположности соединяются, создавая магическое третье, которое выходит за рамки обыденного сознания. По сути, приверженность Юнга к процессам трансформации и сотворению нового психического центра, который он называл Самостью, помещает его в творческий мир алхимика.

Конечно, многие сегодня отвергают духовный аспект психологии Юнга и отказываются от рассмотрения его как своего рода пророка. И они не совсем неправы. Было бы ошибкой возносить Юнга на потустороннюю позицию и сделать его учение современным писанием. Он сам бы не одобрил этого. И тем не менее, Юнг был великим учителем. В модели, которую он представил для духовного исследования, мир приобрел великое наследие. В последние годы юнгианский мир резко отказался от духовного измерения работы Юнга, предпочитая ограничивать её перспективу до узко клинической и личной сферы. Это большая потеря. Вопреки самонадеянным заявлениям многих по поводу того,

что они превзошли Юнга, что он устарел и вышел из моды, глубинные аспекты работ Юнга еще только должны быть поняты. Я считаю, что Западный мир находится в поиске новой парадигмы внутреннего развития и духовного пробуждения. Исследуя и расширяя духовную модель Юнга, я надеюсь внести свой вклад в этот поиск. Как духовный учитель, Юнг предлагает современный путь к просветлению.

Я был очень счастлив, что одним из моих учителей в Цюрихе была ныне покойная Мария-Луиза фон Франц. Своим пониманием духовного вклада Юнга я во многом обязан ей. На последующих страницах я рассматриваю это наследие и его обоснованность сегодня, а также его пользу для проникновения в секреты алхимических символов. В первую очередь, однако, я сделаю рабочий обзор природы и истории алхимии.

Начала алхимии

Существует немало разногласий по поводу происхождения и исторического развития алхимии. Многие вопросы о природе алхимических школ и их отношении друг к другу остаются без ответа. Тем не менее, можно подвести итог исследованию алхимии таким образом, чтобы сохранить единодушие среди ученых.

Термин алхимия происходит от двух корней: *al*, что означает по-арабски артикль, подобный английскому “the” и *chemia*. Но неясно, что на самом деле означает *chemia*. Существует две формы термина на греческом: *chemia* и *chymia*. Первая относится к процессу получения сока, тогда как последняя связана с извлечением металла из руды. В обоих формах, трансмутативный процесс составляет общий элемент, как преобразование данной субстанции в нечто более высшее [1]. Следовательно, мы могли бы думать об алхимии, как об искусстве *трансмутации*.

Мы можем удобным образом разделить историю алхимии на три основных этапа: эллинистическая алхимия (от примерно 200 г. до н.э. до 600 г. н.э.), арабская алхимия (до

1000 г. н.э.) и латинская алхимия, которая существовала примерно с 1100 до 1700 гг.

Как нам известно, отцом алхимии был писатель по имени Болос из Мендеса¹, чья жизнь окутана тайной. Вероятно, он жил и писал в эллинистическом Египте, но когда именно, остается неясным. Джек Линсдэй (*JackLindsay*), чьи работы по ранней алхимии остаются непревзойденными, считал, что в сборниках и работах Болоса объединены основные темы ранней алхимии в том виде, в котором она существовала многие века [2]. Многие считают, что корни алхимии лежат в традициях древнего Египта, и Болос определенно использует образы и идеи, которые вытекают из египетских практик. Кроме того, Болос был первым, кто ввел воображаемый элемент в мир алхимии, ведь его открытие основных принципов алхимической работы произошло магическим образом.

Сам Болос писал, что изучал алхимию с мастером по имени Останес (*Ostanes*), который, к сожалению, умер до выявления полной природы работы. Хотя Болос работал над разгадкой секретов, ему мало сопутствовал успех. Не сдаваясь, Болос вызвал дух умершего Останеса при помощи магического ритуала. Хотя ему успешно удалось вызвать дух своего учителя, стражи умершего не дали Останесу говорить. Он успел сказать только то, что “книги в храме” [3].

¹Болос из Мендеса (греч. Βωλος) — Основоположник алхимической традиции. По некоторым источникам — первый алхимик. Был последователем мистической египетской традиции, в особенности заклинаний. Они часто присутствуют в его сочинениях с акцентом на звуки и контроль дыхания. Так же Болос был приверженцем философии Пифагора. В своих сочинениях Болос соединяет обе традиции и развивает принципы, которые впоследствии легли в основу алхимии. Является автором философских и мистических сочинений, многие из которых не сохранились до наших дней. Одно из наиболее известных его произведений — книга “Физика и мистические вопросы”. В наше время существуют лишь ее фрагменты. Книга состояла из четырех частей, посвященных золоту, серебру, драгоценным камням и пурпуру. — *Здесь и далее прим. науч. ред.*

Болос отправился на поиски книг, но не смог найти их. Позднее он принял участие в банкете с сыном Останеса и одна из построенных колонн открылась сама собой. Сын рассказал Болосу, что колона содержала книги его отца, но когда они посмотрели внутрь, то нашли только одну формулу: “Природа в восторге от другой природы, природа побеждает другую природу, природа доминирует над другой природой” [4]. Болос осознал, что все секреты алхимии содержались в этой одной формуле.

Таким образом, знаменитая троичная формула, используемая алхимиками до XVII века, была откровением, полученным в результате диалога с призраком. Линдсэй правильно указывал, что в целом сцена и характер её откровения напоминает другие герметические трактаты, такие как “Книга Поймандра” [5]. То, что Болос изображает начало священного искусства как визионерское событие, демонстрирует, что не только сама алхимия рассматривалась как одно из магических искусств, но что визионерский опыт является неотъемлемой её частью с самого начала.

Греческая или эллинистическая алхимия не обладает исключительно визионерским характером, ибо есть несколько путей, посвященных практической стороне работы, такие как проектирование строительства известной “Купальни Марии”, веками использовавшейся честолюбивыми алхимиками. Но визионерскому элементу нельзя отказать в наличии. Зосима², один из наиболее важных греческих алхимиков, записал серию видений, в которых выразил некоторые сущностные секреты работы. Я не могу обсуждать эти видения в деталях, частью они описывают ряд подобных сновидениям откровений, в которых Зосима получил оза-

²Зосима Панополит (Зосим из Панополиса, ок. 300 год) — алхимик, работавший в Александрийской академии. Сохранилось 28 неполных и искажённых книг Зосима. Соответственно древнееврейской легенде (“Книга Бытия”, гл. 6), Зосим рассказывает, будто бы это искусство было передано людям падшими ангелами, которые после изгнания Адама и Евы из Рая сходились с “дочерьми человеческими” и, в награду за их любовь, сообщали им приёмы “тайного искусства”.

рение по поводу природы “божественных вод”. Он увидел несколько персонифицированных фигур, которые представляли тайную субстанцию и вели с ним диалог и прошли через кровавые и насильственные операции. Эти фигуры в их диалоге с Зосимой, и в муках, которые они прошли, раскрыли различные аспекты того, что в алхимии именуется *opus* [6]. Греческие алхимики интегрировали практические и провидческие аспекты алхимии, но поздние особенности, кажется, сдержали большую часть их сил.

Когда арабы завоевали восточные провинции Византийской Империи, они взяли себе часть мира, где процветала алхимия. В Египте и Сирии они исследовали алхимические писания, и вскоре переняли учение о трансмутации. Существовало несколько арабских школ алхимии; некоторые из них были посвящены физической алхимии, а остальные духовной алхимии.

Наиболее известным арабским алхимиком и тем, кто попытался соединить духовные и практические стороны алхимии, был Джабир ибн Хайян³, который, как предполагается, умер около 800 года. Как и в случае многих ранних алхимиков существуют значительные расхождения относительно его жизни. Некоторые задаются вопросом, существовал ли он вообще, или же, могли ли приписанные ему работы быть написаны одним человеком. Его теории сложны и трудны, и, временами, таинственны до крайности.

Но его работа была далека от бессмысленности; она представляет собой сложную философию, корни которой

³Абу Абдаллах Джабир ибн Хайян ад-Азди ас-Суфи (ок. 721 — ок. 815) — знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном. Родился в семье аптекаря Хайяна ад-Азди, происходившего из Йемена. В средневековой Европе был известен под латинизированным именем *Geber*.

Джабир ибн Хайян составил комментарии к “Началам” Евклида и к “Альмагесту” Птолемея. Ему принадлежат “Книга о построении астролябии”, “Изящный зидж”, “Книга о положении светил”, “Книга о зеркалах”. Будучи известным врачом, он написал “Книгу ядов и противоядий” и “Книгу милосердия”.

уходят в неоплатоническую мысль. Джабир отвергает идею эмпирического исследования в пользу точки зрения о том, что базис науки формируют исключительно вечные истины [7]. Система Джабира сочетает тайну чисел и букв с процессами алхимической трансмутации. Для него секрет сотворения магического камня зависит от правильного баланса, который достигается через понимание внутренней сути вещей. Очевидно, что его система была очень сложной, и хотя не откровенно провидческой, все же она связывалась с магическими практиками, связанными с комбинациями чисел и букв. В то же время, его система основана на силе ума, способного проникать в сущность вещей:

“Приступайте с пониманием, что это искусство, которое требует особых навыков; более того, это величайшее из всех искусств, ведь оно [посвящено] идеальной сущности, которая пребывает исключительно в разуме” [8].

Очень многое в истории арабской алхимии еще требует изучения. Это касается не только Джабира, но и остальных арабских алхимиков, а также взаимоотношений между алхимией и исламским мистицизмом, известным как суфизм.

Суфийская мистическая традиция имеет большое значение, поскольку предлагает сложную теорию воображения и уникальный взгляд на значение алхимии. Суфийский взгляд на алхимию объединяет теорию воображения с задачей создания тонких тел и созерцания сердца вселенной. Для суфиев алхимия — это прежде всего духовная работа, основанная на провидческих состояниях и опытах. Например, один автор, обсуждая, как духовные и материальные тела взаимодействуют в алхимической работе, замечает, что алхимические операции были бы невыполнимы, если бы производились над материальными телами, но как только мы признаем, что работа применяется к *духовным* телам, работа становится полностью вразумительной.

Суфийские алхимики понимали, что материя, над которой они производят операции, не является чисто физической

по своей природе, но больше относится к миру Благодати. Хотя единение физического и духовного является темой, проявляющейся в алхимии всех периодов, суфии наиболее явно выражали потусторонний характер делания. Когда тело становится духом, а дух становится телом, мы входим в новую реальность опыта, которую я называю *психоидом*. Я обсуждаю природу психоидального опыта в соответствующем контексте, но стоит заметить, что суфии разработали это понятие столетия назад.

Далее алхимия мигрирует в Западную Европу (около XIII столетия), где процветает на протяжении сотен лет. Хотя она всегда оставалась подпольным течением, которое никогда не получало официального одобрения, алхимия все же была популярна среди людей всех слоев общества. Герцоги и короли, епископы и папы — все интересовались алхимией в то или иное время. Существуют сотни текстов, от бесценных до банальных, написанных во времена XIII-XVIII веков. Существовали алхимики, которые верили в физическую природу делания и посвящали себя лабораторной работе таким путем, который часто предвосхищал научные опыты. Но были также многие, кто писал об алхимии с духовной и визионерской точки зрения, а также еще больше было тех, кто пытался соединить эти два потока.

Одной из ранее опубликованных работ, доступной нам и демонстрирующей внутренний и провидческий аспект алхимии, является “*Auriga Consurgens*” (“Восходящая Аврора”), которая была приписана Фоме Аквинскому. Мария-Луиза фон Франц написала пронизательный анализ этой работы, в котором продемонстрировала её экстатическое качество. В действительности, она была убеждена, что автор написал большую часть работы в экстатическом состоянии. Текст был преисполнен страсти и напоминал любовные стихи, написанные женской Мудростью. Автор приводит цитаты из Библии с явными отсылками к алхимическим процедурам и провозглашает появление небес на земле для

того, что вступит с Мудростью в брак и сотворит философский камень [10].

Смешивание религиозной образности и алхимического процесса типично для алхимии Западной Европы. Существуют множественные сопоставления философского камня с Христом и другие отсылки к Книге Бытия, а также к книгам мудрости в Библии. Алхимическое дело явно имело религиозный привкус для писателей Средних Веков и Ренессанса, для которых сотворение философского камня было чудом. К тому же, алхимия того времени обладала отдельными провидческими элементами и чертами откровения. Можно найти отсылки к сновидениям и видениям, а также записанным диалогам между алхимиками и алхимическими духами, такими как Меркурий, Сера и Природа. Хотя некоторые из этих диалогов служат дидактическим целям, другие отражают подлинные внутренние переживания. Кроме того, есть некоторые примеры провидческого материала, который никогда не предназначался для публикации. К примеру, Джордж Старки (George Starkey), алхимик, живший в XVII веке, в написанном им письме, связывал образ одного из своих сновидений со своим покровителем. В этом сновидении он работал в своей лаборатории, когда вдруг материализовалось духовное существо. Отходя от шока и убеждая себя, что призрак не является злым, Старки спросил его о природе алхимического *alchabest*, или изначального материала. Духовная сущность открыла ему эту природу, и хотя Старки не понял того, что услышал, интеллектуально, он знал, что это истина [11]. Откровение рецепта магической субстанции является общей темой в алхимических писаниях; алхимики часто предупреждали, что успех в работе может быть получен только через снисхождение Божественного откровения.

Я могу привести другие примеры, иллюстрирующие связь визионерских состояний с алхимией на протяжении трех периодов её развития. Однако, уже упомянутых должно быть достаточно для осознания богатства визионерской

традиции, связанной с Великой работой с самого ее зарождения.

Интерес к алхимии продолжается и сегодня, и наиболее часто делится на две главные ветви — внутреннюю и практическую. Как и следует из названия, последняя связана с работой в лаборатории и надеждой сотворения целительного зелья и трансмутации всех видов. Первая же связана с внутренним опытом, направленным на трансформацию личности или помощь в получении переживания божественных истин. Великий разрыв между внутренней и практической алхимией появился только последние несколько веков, на протяжении же большей части своей истории алхимия удерживает эти противоположности в единстве. Алхимик средних веков не делал различия между религиозной природой алхимии и её практическим использованием и приложением. Хотя в отношении раскола часто сетуют на уничтожение истинной алхимии, это вполне может быть частью продолжающейся эволюции алхимии при её движении в третье тысячелетие. Союз духа и материи, который представляла алхимия, безусловно, умер, но это не исключает появления возможности нового единения. История алхимии еще не завершена, и ныне традиция продолжается различными путями. Литературные критики, психологи, практики алхимии и следующие эзотерическими путями всё еще пишут о ней и вынашивают образы, из которых она рождается. Более того, люди все еще испытывают откровения и видения, которые играли столь важную роль в создании и развитии алхимии, и понимают их в терминах, сходных с древними и средневековыми алхимиками.

Алхимия имела длинный и разнообразный жизненный путь. Алхимики трех периодов, о которых я говорил, не всегда соглашались друг с другом, но есть много того, в чем они едины. Цели, к которым они стремились, были схожими. Сотворение золота из малоценных металлов было целью, которая оставалась неизменной на протяжении всей истории алхимии. Вне сомнения, комментаторы все

еще спорят о природе золота, которое пытался сотворить алхимик. Некоторые алхимики, казалось, имели намерение сделать фактическое, физическое золото, тогда как другие имели ввиду более духовное “золото”. В любом случае, однако, золото было образом конечного результата работы.

Многие алхимики, особенно после Парацельса⁴ (умершего в 1541 году), были врачами, искавшими не столько золото, сколько целительный эликсир. С этой целительной субстанцией они надеялись найти средства облегчения страданий своих собратьев. Некоторые даже надеялись отыскать эликсир для продления жизни за пределы её общепринятой продолжительности и даже намекали на возможность физического бессмертия.

Создавая золото или целительное зелье, большинство алхимиков верило, что они должны сначала создать философский камень, и что только он имеет силу осуществления трансмутаций и исцелений. Камень также имел и другую возможность — открыть его обладателю Божественную тайну. Хотя имелись и другие полезные побочные следствия его создания, по сути, камень был целью всех алхимических усилий. С ним могут быть достигнуты все остальные цели; без него их трудно или невозможно достичь. Было бы справедливо сказать, что во всех их усилиях и всех процессах, над которыми они работали, конечным намерением было создание философского камня.

Главные процессы, посредством которых алхимики осуществляли эту задачу, остаются неизменными на протяжении истории алхимии. В самом начале алхимик находил правильный материал, из которого делал камень. Природа этого материала остается одним из величайших секретов алхимии, который никогда не раскрывался — возможно, из-за того, что ответа на вопрос об этой тайне не существовало. Но существовали тысячи рекомендаций, подсказок и скры-

⁴Парацельс (лат. *Paracelsus*) (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм, Хозенхайм), лат. *Philippus Aureolus Theophrastus Bombast von Hohenheim*, 1493–1541) — знаменитый алхимик и врач швейцарско-немецкого происхождения.

тых намёков на идентичность этого неуловимого вещества, которое называлось *prima materia*.

Обычно алхимики получали субстанцию, которая, как они считали, содержала таинственную *prima materia* и подвергали её ряду операций. Целью их было разрушить первоначальную форму и свести вещество к “предформенному” состоянию. Это состояние и было *prima materia*. Другими словами, *prima materia* есть материя перед своим формированием, что алхимики называют “хаосом”, среди прочих вещей. Сводя субстанцию к этому хаотическому состоянию, алхимики считали, что они фактически “убили” первоначальный материал. Таким образом, процесс, при котором материал терял свою первоначальную форму и становился хаосом, стал известен как *mortification* или *nigredo*. Алхимики поясняли это процесс как имеющий черный цвет и часто неприятный запах.

Жидкое, хаотическое состояние часто сравнивали с ртутью. Таким образом, алхимическая ртуть часто означает *prima materia*, хотя алхимики особо указывали, что используемая ими ртуть не является обычной ртутью. Ртуть содержит внутри себя серу, которая, если ее удалить и отделить от ртути, может потом заново объединиться с ней так, чтобы сотворить новую форму. Сера и ртуть взаимодействовали, боролись друг с другом, а затем воссоединились, т.е. материал прошел последовательные изменения. Если сера и ртуть объединились сбалансированно, то получался философский камень.

Хотя существует множество вариаций на эту тему, алхимическая драма содержит смерть первоначальной субстанции, что приводило к её свертыванию к первоначальному состоянию. Далее алхимик разделяет *prima materia* на её составляющие, серу и ртуть. Части затем воссоединяются, чтобы создать новую субстанцию — философский камень. Алхимия исходит от разделения и воссоединения, *solve et coagula*, процедуры, которая может повторяться множество раз.

Существовал ряд процессов, которые алхимики использовали для осуществления этих изменений. Хотя имела место масса алхимических процессов, есть пять, которые наиболее часто встречаются в алхимических текстах. *Nigredo* являло собой сведение вещества к его первоначальному состоянию и вызывалось одной из других главных процедур. Хотя *nigredo* может происходить в начале работы, оно также может иметь место в другое время, когда алхимик уничтожает субстанцию для того, чтобы снова её трансформировать.

Не существовало определенного порядка для других процессов, и не было общего согласия среди алхимиков по поводу взаимоотношений среди процессов. *Solutio* было процессом сжижения, превращения твердого тела в жидкость. Часто трансформация из твердого в жидкое демонстрировала, что старая форма разрушалась и сводилась к хаосу. Сжижение также рассматривалось как сведение материи к ртути, или её поглощение ртутью. *Separatio* означало расщепление на компоненты *prima materia*, тогда как *coniunctio* их новое воссоединение. Разделение может продолжаться соединением множество раз на протяжении работы.

Огонь был центральным символом алхимического лексикона. *Calcinacio*, процесс горения субстанции и превращения её в пепел, служил методом очищения. Огонь также осуществлял разделение, отделение золы (или тела материала) от духа, который поднимался к вершине алхимического сосуда в виде пара. Когда алхимики особо устремлялись к сотворению пара, этот процесс назывался *sublimatio*. И когда они желали заново объединить плоть и дух, они совершали *coagulatio*, что вновь сворачивало жидкое в твердое (или воссоединяло пар с пеплом).

Все эти процессы, направленные на начальном этапе на получение требуемой *prima materia* и затем на трансформацию её различными способами, в конце концов, трансмутировали её в философский камень. Но даже теперь алхимик не может отойти от дел! Через процесс *multiplicatio*, он мо-

жет увеличить силу своего камня — и в качественном, и количественном смысле. Теоретически, сила, с которой камень может быть “инвестирован” безгранична, и *multiplicatio* может повторяться множество раз.

Алхимики также ассоциировали изменения цвета с последовательной трансформацией материи. Как отмечалось ранее, *nigredo* связывалось с черным цветом. После многочисленных процедур материал будет начинать постепенно возвращаться к жизни. Движение от смерти к новому росту алхимики часто обозначали зеленым цветом. Возвращение к жизни также может ассоциироваться с появлением многих цветов — эта фаза называлась хвост павлина, *caudispavonis*. Так как субстанция продолжала расти и изменяться, она могла достичь подлинного состояния покоя, которое часто называлось первым камнем. На этой стадии она могла восстановить форму и обрести силу сотворения серебра из металлов. Этот этап связывался с белым цветом, и поэтому именовался *albedo*.

Некоторые алхимики было довольны остановиться на этой точке, ибо для них *albedo* означало формирование мощного камня. Большинство, однако, желали создать второй камень, с его силой трансформации металлов в золото. Для этого они подвергали материю, ставшую белой, еще одной смерти и делали её еще раз черной. Впрочем, когда она возвращалась к жизни в этот раз, то являла собой совершенно новый уровень бытия. Это новое состояние было связано с красным цветом. Когда материал становился золотым или красноватым, он входил в конечное состояние, известное как *tubedo*. Некоторые алхимики говорили о состоянии, в котором желтый цвет мог показаться между белым и красным, но большинство объясняли цвета изменений как движение от черного к белому и красному.

Цветовой символизм был важен для алхимии, и алхимики тщательно отмечали изменения в цвете материала. Как отмечает Джек Линдсэй, изменения “в качестве, которое было также изменением во внутренней организации, связыва-

лось (или отождествлялось) с цветовыми изменениями” [12]. Следовательно, для алхимиков, когда субстанция приходила к изменению в цвете, это было одновременно перемена в её внутренней природе. Поэтому цветовые изменения символизируют трансмутацию субстанции, и её движение от одного уровня бытия к другому.

Это только краткий обзор некоторых наиболее важных процессов и стадий алхимической работы. О них было много написано, и те читатели, которые заинтересованы в более глубоком изучении процессов и их психологических значений могут обратиться к чтению великолепной работы Эдварда Эдингера об алхимии и анализе — “Анатомия Психэ”⁵, или же к работе Марии-Луизы фон Франц “Алхимия”⁶.

Алхимия была традицией, которая продолжалась две тысячи лет. Несмотря на многочисленные изменения, она сохранила замечательное единство и преемственность на протяжении веков. Алхимики одного периода были в состоянии разумно общаться с другими, отделенными от них веками, без особого затруднения. Алхимия была странной смесью визионерских состояний и опытов и физической работы с материальными субстанциями. Эта книга посвящена первым из них. Алхимия предоставляет модель и карту для определения внутреннего опыта, а также символическую систему для их выражения.

Можно получить несколько карт из алхимической литературы, но я использую предоставленную алхимиком Герхардом Дорном⁷, который писал в XVI веке. Я буду говорить

⁵Эдингер Э. “Анатомия души: алхимический символизм в психотерапии”. — М.: Касталия, 2011 г. — 300 с.

⁶Фон Франц М.-Л. Алхимия. Введение в символизм и психологию. — М.: Б.С.К., 1997. — 294 с.

⁷Герхард Дорн (нем. *Gerhard Dorn*, 1530–1584) — был одним из главных сторонников Парацельса, утверждая, что нашел в его работах лучшую философию и наиболее христианский образ мышления. Он придавал гораздо меньшее значение практической работе в лабораториях, нежели теоретическому изучению человеческого разума, и полагал слишком схоластическим обычное для того времени образование. Как и многие

об этом человеке и его работе более детально, но сейчас мне следует только указать, что его определение алхимического *opus* выделяет три основных плато. Каждое характеризуется как сотворение единения, которое производит камень на различных уровнях совершенства. Самое главное, каждое из них также связывается с определенными психическими переживаниями. Юнг обсудил первые два единения, создающих философский камень в своем монументальном труде “*Mysterium Coniunctionis*” [14], но вопрос третьего единения там только затронут. Я предлагаю обсудить природу этого третьего шага более детально. Для того, чтобы это сделать, мне следует представить две спорные идеи — психоидного мира и центра этого мира, что я называю самостью психоида.

Каждый уровень единения в формулировке Дорна может быть понят как кристаллизация нового центра Психэ, который Юнг называл Самостью. Первая стадия соединяет сознание и бессознательное; вторая делает это единение постоянным; третья соединяет уже сотворенную Самость с центром, который выходит за пределы человеческой психики, центром, который может быть назван Божественным. Я предполагаю, что хороший путь к понимаю алхимических символов и процессов — это воспользоваться терминами карты Дорна и природой центра, созданного на каждом предыдущем этапе пути. Первые два центра являются психическими, но последний — психоидный в том, что он создает центр, который является частью транспсихического. Никто, по моему опыту, не описал третью стадию в деталях, и мое обсуждение можно оспорить. Тем не менее, оно дает толкование алхимических образов и понимание внутренних переживаний, которые являются новыми и показательными. Поэтому одной из главных тем этой работы будет природа психоида и опыт третьего уровня единения.

другие алхимики, Дорн враждебно относился к философии Аристотеля с ее упором на материальный мир.

Я также занимаю позицию, согласно которой алхимические образы символически изображают психологические состояния и переживания. Было бы неверно сегодня предполагать, как делают многие, что эти образы всего лишь метафоры для обычных жизненных событий (или даже аналитических экспериментов). Да, они являют собой глубокие метафоры для этих вещей, но помимо этого, они являются символическим выражением состояний сознания и чувственных видений, которые уникальны сами по себе. Не будет ошибкой воспринимать алхимию как метафору. Но так же верно подходить к ней как к руководству по фактическому опыту трансмутации, в котором золото бытия создаётся в просветленном сознании. Я применяю этот последний подход к алхимии и обсуждаю природу сознательного и трансцендентного опыта, который алхимия описывает и возвращает. Чтобы успешно сделать это, необходимо обратиться к Юнгу и извлечь из его работ модель духовного опыта, которая смогла бы расшифровать алхимию.

Примечания к Введению

1. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt* (New York: Barnes and Noble, 1970), p. 68.
2. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt*, p. 101.
3. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt*, p. 102.
4. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt*, p. 103.
5. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt*, p. 103. For *The Book of Poimandres*, see Walter Scott, *Hermetica* (Boston: Shambhala, 1983), pp. 115-285.
6. For a full discussion of Zosimos and his visions, see Lindsay, chapters 15 and 16.
7. Syed Nomanul Haq, *Names, Natures and Things* (Boston: Kluwer Academic Publishers, 1994), p. 66.
8. Syed Nomanul Haq, *Names, Natures and Things*, p. 197.

9. See Shaikh Ahmad Ahsa'i, in Henry Corbin, *Spiritual Body and Celestial Earth* (Princeton: Princeton University Press, 1989), p. 209.
10. Marie-Louise von Franz, *Aurora Consurgens*, Bollingen Series LXXVII (New York: Pantheon, 1996), pp. 129-131.
11. William R. Newman, *Chehennical Fire* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994), p. 65.
12. Jack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Graeco-Roman Egypt*, p. 116.
13. Edward Edinger, *Anatomy of the Psyche* (La Salle: Open Court, 1994); Marie-Louise von Franz, *Alchemy* (Toronto: Inner City Books, 1980).
14. C.G. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, *Collected Works*, vol. 14, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1963, 1970).

Глава 1. Юнг как духовная традиция

Я прибыл в Цюрих в 1972 году для обучения в Институте К.Г.Юнга. Хотя я брал там много уроков, настоящий тренинг происходил с группой аналитиков, которая была известна под названием “Мафия Кюсснахта”. Это было собрание людей, наиболее вдохновленных учением Мари-Луизы фон Франц. Студент, коллега и друг доктора Юнга, фон Франц, казалось, давала нам ключ к глубокому пониманию Юнгианских теорий. Мы часто говорили о письменной традиции в сравнении с устной традицией юнгианской психологии, потому что имели место существенные различия между Юнгом Собрания Сочинений и Юнгом, которого представляла нам фон Франц. Фон Франц говорила о Юнге, который был духовным учителем, который хорошо знал, что внутренняя работа имеет первостепенное значение. Он был гораздо больше обеспокоен опытом, чем теорией, и истории его многочисленных приключений с бессознательным были увлекательными и вдохновляющими.

Обучение в Цюрихе было захватывающим временем. Многие “старые учителя” были всё еще активны. Как студенты, мы столкнулись с реальностью Самости из первых рук и сосредоточили свои усилия на жизни с этим. Нас учили думать о ней как о внутренней фигуре со своим собственным голосом, который может быть непосредственно услышан в сновидениях, активном воображении и даже в заурядных переживаниях. Я помню, как доктор фон Франц рассказывала, что настраивалась, когда кто-то задал ей даже самый простой вопрос вроде того, пообедает ли она с кем-то. Она фокусировала своё сознание на Самости и ждала, пока придет ответ.

Самость

Опубликованные работы не всегда легки для понимания и часто не отражают реальности прямого контакта с Самостью. Юнг делает записи таких переживаний. Например, он утверждает, что Самость, как центр, становится *spiritus rector* ежедневной жизни [1]. Кроме того, опыт Самости почти невозможно практически отличить от опыта “того, что часть людей определяет как “Бога”” [2]. Опыт Самости с точки зрения Эго — это опыт Божественного, которое ставит Эго перед проблемами и вопросами, которое оно склонно избегать. В книге Юнга, написанной для широкой общественности, “Человек и его символы”⁸ фон Франц описывает общее представление Юнга о встрече с Самостью, когда пишет:

“Но в той или иной форме у большинства людей случается глубокое переживание Самости — по крайней мере, раз в жизни. С психологической точки зрения, подлинно религиозное мировоззрение заключается в стремлении обнаружить это уникальное ощущение и постепенно настроиться на него . . . таким образом, чтобы внимание было постоянно направлено на диалог с Самостью” [3].

Эти комментарии содержатся в абзаце, где фон Франц уравнивает Самость с философским камнем, что и сам Юнг не упускал возможности сделать. Существовал ряд факторов, который повлиял на вывод Юнга о том, что камень есть символ Самости. Он мыслил о Самости как о единстве противоположностей и центре Психэ. Камень являл собой соединение противоположностей и часто изображался как центр. Самость может быть персонифицирована и как внутренняя фигура, и как камень. Самость была хранилищем мудрости и поэтому тоже являлась камнем. Самость была целью всей психической жизни и конечным состоянием, к которому приводил процесс индивидуации, камень же был целью всех алхимических усилий и конечным ре-

⁸Юнг К.Г. Человек и его символы. — М.: АСТ, 2002. — 297 с.

зультатом, к которому приводили алхимические процессы. Кроме того, Юнг считал, что Самость создаёт символы для возможности познания своих атрибутов, а камень был одним из таких образов. Юнг всегда предполагал, что то, что говорится о камне, было истинно и для Самости, так как в камне Самость нашла способ символически себя выразить. Сравнение Самости с камнем объединяет юнгианскую и алхимическую модель. Он также исследовал духовные идеи алхимиков, так как они были связаны с его собственной религиозной точкой зрения.

Юнг пояснял “религиозное мироощущение” как “тщательное и осторожное наблюдение за... динамическим существованием или действием, не вызванным произвольным актом воли” [5]. Поскольку Самость является сочетанием этих действий, я мог бы описать религиозное мироощущение как обращение внимания к Самости, или превращения её во внутреннего партнера. Это скрупулёзно наблюдает проявления Самости и гармонизирует себя с ними. Это была традиция, переданная мне в Цюрихе, и я следовал ей последние тридцать лет. Эта формулировка выражает сердце и душу духовной модели Юнга. Хотя многие сегодня будут отрицать какую-либо его значимость как духовного учителя, для тех из нас, кто обучался в Цюрихе с Марией-Луизой фон Франц и Арнольдом Минделлом⁹, не существует никаких сомнений, что Юнгианская работа есть духовный процесс. Мы не ограничиваемся работой с бессознательным в аналитических сессиях, но вплетаем её в самую ткань наших жизней.

Юнг был озабочен вопросом о том, как его психология вписывается в контекст западно-европейской традиции. Он находил параллели своей точки зрения на психику в ро-

⁹Арнольд Минделл (*Arnold Mindell*, родился 1 января 1940 года) — американский психотерапевт, писатель и основатель процессуально ориентированной психологии. С 1990 года проживает в Портленде, штат Орегон, США. Автор 19 книг, изданных на 20 языках. Магистр наук (физика, MIT) и доктор психологии (Union Institute).

дословной алхимии и гностицизма. Хотя вопрос о месте Юнга в истории продолжает обсуждаться, изучающие то, что можно назвать “эзотерической духовностью”, верят, что он принадлежал к этой традиции. Эзотерические религии включают таких учителей, как Якоб Бёме¹⁰, Парацельс и, на самом деле, всю алхимию, а также движение розенкрейцеров. В эссе об эзотерической духовности Герхард Вер¹¹ утверждает, что Юнг был частью эзотерической традиции. Несмотря на трудности с этой атрибуцией, он говорил, что Юнг попадает в данный контекст по двум причинам. Юнг постоянно ссылается на цитаты из древних религиозных традиций, чтобы пролить свет на работу бессознательного. Вторая причина более убедительна. Как отмечает Вер, “Опыт глубинной психологии, процесс индивидуации, который должен быть пройден, сами по себе являются эзотерическим событием, которое меняет людей в глубине их сущности, расширяет сознание и приводит их личность к зрелости целостной персоны” [6]. Природа внутреннего опыта, описываемого Юнгианской моделью, связывает её с наиболее ранними эзотерическими школами.

Помещение Юнга внутрь исторического контекста может показаться неважным. Сегодня, однако, все больше и больше юнгианцев пересматривают работы и концепции Юнга с ярко выраженным бездуховным акцентом. Потерять контакт с глубинными смыслами юнгианских работ и традиций, которые помогли ему сформироваться, было бы трагично. Независимо от того, каким образом аналитики

¹⁰Якоб Бёме (нем. *Jakob Böhme*, 1575–1624) — немецкий христианский мистик, провидец, теософ, родоначальник западной софиологии — учения о “Премудрости Божией”.

¹¹Герхард Вер (*Gerhard Wehr*) — немецкий протестантский теолог, исследователь мистики, журналист, писатель, родился 26 сентября 1931 года. Герхард Вер получил образование диакона, он является редактором и автором книг по глубинной психологии (в частности аналитической психологии) и на эзотерические темы с акцентом на христианской мистике, а также автором многочисленных биографий, таких как о Якобе Беме, Мартине Бубере, К. Г. Юнге и Рудольфе Штайнере.

и терапевты выбирают применение юнгианской мысли для клинического применения, первоначально и по своей сути юнгианская работа была системой, направленной на содействие основательному трансформационному опыту. Аналитическая работа с личностью, которая не способствует подобным трансформациям, лишь с натяжкой может быть названа юнгианской.

Жизнь с Самостью — это ключевая практика в юнгианской модели, но что есть Самость? Диалоги с внутренними персонажами являются наиболее существенными особенностями юнгианского подхода: Самость часто переживается именно этим путем. Персонифицированная как внутренняя фигура, Она воплощает сущностную природу индивидуума и, хотя это часто подавляется, Самость, облаченная в лицо, напоминает сознательную личность. Но все же, что есть Самость? Эмпирически, Самость есть внутренняя субъективная фигура (или центр), которая ощущается как мощная, нуминозная и совершенная сама по себе. С точки зрения теоретической конструкции, Самость имеет ряд атрибутов. Она есть центр целостной личности и, таким образом, связана с тем, что Юнг называет Эго, центром сознания. В действительности, для понимания Самости, следует узнать кое-что об Эго и структуре Психэ, как их представлял себе Юнг.

Эго легко пережить на опыте, но ему трудно дать определение. Эмпирически оно имеет место тогда, когда мы говорим, “Я”. Когда индивидуум говорит, “Я голоден”, “Я зол” или “Я человек”, то “Я” в этих высказываниях и есть Эго. Эго привносит “Я-кость” личности. Мы часто наивно идентифицируем всю Психэ с этим “Я”, не осознавая, что, на самом деле, существуют другие аспекты Психэ, с которыми мы попросту не можем идентифицироваться. В юнгианской концепции, Эго — это центр сознания и, как таковое, является инструментом получения сознательного опыта. Когда Эго соприкасается с каким-либо психическим содержанием, содержание становится сознательным. Если

же Эго отсутствует, содержание бессознательно. Эго не только делает сознательным психическое содержание, но оно может также вызывать в нем изменение. Часть работы индивидуации — это процесс получения Эго сознательного опыта и, тем самым, осуществление изменений в Психэ.

Те части Психэ, которые не находятся во взаимоотношениях с Эго, входят в состав бессознательного — и личного, и коллективного. Личное бессознательное содержит комплексы и другой материал, который относится к жизненному опыту человека, но, по различным причинам, не взаимодействует с сознанием. Большая часть этого материала может и должна привноситься в контакт с Эго, и этот процесс, таким образом, укрепляет и расширяет сознание. Коллективное бессознательное, с другой стороны, состоит из архетипов и универсальных образов, которые не принадлежат какой-то одной личности, но всему человечеству в целом. Архетипический структуры, паттерны и образы создают и формируют человеческую жизнь, и это всегда было так. Этот материал не входит в сознание, и хотя он может входить во взаимодействие с Эго, оно не должно идентифицировать себя с ним или ассимилировать его в свою собственную структуру. Любая такая попытка приведет к инфляции или даже психозу. Однако, архетипы могут взаимодействовать с Самостью, ибо Самость есть центр Психэ, способный взаимодействовать с коллективным материалом надлежащим образом.

Проще говоря, Психэ состоит из сознательного Эго и комплексов с архетипами, которые бессознательны. Как Эго является центром сознания, так и Самость является центром целостной личности. Самость также есть архетип целостности, и, таким образом, несет в себе смысл совершенной индивидуальности. Целостность означает объединение сознательно и бессознательной частей личности и, в частности, единение Эго и бессознательного. Мы можем думать об этом процессе соединения противоположностей как о происходящем под защитой и согласующемся

с моделью Самости. Юнг поясняет этот аспект следующим образом:

“Психологически, Самость есть единение сознания (мужское) и бессознательного (женское). Это означает психическую тотальность. Это формулировка психологической концепции. Эмпирически, однако, Самость проявляется спонтанно в форме специфических символов, и вся Её полнота заметнее всего в мандале и её бесчисленных вариантах” [7].

Самость является центром личности даже перед началом процесса индивидуации. Она только указывает на целостность символически, ибо реальное единение сознания и бессознательного есть работа на всю жизнь. Самость, предшествующую этому единению, я и обозначаю как “скрытую Самость”. Как только процесс объединения этих двух частей психики начинает разворачиваться, Самость все более и более движется к своей собственной манифестации. Этот последний аспект я называю “манифестацией Самости”. Самость и её трансформация от скрытой до манифестированной являет собой первичный фокус юнгианской духовной модели.

Важно только уточнить то, что Юнг понимает под духом или духовным — впрочем, так мы сможем легче понять, как этот процесс разворачивается. В своей статье “Феноменология духа в сказках”, Юнг боролся с проблемой значения духа. Он пришел к выводу, что существует три главных атрибута. Первый — это спонтанное движение и активность. Дух свободен делать и создавать то, что изволит, будучи свободным от контроля Эго, сознательной части личности. Эго может переживать дух, но не может указывать ему. Второй атрибут духа — способность спонтанно и независимо создавать образы, а третий — “суверенно манипулировать этими образами” [8]. Эмпирически, каждый человек сталкивается с духом в своих сновидениях — образы, которые населяют сновидения, получены от духа. Не только сами образы, но также то, что они там делают является от-

ражением духа. В этом смысле, Эго не составляет сны; скорее, оно переживает их, когда они разворачиваются через спонтанную манифестацию духа. Юнг считал, что архетип духа проявляется во снах как мудрый старик.

Он также утверждал, что содержания бессознательного, включая комплексы и архетипы, могут проявлять себя как образы. Мы можем представить себе Психэ как хаотическое место, в котором каждая часть способна генерировать свой собственный образ. Когда каждый аспект внутреннего мира в состоянии персонифицировать себя как образ, результатом этого может быть конфликт, своеобразный хор голосов, каждый из которых поёт свою собственную мелодию, не считаясь с другими. Такой хаос проявляется в сильно беспокойных и психотических личностях, которые не в состоянии защитить себя от какофонии внутренних духов.

Балансом этого беспорядка, однако, является Самость, принцип порядка и гармонии. Ранее я описывал Самость в её отношении к целостности, потенциальной тотальности личности. С точки зрения персонифицированных образов, Самость, как тотальность, включает целый набор образов и голосов, возникающих из бессознательного. Кроме того, Самость есть центр Психэ, вокруг которого ориентируются остальные части. Самость привносит порядок в Психэ, и гармонизирует все аспекты психики, создавая организованную композицию. В этом смысле можно смотреть на Самость как на центр души, вокруг которого архетипы группируются в соответствующем порядке. Мандала является символом Самости, когда она функционирует подобным образом. Говоря о мандале, Юнг пишет:

“Основной мотив — это предчувствие центра личности, как своего рода центральной точки внутри Психэ, с которой все связано, в котором все выстроено, и которая сама по себе является источником энергии. Энергия центральной точки проявляется в почти непреодолимом принуждении и стремлении стать тем, кто ты есть. . . . Хотя центр представлен внутренней точкой, на пери-

ферии он содержит все, что относит к себе... Эта тотальность включает в себя прежде всего сознание, затем личное бессознательное, в конце концов бесконечно большой сегмент коллективного бессознательного, чья архетипы являются общими для всего человечества" [9].

Юнг называет мандалы, с их упором на порядок и гармоничный баланс, предчувствием центра личности, или Самости. Это предчувствие того, что Самость, в своей способности упорядочивающего центра всей Психэ, не существует от рождения. Она должна быть проявлена через различные психологические переживания. Чтобы отличить Самость до и после индивидуации, я говорю о "потенциальной" и "манифестированной" Самости. Потенциальная Самость есть слабый центр, обладающий лишь ограниченной властью в организации психической жизни. При потенциальной Самости, комплексы архетипы соперничают за контроль над психикой; внутренняя психическая ситуация оказывается трудной и хаотичной. Индивид не переживает хаос, как психотический пациент, но его личное чувство Самости является разреженным.

Эго может считать себя сильным и контролирующим позиции, но комплексы, проявляющиеся время от времени, нарушают тот порядок, что оно пытается сохранить. Успешный бизнесмен, который "на высоте" на работе, может испытывать бесконтрольную ярость дома. Строящая карьеру женщина может чувствовать отчаяние по неведомой причине. Порядок Эго является фарсом, который комплекс может легко проколоть. Если индивид находится под властью архетипа, хрупкое чувство идентичности, предоставляемое Эго, может быть легко сметено. Яркими примерами является то, когда, казалось бы, нормальные и здоровые люди, захватываются эмоциями толпы или способностью правительства превратить чувствительных людей в машины-убийцы, обращаясь к патриотизму.

Более разрушительным с точки зрения духовности является риск ошибочного принятия других внутренних голосов

за Самость. Индивид, который пытается услышать голос внутреннего духа и который хочет иметь дело с образами, порожденными им, может иметь дело с автономным комплексом или архетипом, а вовсе не Самостью. Обращение внутрь в поисках тихого, слабого голоса часто прорывается потоком неконтролируемых образов. Эти образы могут быть связаны не с процессом индивидуации, а с архетипами и комплексами, которые не являются частью описываемой Юнгом мандалы.

Это случается слишком часто, как показывает исследование духовного опыта. Рассмотрим как один пример, как отцы раннего Христианства пошли в пустыню, дабы найти Бога, но вместо него встретили полчища демонов. По всей вероятности, демоны, которые беспокоили их, были образами, проявленными конstellляциями комплексов и архетипов.

В приведенной выше цитате, Юнг пояснил, как Самость может организовывать психику, включая коллективное бессознательное, вокруг мощного центра, который я называю манифестированной Самостью. Как результат работы индивидуации, Самость занимает позицию доминирующей духовной силы внутри Психэ. Когда образы проявляются, они манифестируются как Самость, и хотя они не могут быть подконтрольны или даже предугаданы, им можно доверять.

Как отмечает Юнг, сила и энергия Самости проявляется как непреодолимое желание быть самим собой. Самость подталкивает человека к опыту и выражению собственной уникальности; для этого он должен упорядочить архетипический мир. Архетипы являются коллективными силами и образы, которые они проявляют, являются универсальными. Индивид может просто следовать этим образам и, таким образом, получить нуминозный опыт. Тем не менее, он или она никогда не смогут таким путем создать манифестированную Самость, которая уникальна и индивидуальна — центральный принцип модели Юнга заключается в том, что человек должен стать самим собой.

Хотя Юнг не осмыслял процесс этим путем, мне думается, что упорядочивание психического хаоса происходит посредством действий Самости. Самость приводит архетипы к гармонии, влияя на образцовый порядок структуры мандалы, где каждый архетип находится в дополнительной взаимосвязи с целым. В этом процессе, архетипы теряют свои универсальные и коллективные качества, и на самом деле способствуют уникальности, которая *является* Самостью.

Итак, для Юнга религиозное мироощущение соткано из следования Самости, жизни с ней как с внутренним партнером. Из-за того, что дух, принадлежащий к Самости, проявляется в сновидениях, видениях и активном воображении, человек может поддерживать связь с Самостью за счет акцентирования на её образах. Однако, в её нормальном, латентном состоянии, Самость конкурирует с комплексами и архетипами, которые также манифестируются как образы. Религиозное мироощущение, это не только обращения внимания на Самость, но и работа с ней так, чтобы сделать её сильной и доминантной внутри Психэ. Эта работа, преимущественно духовная, трансформирует Самость от потенциального к проявленному состоянию. При этом трансформируется вся личность, включая Эго и бессознательное.

Проявленная Самость может быть сотворена; она редко появляется из потенциального сознания спонтанно. В связи с необходимостью трансформировать Самость, Юнг часто говорит о теме искупления. Необходимость трансформации и искупления является другой корреляцией с эзотерическими религиозными традициями. В гностицизме и алхимии, как и во многих других формах мистицизма, индивид не может просто надеяться на спасение. Каждый должен добросовестно работать ради собственного спасения, иначе оно недостижимо. Алхимия выражает этот факт в образе создания философского камня из сырья, с которого начинается работа. Мы можем рассматривать *prima materia* как потенциальную Самость, из которой создается *проявленная Самость*, или даже как хаотическое состояние психики

в начале работы. Вспомним, что одно из толкований *prima materia* — это хаос.

Рисунок 1 (см. ниже) является одним из примеров того, как алхимики представляли беспорядок в начале работы. Это полный беспорядок, без очевидных связей между разделенными элементами, который кажутся едва формирующимися или дифференцированными.

Рисунок 2 иллюстрирует порядок, созданный посредством великой работы алхимика. Разница между первым и вторым образами наглядно показывает эффект трансформации Психэ!

Внутри каждого индивидуума существует центр, содержащий уникальное бытие человека. Этот центр стремится выразить себя. Конкурирующие голоса комплексов и архетипов (или даже Эго), часто блокируют этот голос. Следуя определенным процессам, практик уполномочивает этот центр так, чтобы он устранил голоса конкурентов и организовал внутренний мир вокруг себя. Формирование Самости никогда полностью не заканчивается, потому что всегда остается еще не интегрированный в центр (или гармонизированный с ним) материал. Однако, когда Самость становится сильнее, её голос и организационная сила наращивают господство. В этот момент Эго может расслабиться и отдохнуть, и начать серьезную религиозную практику сосуществования с Самостью. До того момента, пока это не будет достигнуто, Эго должно заниматься тяжелой работой трансформации внутреннего психического состояния и уполномочивания Самости. Ранее Эго не может себе позволить отдыхать и расслабляться. Напротив, оно должно трудиться и бороться, учиться распознавать Самость и находить пути наделения её требуемыми мощностью и энергией. Важная часть психологии Юнга как духовного пути, связана с использованием различных техник трансмутации Самости. Пришло время рассмотреть некоторые из этих методов.

Трансцендентная функция

В своей работе посвященной рассмотрению трансцендентной функции [10] Юнг представил парадигму процесса, посредством которого потенциальная Самость трансформируется в проявленную. Эта трансформация базируется на единении противоположностей. Действительно, одна из характеристик Самости — это её способность соединять дуальные противоположности: добро и зло, мужское и женское, внутреннее и внешнее, духовное и материальное. Не существует линейного способа разъяснить союз противоположностей; их единение превосходит разум. Одним из образов этого единства является мандала и её центральная точка, вокруг которой все организовано. Центральная точка — это Самость. Она окружена всеми противоположностями, которые нашли подходящие позиции в соединении с центром и друг с другом. Однако, как отмечает Юнг, мандала как целостность великолепно представляет Самость, так что она сама включает все противоположности. Самость — это не только точка в центре, но и окружность, и другие компоненты, окружающие центр.

Мы переживаем Самость как единение противоположностей множественными путями. Если проявленная Самость ожила в душе, мы можем дать на любую ситуацию соответствующий ответ. Мы добры, когда доброта необходима, и суровы, когда требуется строгость. Мы не боимся ни своей темной стороны, ни доминируем над ней, но выражаем в соответствующей манере. Мы видим творческий дух в материальном мире и наслаждаемся материальными удовольствиями. Короче говоря, мы не боимся выражать все стороны своей личности и ничего не подавляем. Наша готовность быть всем, что мы есть, и охватить все части нас самих, позволяя переживать себя как целостное существо. Мы можем думать об объединении противоположностей, протекающем в последовательности; сначала выражает себя одна часть личности, затем другая.



Рисунок 1. Состояние хаоса знаменует первоначальное состояние алхимической *prima materia* и символизирует хаос Психэ перед началом внутренней алхимии. Это мрачное, тягостное состояние, в котором все содержания беспорядочны и не находятся во взаимоотношении. Целостная внутренняя алхимия состоит в трансмутации из хаоса к порядку, который создаётся вокруг центра — Самости. Обратите внимание, что в этой иллюстрации, в разгар хаоса, все же видима центральная точка — образ потенциальной Самости и перспектива будущего роста (из Barent Coenders van Helpen, *Escalierdes Sages*, 1689).

Другой опыт этого единения является не последовательным, а единовременным. Это гораздо труднее объяснить. Имея объединенные противоположности внутри себя самой, Самость, не будучи ни одной из них, пребывает за пределами их всех. Хотя она по-прежнему функционирует в последовательной манере, поясненной выше, состояние сознания, ассоциированное с Самостью не может быть определено в терминах противоположностей. Это, часть проявленной Самости, не переживает само себя ни в терминах мужественности и женственности, ни в терминах добра и зла; место его идентификации находится за пределами всех этих атрибутов. Поскольку такое состояние бытия ускользает от вербального описания, самое большое, что можно сказать — оно не поддается определению в нормальных категориях. Однако, как опыт, оно ощущается как абсолютно уникальное и совершенное само по себе. Такое “Я” определяет само себя, и может быть понято только как единственное в своем роде. То, что оно может быть определено только в собственных терминах, не означает, что оно не имеет отношение к другим людям и внешнему миру. Взаимоотношения важны для жизненного опыта, и внешний мир является частью единения противоположностей, которые проявляют Самость. Самость, однако, не определяется ни взаимоотношениями, ни внешним миром, но посредством собственной особой сущности и сознания. Существуют различные психологические процессы, которые формируют уникальную Самость, и наиболее важным из них является трансцендентная функция.

Трансцендентная функция является психологическим механизмом, который соединяет противоположности и помогает привести Самость к манифестации. Как целостность, Психэ включает сознательный (с Эго и его центром) и бессознательный разум. Для эффекта соединения противоположностей содержания бессознательного должны быть соединены с Эго, дабы создать третью позицию. Из-за того, что трансцендентная функция “образована соединением созна-



Рисунок 2. В резком контрасте с предыдущей эмблемой, эта мандала представляет упорядоченную и гармонизированную вселенную. Напрямую связанное с философским камнем, изображение показывает явно разграниченный центр, в котором живет божество, связанное с Христом. Каждая вещь движется и сосредоточена вокруг общего центра. Внутри Психэ создается манифестированная Самость и порядок заменяет хаос (из “Amphitheatrum Sapientiae”, 1609).

тельных и бессознательных содержаний” [11], она создаёт третий вариант. Мы можем спросить, какова же роль Эго в этом процессе трансформации?

Хотя Эго более комфортно с сознательным материалом, оно должно решиться исследовать собственный характер и рассмотреть возможности, которые не безусловны или

безошибочны. Это должно открыть понимание того, что существуют перспективы за пределами чьего-либо сознания. Наиболее важно, что Эго должно признать существование бессознательного, и занять позицию, согласно которой бессознательное заслуживает внимания. Это не мелочное требование. Мало того, что общественное мнение отвергает даже возможность существования бессознательного, кроме того еще и Эго, как правило, в ужасе от перспективы того, что не только оно одно контролирует собственную психическую жизнь. Даже тогда, когда Эго признает возможность рассмотрения бессознательного, оно часто заменяет фантазиями реальные встречи с бессознательным, ибо фантазия попросту помогает поддерживать положение Эго.

Часто только внутри контекста анализа или терапии Эго находит в себе способность рассмотреть позицию бессознательного. Многими путями аналитик привносит трансцендентную функцию для клиента посредством акцентирования внимания на сообщениях сновидений или придавая им вес. Аналитик пытается обучать клиента в терминах ценности, которую можно обнаружить внутри бессознательного. В этом смысле, он призывает клиента обратить внимание на внутренний голос. В то же самое время, он должен предоставить клиенту чувство безопасности и защиты, так как начата опасная работа зацепления бессознательного. Внешняя помощь часто имеет большое значение в начале работы, и даже с лучшими намерениями, многие люди находят эту задачу самостоятельно невыполнимой.

Активное воображение

В самом начале привлечения трансцендентной функции, Эго обращается к бессознательному с открытым и восприимчивым отношением. Разобравшись с этим этапом, следующей работой будет нахождение пути получения ответов от бессознательной сущности, так, чтобы её позиция и сообщаемая ей информация стали доступными. Ранее в этой главе я идентифицировал духовный аспект бессознатель-

ных содержаний как способность создания и манипуляции образами [12]. Архетипы или комплексы манифестируются как образы, которые Юнг называл "персонификациями" [13]. Сновидения предоставляют примеры этого процесса, но Юнг предупреждал, что они не являются полезными в содействии трансцендентной функции. На протяжении сновидения сознательное Эго спит и, следовательно, не может взаимодействовать на равном уровне с бессознательным. Для успешной работы трансцендентной функции, две противоположности должны быть дифференцированы и между ними должно существовать достаточное напряжение. Эго нуждается в полной пробужденности, осведомленности и возможности удерживать свои позиции при взаимодействии с бессознательным образом. Образ создается во взаимодействии сознания и Эго. В этом взаимодействии они создают необходимое напряжение для вызова трансцендентной функции. Таков обычный сценарий в опыте того, что Юнг называл "активным воображением".

Во время активного воображения Эго, будучи полностью бодрствующим и функциональным, переживает бессознательные содержания (или порождения), которые могут принимать форму образа, голоса, чувства, или даже физических ощущений. Эго, сосредоточив своё внимание на бессознательном, должно отказаться от всякого критического мышления и просто открыться для того, что продемонстрирует бессознательное. В этом состоянии восприимчивости оно должно ждать проявления бессознательного. Как только Эго увидит, услышит или почувствует что-то, оно впадает в подробности воспринимаемого образа или слышимого голоса, и выражает его наиболее полно, насколько это возможно. Например, Эго может заметить мимолетный образ водопада. Затем оно может изобразить водопад, или продолжить представление, слушая звуки падающей воды, или на самом деле поехать к реальному водопаду и сидеть возле него в течение дня. Оно должно делать все необходимое, чтобы расширить свой опыт.

Проработав достаточно опыта, Эго должно далее определить его значение. Это имеет решающее значение, ибо без некоторого понимания значения за пределами манифестаций бессознательного, Эго не будет в состоянии исследовать позицию, представляемую бессознательным. Простого наслаждения звуком водопада или любованием картиной недостаточно. Вопреки современным теориям, простого бытия с образом недостаточно; Эго должно извлечь смысл из опыта.

Осознание смысла необязательно подразумевает интеллектуальную процедуру. Продолжая пример с нашим водопадом, одним из возможных путей работы с образом является обозрение того, как символ “водопада” проявляется в мифологии или сказках, или прочтении материалов Юнга (и других) по этому вопросу. Существует и другой, более экспериментальный способ выявления смысла. Скажем, сидение возле внутреннего или внешнего водопада создаёт чувство вечной красоты и нас посещает внезапное осознание того, что жизнь — это не только бизнес и достижения. Жизнь также — это просто сидеть и слушать, ничего не делая. Хотя это очевидная истина при чтении, её не легко прожить. Сидение возле водопада вдруг заставляет нас осознать, что мы не обращаем внимания на обратную сторону жизни. “Значение” водопада — это замедление, обращение внимания на красоту вокруг нас и слушание звука жизни, который мы почти всегда игнорируем. Это значение не интеллектуально, это чувство, порожденное самим опытом. Комбинируя экспериментальное значение водопада с интеллектуальным осознанием, что водопад символизирует трансформацию энергии, мы приходим к пониманию того, что нахождение времени для замедления и прислушивания к природе, может нести для нас трансформацию. Соединение интеллектуального понимания с чувственным опытом — это мощный инструмент в исследовании значений.

Процесс еще не завершен. Хотя Эго сотворило место для проявления бессознательного и посвятило достаточно

внимания прояснению его значимости, теперь мы должны ответить на сообщение бессознательного. Важно, чтобы этот ответ был искренним и чтобы он точно отражал понимание и чувства Эго. Для работы трансцендентной функции, ни одна из оппозиций не должна доминировать или устранять другую. В начале процесса Эго всегда подавляет голос бессознательного. Избавившись от этого сдерживания, Эго должно быть осторожным и не дать уже бессознательному заглушить свой голос. Если Эго просто сдаст свои позиции бессознательному, трансцендентная функция никогда не сработает. Эго останется столь же односторонним, как было раньше, только теперь эта односторонность послужит обратному направлению. Вместо того, чтобы заняться мирскими делами, оно бросает все, чтобы часами сидеть перед водопадом в надежде достичь просветления. Скука и стерильность стали бы вероятным результатом этого подхода; не существует магического ответа в сообщениях бессознательного, он существует только в трансцендентной функции.

Когда делание активного воображения работает, Эго сталкивается и с другими опасностями. Силу бессознательного не следует недооценивать. Будучи неспособным сохранить свои собственные позиции, Эго может быть затоплено бессознательным материалом и получить психотический опыт. Или же, если Эго теряет свою точку зрения и полностью покупается на бессознательное, односторонность результата может выродиться в инфляцию.

Для Эго существует потребность хорошо узнать Самость, и поддерживать здоровую самооценку и перспективу в условиях сильного давления внутренних сил. Задача Эго — не из легких, ибо оно должно сохранить свою целостность, отказавшись от жесткости и догматичности. Сохраняя заземление, ему следует повернуться вовнутрь и открыть двери, впуская не только мудрость, но также и опасности бессознательного. Такая позиция “гибкой силы” является необходимой для того, чтобы выдержать напряжение, необходимое для трансцендентной функции.

После проработки образа водопада и переживания его смысла, “Я” должно ответить на полученную информацию. Очень часто “Я” сначала будет иметь негативный ответ, который нужен для того, чтобы не подталкивать себя к нереалистичной позиции. “Я” может рассмотреть водопад как правильный и хороший, но у того же “Я” определенно есть дела поважнее, чем сидеть и слушать всплески воды. Если “Я” даст такой ответ, оно обязано вернуться к бессознательному для вторичного возражения. Услышав новый ответ, “Я” должно дать ответ на него. И так продолжается обмен аргументами с двух позиций. Эго нужно не просто поучаствовать в интеллектуальной беседе с бессознательным, но также пытаться по-настоящему оказать влияние в обсуждении, насколько это возможно. Это движение назад и вперед образует трансцендентную функцию:

Обмен аргументами и аффектами представляет трансцендентную функцию противоположностей. Противостояние двух позиций порождает напряженность, заряженную энергией и создает живительную, новую составляющую — не логический выкидыш... но движение за пределы подвешенности между противоположностями, живое рождение, которое приводит к новому уровню бытия, новой ситуации. Трансцендентная функция проявляется как качество соединенных противоположностей[14].

Самость есть единство противоположностей, а также центр Психэ. Этот центр вырастает посредством организации архетипических сил вокруг него, что происходит через соединение Эго и бессознательного. Трансцендентная функция является средством, с помощью которого противоположности приходят к соединению — процессу привнесения проявленной Самости к бытию. Каждый раз Эго контактирует с образом из бессознательного и вступает с ним в конструктивный диалог, оно может вызывать трансцендентную функцию. Каждый раз, когда это делается (каким бы мелочным это ни казалось), Эго становится сильнее

и трансформирует Самость. Из напряженности, созданной противостоящими взглядами Эго и бессознательного, за пределами переключения между позициями, создается новая, третья и трансцендентная позиция.

Если трансцендентная функция создает третью позицию, это может переживаться двумя путями. Эго много знает о том, что повседневные дела имеют огромную важность. С другой стороны, бессознательное требует времени, чтобы просто быть и сидеть, отражая и слушать внутренний голос. Используя последовательную модель, третья позиция позволяет Эго много работать на неделе, но также иметь время, чтобы бывать на природе или медитировать. Существует время для занятости работой, и время для спокойных размышлений. Из-за единения с бессознательным, Эго становится в состоянии определить, какой отклик ожидается в данный момент. Оно чувствует, что когда оно работает, бывает слишком тяжело, и признает значение бездействия, выбирает час для спокойного сидения. Ощувив внутреннюю смену, оно может возвратиться к работе.

Второй путь единения — это одновременное переживание. Эго в состоянии работать, когда это необходимо и отдыхать, когда требуется, но оно делает это резкими сменами. Будучи на работе, оно остается осознющим слабый голос внутри, и никогда не отождествляется с трудовой деятельностью настолько, чтобы забыть внутренний мир. Эго уделяет внимание внутреннему чувству Самости даже на протяжении работы. Однако, когда приходит время отдохнуть возле водопада, оно не забывает о своей работе. Пока оно отдыхает, могут приходиться инсайты о работе, и чувство компетентности и дисциплины, которое оно имеет на работе, переводится в безупречный способ побыть с бессознательным. Оно не переживает отдых как способ впасть в неосознанность и забыть нормальную жизнь, но как шанс уделить внимание внутренним идеям, ясно сохраняя своё собственное чувство идентичности.

Когда третья позиция создаётся через операцию с трансцендентной функцией, к бытию приходит также новое состояние сознания. Чувство Эго само по себе изменяется, и сознание отдыхает в недавно проявившейся Самости, которая нашла способ соединить опыт релаксации и работы. Огромная дистанция между противоположностями заполняется, и текущий опыт Самости включает в себя их обе.

Может показаться, что Юнг предполагает, будто человек может пережить трансцендентную функцию только посредством вхождения в своего рода конфликт с бессознательным, но это не так. Обмен аргументами, о котором он говорил, может принимать другие формы помимо конфронтации противоположностей. Это может быть совместная проработка темы, или выражение страха и обнадеживающий ответ, или запрос дополнительной информации. Возможности бесконечны, но природа взаимодействия должна быть достаточно реальной для создания психологической напряженности, когда две позиции вступают в контакт.

Модель Психэ по Юнгу подчеркивает конечную важность и ценность Самости, показывая средства, которыми становится возможна трансформация в сильный и живительный центр. Одним из них является активное воображение, лучший метод для непосредственного привлечения трансцендентной функции.

Активное воображение, конечно, гораздо больше, чем техника; оно может стать образом жизни. Говоря о глубокой стадии индивидуации, в которой четыре функции Психэ сбалансированы, доктор фон Франц писала:

“Это уровень, на котором активное воображение берет контроль. С внутренним ядром сознания вы пребываете в срединном месте. . . вы остаётесь внутри своего активного воображения, так сказать, и вы чувствуете, что там протекает ваш жизненный процесс. . . Вы сохраняете своё сознание сфокусированным на событиях, которые случаются в срединном месте — на тех событи-

ях, что происходят внутри вашего активного воображения”[15].

Чем дальше кто-то прошел по пути индивидуации, тем сильнее становится Самость. Когда Самость набирает силу, Эго имеет меньше сложностей с фокусировкой на ней и с концентрацией своей осознанности на срединной позиции, которую предоставляет Самость. Чем больше Эго осознаёт Самость, тем более оно живёт в мире активного воображения. Начинаясь как техника, активное воображение становится состоянием бытия. Это новое состояние сознания определяет роль Эго внутри проявленной Самости, но в ранних стадиях индивидуации, активное воображение должно быть исследовано и усердно практиковаться, если практик хочет достичь результатов.

Житие в мире активного воображения не означает, что мы находимся в измененном состоянии сознания постоянно, имея видения день и ночь. Это означает, что наше внимание никогда не оставляет центр, и мы легко получаем доступ к Самости в любой момент. Кроме того, мир является бодрым и жизненным, наполняясь магическими возможностями и нуминозным подтекстом, который не требует многого для активации. Индивиды в таком состоянии бытия присутствуют в настоящем моменте, и сознательно участвуют в каждой ситуации. В то же время, однако, мир бессознательного также представлен, и встречи в воображении легко доступны.

Активное воображение может принимать множество форм. Если одни люди могут рисовать образы или делать скульптуры, другие могут вытанцовывать переживаемый опыт, или облечь его в музыку. В моем понимании, однако, идеальной формой активного воображения является диалог и взаимообмен между внутренней фигурой и Эго. Внутренняя фигура, на самом деле, олицетворяет содержание бессознательного, с которым мы пытаемся взаимодействовать, и это происходит в форме, в которой бессознательное может говорить и активно обмениваться информацией с Эго. Продолжение вербального диалога с внутренней фигурой

требует некоторой практики, но как только оно достигнуто — это и есть высший путь обмена информацией и создания напряженности, необходимой для трансцендентной функции. Как я говорил, существуют другие пути практики активного воображения. Не каждый способен к диалогу с внутренними голосами, но некоторые усилия почти всегда обеспечивают доступ к вербальной коммуникации. Если мы соединим возможность видеть и чувствовать внутреннюю фигуру с возможностью её слышать, тогда мы будем в состоянии сделать глубокую работу активного воображения. Это нелегко сделать, и следует практиковаться, так же как мы практикуемся на музыкальном инструменте до достижения мастерства. Чем больше мы практикуем, тем лучше становимся.

Как уже упоминалось, внутренняя фигура является персонификацией конкретного содержания бессознательного, поэтому имея дело с фигурой, мы также имеем дело с содержанием в форме обсуждаемого вопроса. Например, человек не видит отцовский комплекс как таковой, но наблюдает его в форме мужчины, облаченного в костюм, который подобен его боссу — так и в активном воображении внутреннее содержание не воспринимается непосредственно, но в виде персонифицированного образа. В то же самое время, внутренняя фигура автономна, т.е. находится вне контроля Эго. Автономия и реальность внутренней фигуры — сложные вещи для понимания. Поэтому принцип сопротивления в работе активного воображения проявляется как ощущение, что Эго “всё это выдумывает”. Такого почти никогда не бывает, однако, автономии бессознательного, как правило, достаточно сильны для противостояния прямому контролю со стороны Эго. Эго может неправильно истолковывать, может идентифицировать, может фантазировать, но начинаются большие неприятности, когда оно пытается манипулировать внутренней фигурой. Если активное воображение практикуется правильно, внутренняя фигура говорит собственным голосом.

Существует еще одна интересная особенность внутренних фигур, которую упоминал Юнг. Описывая мощь архетипических образов, он замечал, что “вместо выведения этих фигур из психических состояний, мы должны вывести наши психические состояния из этих фигур” [16]. В этом высказывании, я подозреваю, что Юнг имел в виду путь, в котором архетипы могут определять психический опыт коллективного бессознательного, но, в то же самое время, это влияние может проследиваться в индивидуальной Психэ. Автономная фигура сама по себе проявляется из бессознательного, и затем может формировать или сильно влиять на психические состояния индивидов. Хорошо известно, что сновидения могут влиять на настроение и мировоззрение человека, даже если сновидение не толковалось. Активное воображение может также оказать сильное влияние на настроение и чувство благополучия. Есть два важных следствия этого утверждения Юнга, которые следует рассмотреть: внутренняя фигура находится за пределами текущего психического состояния Эго, и в то же самое время может оказывать на это состояние прямое влияние.

Возьмем простой пример, когда человек вступил во взаимодействие с отцовским комплексом. Он переживает страх и беспокойство по отношению к авторитетным фигурам этого мира. Если он в состоянии выполнять практику активного воображения, то может призывать внутреннюю фигуру, которая помогала ему в прошлом. Так как эта внутренняя фигура не загрязнена состоянием ума Эго, она остаётся за пределами комплекса и не затрагивается им. Кроме того, если эта внутренняя фигура является достаточно сильной, она может, взаимодействуя с Эго, вытащить Эго за пределы комплекса и изменить его восприятие и самоосознание. И на текущий момент Эго становится способно встретиться с проблемами внешнего мира без ограниченности, порожденной комплексом.

Внутренняя фигура, с которой практик контактирует в активном воображении, является автономной, способной

выражать саму себя без доминирования со стороны Эго. В то же самое время, она имеет возможность оказывать огромное влияние на Эго и его психологическое состояние. Согласно определению Юнга, дух обращается к автономной силе для создания и манипуляции образами. Каждое активное воображение, в таком случае, является прямым переживанием духовной силы Психэ. Безусловно, существует и негативная сторона этой силы — внутренняя фигура, которая воплощает архетип, может действительно разрушительно повлиять на состояние Эго. Эго должно разработать средства самозащиты от такого влияния до тех пор, пока Самость не станет достаточно сильной, способной гармонизировать эти архетипические проявления.

Психэ и психоид

Можно поинтересоваться, каким образом Юнг пришел к формулированию своих теорий о Самости и активном воображении. Он рассказывает нам, что пришел к этому посредством наблюдения за сновидениями и переживаниями активного воображения у своих клиентов. Также ясно из “Воспоминаний, сновидений, размышлений”, что его собственные переживания активного воображения определили очень многое в его теориях. Он приписывает происхождение многих его идей Филемону, внутреннему гуру. Как он утверждает: “Все мои работы, вся моя творческая деятельность пришла из этих исходных фантазий и сновидений” [17]. Он тестировал эти идеи в своем наблюдении за другими и своих исследованиях древних традиций. В этой комбинации внутреннего опыта с внешним исследованием, он предоставил основательный метод для исследования внутреннего мира.

Я пытался следовать юнгианской модели в своей работе. Я уделял пристальное внимание своим собственным переживаниями, а также переживаниям друзей и клиентов, в надежде укрепить свое понимание визионерских опытов и встреч. В то же время, я изучал многие другие визионерские традиции, дабы обогатить свои переживания идеями

других, посвятивших себя внутренней работе. Благодаря моему опыту, а также опыту многих других индивидов, я пришел к постулированию существования того, что называю психоидным миром.

Практик может пережить внутренние фигуры многими путями. Активное воображение связывает индивидов с внутренними фигурами, которые, будучи очень мощными, являются явно имагинальными¹² и производятся Психэ. Эти фигуры чувствуются как пришедшие из себя самих. Как правило, человек переживает их с закрытыми глазами и вниманием, направленным вовнутрь. Существуют психологические фигуры, которые персонифицируют силы бессознательного. Однако, часто бывает, что индивид может пережить фигуру, которая чувствуется совершенно иной. Такая фигура ощущается так, будто бы она происходила из внешнего мира — например, находилась в той же комнате, где и сам человек. Глаза практика открыты, и у него присутствует чувство, что он воспринимает фигуру, которая пришла не изнутри. Внимание Эго сфокусировано вовне, а не внутри. Такие переживания я связываю с термином “психоид”.

Также существуют другие атрибуты психоидальных переживаний. Они, скорее всего, будут связаны с опытом синхроничности и его эффектами, последствия которых являются физическими, а не только психологическими. Качество опыта менее “имагинально” и более “реально”, хотя реальность, в которую вовлечен индивид, не является ординарным миром.

Вот личный пример такого опыта. Я был дома и спал, когда вдруг проснулся в середине ночи. Моя жена спала рядом со мной, и ничто не казалось из ряда вон выходящим. Внезапно я оказался на вершине горы, почти на самом пике. Склон был очень крутым, и страх высоты вынудил меня упасть на землю и схватиться за что-то из страха,

¹²Т.е. принадлежащими миру воображения.

что я могу упасть в любой момент. В то же самое время я полностью осознавал себя лежащим дома в постели. Я был осведомлен об обеих реальностях одновременно, и тогда это мне не казалось особенно странным. Я не спал, но был полностью пробужденным, и сцена с горой была совершенно реальной. Я чувствовал холод и запах земли. Мой страх был пронзительным и ясным. Когда я лежал там, фигура с капюшоном появилась прямо рядом со мной и сказала, “Ты еще не доверишь мне, будучи здесь?”. Воодушевленный её словами, я встал и посмотрел ей в лицо. Точнее, я посмотрел ему в глаза — в капюшоне был скелет с ярко-красными, блестящими глазами. Вместо страха, я преисполнился глубоким чувством любви и ощущения себя любимым. Он протянул руку и коснулся моей груди, и я обнаружил себя за пределами горы — в постели, но в состоянии глубокого экстаза, который продолжался пять или шесть часов. Типичные психологические встречи обладают реальностью этой сцены с горой, полной жизненности фигуры в капюшоне, глубоким влиянием его прикосновения и состоянием экстаза.

В связи с этим опытом, я начал бороться с идеей, что должны существовать разные слои визионерских путешествий. Я чувствовал, что для обозначения всех психических опытов (или переживаний бессознательного) не хватало дифференциации. Восемьсот лет назад суфийский мистик Ибн Араби¹³ учил о природе имагинальных состояний и упоминал о встрече с внутренними фигурами.

¹³ *Мухйиддин Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн Араби аль-Хатими ат-Таи аль-Андалуси* (1165–1240) — исламский богослов из Испании, крупнейший представитель и теоретик суфизма. Получил прозвание “величайший учитель” (*аш-шайх ал-акбар*). Ибн Араби разработал учение о единстве бытия (*вахдат ал-вуджуд*), отрицающее различия Бога и мира. Критики (Ибн Таймийя и др.) видели в этом учении пантеизм, сторонники — истинный монотеизм (*таухид*). Отстаивал концепцию совершенного человека (*аль-инсан аль-камиль*). Ибн аль-Араби много путешествовал, его поездки и впечатления имели как правило мистическую суфийскую интерпретацию. По его рассказам, он трижды встречался с Хизиром.

В своей работе “*Fusus al Hikam*” (или “Геммы мудрости”) [18], он писал о различных уровнях имагинального опыта. Он делал различия между имагинальной способностью обычного человека и гностика, утверждая, что воображение гностика проявляет реальные переживания и существ, которые существуют независимо от способности воображения. Воображение ординарной персоны, с другой стороны, создаёт образы, которые имеют реальность только внутри человеческого воображения. Другими словами, в обычном активном воображении опыт принадлежит только Психэ, но в психоидальном переживании образ и встреча с ним происходят в реальности, выходящей за пределы Психэ. Кроме того, Ибн Араби делает различие между опытом Бога как себя и Бога как другого. Последний опыт он объясняет как происходящий в молитве, но только тогда, когда индивид в состоянии действительно слышать и видеть Бога.

Таким образом, существует два типа внутренних фигур. Первый тип происходит из внутреннего, бессознательного мира и персонифицирует архетипы и комплексы. Такие фигуры могут также воплощать Самость, с её силой и мудростью. Другой тип — производная психоидного мира, из имагинального мира, который реален сам по себе, и который превосходит психический мир человеческих существ. Фигуры второго типа могут воплощаться из этой реальности в Психэ человека.

Разбираясь с этими фигурами, Ибн Араби писал, что “форма связана с духовным существом подобно тому, как свет, исходящий из лампы в разные углы комнаты, связан с лампой. . . форма не что иное, как само духовное существо; напротив, она с ним идентична, даже если находится в тысячах мест, или повсюду, и разнообразна обликом” [19]. Другими словами, форма, которую психоидное существо принимает в Психэ, внутренняя фигура, в которой оно проявляется, идентично психоидной сущности. Не существует разницы между самим духовным существом и его

образной формой, в которой оно переживается. Активное воображение с такой фигурой относится к миру за пределами Психэ — с духовной областью и реальностью, где проживают божества. Хотя никогда невозможно получить опыт реальности самой в себе, индивид может пережить её через форму, которую она проявляет. Так как эта форма ничем не отличается от самой вещи, имагинальные встречи с формой являются встречей с божественной сущностью, из которой она образуется.

Я представляю тему психоида с такой точки зрения для иллюстрации важности потенциала, который содержит активное воображение, не только для формирования Самости, но и для переживания реальностей, находящихся за пределами нашей обычной сферы восприятия. Кроме того, понимание психоида природы некоторых переживаний активного воображения прольет свет на определенные алхимические символы и то, как алхимики видели воображение, а также его влияния на их работы. Как писал доктор Юнг, **“опыт сам по себе является важной вещью, а не его интеллектуальная репрезентация или классификация, которые утверждают значимость и полезность только тогда, когда путь первоначального переживания заблокирован”** [20]. Моя формулировка находится в согласии с природой психоида опыта, и предназначена для прохождения к этим реальностям, дорога к которым в противном случае будет заблокирована. Она также предназначена для того, чтобы пролить свет на алхимические описания, которые могут, с большой пользой, быть поняты в связи с сотворением Самости и воплощения психоида сил.

Практика активного воображения

Активное воображение — основной метод, посредством которого активизируется трансцендентная функция, а также он может открыть окна для других имагинальных миров. Но из чего складывается активное воображение? Как оно переживается? Для удобства, я делю процесс активного

воображения на семь главных этапов. Будучи несколько произвольными, эти семь стадий отражают полную природу опыта активного воображения. Первая стадия подготавливает ум для вхождения в имагинальное пространство. Сознательный ум должен быть успокоен и центрирован — так, чтобы Эго получило способность получения сообщений из бессознательного. Обычное дискурсивное мышление должно прекратиться, и Эго следует войти в состояние выжидательной тишины. Это состояние ума может быть достигнуто физическими манипуляциями, такими как йога, или медитативными упражнениями, такими как наблюдение за дыханием или фокусирование на одной точке. Фактический метод не столь важен, но это должно быть комфортно для индивида, приступающему к действию. Единственное требование — успокоение ума и вхождение в состояние внутреннего покоя.

Как только это состояние достигнуто, Эго приглашает бессознательное для коммуникации. На протяжении многих лет я обнаружил, что лучший способ для Эго сделать это — иметь конкретный образ в уме (или, по крайней мере, конкретный вопрос, который хотелось бы разрешить). Простое открытие бессознательного, часто проявляет множество противоречивых и запутанных образов. Если, однако, Эго имеет в уме конкретную внутреннюю фигуру, с которой оно желает войти в контакт, или возвращается к конкретной сцене сновидения (или столкновению с каким-либо опытом), то это намерение помогает сфокусировать бессознательное определенным образом. Индивид может спокойно игнорировать любые возникающие образы, которые ощущаются как несвязанные с исходным вопросом. Я называю эту стадию работы периодом эвокации (или намерения). После успокоения, Эго твердо в своем намерении и ожидании. Если практик может без сложностей визуализировать внутреннюю фигуру, то на этой стадии процесса он может представить себе именно ту фигуру, с которой изволит войти в контакт. Удерживайте внутреннюю фигуру в уме до тех пор, пока она не начнет двигаться или как-то действовать сама по себе.

Тем, кому визуализация не даётся легко, следует только следовать намерению до тех пор, пока что-то не начнет происходить.

Есть несколько правил для данного этапа работы. Внутренние фигуры должны, по возможности, не быть реальными людьми, живущими или умершими. Форма персонификации должна проявляться из бессознательного, и должна быть уникальна для личности, работающей над активным воображением. Совершение действия с образами реальных людей несправедливо по отношению к этим людям, эффект для которых может проявиться неожиданными путями. Психические атаки и вторжения могут происходить в имагинальной реальности, и один из способов совершить такую атаку — делание активного воображения. Хотя это редкость, в любом случае это может иметь место. Поэтому лучше не использовать реального человека в имагинальных свершениях, из-за возможности совершения случайного нападения. Также лучше не использовать образ умершего человека, ибо это может привести к зависимости от умершего (я наблюдал случаи, когда потерявшие близких люди, осуществляли активность с ними в надежде зацепиться за них — хотя им следовало следовать трауру и позволить им уйти). Единственный случай, когда делается активное воображение с умершим индивидом — это тогда, когда существуют неразрешенные вопросы между практиком и усопшим. Например, неразрешенная боль или ярость к мертвому родителю, может блокировать психический рост до тех пор, пока эту проблему не рассмотреть и позволить ей разрядиться. Практика активного воображения — отличный способ исцеления прошлых травм и болей.

Третья фаза начинается, когда бессознательное некоторым путем проявляется. Эта фаза *активации бессознательного*, и она может принимать множество форм. Индивид может переживать аффект, телесные ощущения, голос или странные мысли. В той модели, что я использую, внутренняя фигура проявляет себя в этой точке. Каким бы способом

бессознательное не проявилось, теперь Эго обязано дать ему ответ. Ответ начинает ту фазу активного воображения, которую я называю *взаимодействием*, и она связана с тем движением назад, что описывал Юнг. Используя пример внутренней фигуры в фазе активации, образ может проявиться и сказать “привет”, или как-то по другому поприветствовать практика. Он может спросить о том, что хочет Эго или что оно делает. Эго должно дать ответ. В свою очередь, оно может спросить о том, что делает внутренняя фигура, а затем изложить причину, по которой оно изволит пообщаться с ней. В фазе взаимодействия есть диалог между внутренней фигурой и Эго, которому позволено следовать в любом направлении, которое происходит спонтанно.

Фаза взаимодействия в активном воображении может продолжаться долгое время, иногда неделями или даже месяцами. И это должно быть связано со стадией работы, которая фактически происходит вне работы. Эта фазу я называю *размышлением*. Размышление являет собой необходимость со стороны Эго подумать о своих переживаниях, которые произошли. Как я говорил ранее, Эго не должно сдавать своей позиции, ему следует придерживаться её, пока оно не рассмотрит всё, что внутренняя фигура показала ему. На протяжении этих размышлений, интеллект играет важную роль — Эго должно всерьёз задуматься о том, что пережито. В то же самое время, ему нужно глубоко прочувствовать переживания, чтобы оценить их с точки зрения чувств. Ощущается ли позитивно то, что говорит внутренняя фигура? Имеет ли это рациональный смысл? Давая себе период размышлений, Эго защищается от наивного падения в бессознательную позицию, или просто принятия за чистую монету того, что внутренние образы говорят ему. На протяжении этой стадии Эго может обратиться со своим опытом к аналитику в надежде получить объективную обратную связь. Когда Эго приходит к некоторым выводам, оно может вернуться к активному воображению и возобновить общение с внутренней фигурой.

Взаимодействие и размышления могут продолжаться некоторое время, но, рано или поздно, активное воображение доходит до фазы, которую я называю *развязкой*, когда первоначальное намерение или вопрос, с которого начиналось действие, некоторым путем разрешается. К примеру, я могу желать понимания того, как развить свою женскую природу. Я прошу внутреннюю фигуру мудрой женщины проявиться и рассказать мне об этой части меня. Она проявляется и начинает наставлять меня в чувствах и отношениях. Я сопротивляюсь, имею вопросы, и мы разрешаем каждый из них по мере проявления. Я начинаю интеллектуально понимать женственность, но все еще не «постигаю её». И однажды, в процессе действия, я ощущаю в моем теле и моем существе то, что по-настоящему означают взаимоотношения, и я понимаю, что отныне это часть моего осознания. Развязка произошла, и трансцендентная функция сделала своё дело, навсегда изменив моё сознание и создав новое состояние проявленной Самости. На протяжении фазы взаимодействия, я, вероятно, буду испытывать различную степень напряжения и дискомфорта, так как я объединяю свою собственную позицию с внутренней фигурой. Напряжение, которое иногда переживается во взаимодействии с внутренней фигурой, может быть очень тяжелым, даже физическим, в своей манифестации. Некоторые люди находят трудным продолжение работы, когда напряжение достигает уровня большой интенсивности. Тем не менее, важно идти дальше и действовать, несмотря на дискомфорт, потому что если напряжение будет разрешено неправильно, трансцендентная функция не сработает. Если разрядка происходит естественным образом, то напряжение, однако, снимается посредством понимания того, что оно в себе таит.

В конце концов, приходит *интеграция*, последняя стадия активного воображения. Когда Эго получает озарение, оно должно приложить максимум усилий, чтобы интегрировать это озарение в свою внешнюю жизнь. Если, например,

я достиг глубокого понимания природы взаимоотношений, тогда мне следует работать над принесением этой пронизательности во всех взаимоотношениях с людьми, которых я знаю и люблю. Если я не в состоянии или не желаю применять на практике свою новую мудрость во внешнем мире, тогда моя практика терпит крах. Только тогда, когда я способен проживать свою повседневную жизнь с тем, что изучил во внутреннем мире, можно говорить о том, что активное воображение успешно. Страх, что активное воображение или Самость изолируют человека от жизни, которые некоторые испытывают, необоснован. Внутренний и внешние миры должны подпитывать друг друга и соединяться через усилия Эго, которое стоит одной ногой в каждом мире. Эго может повернуться внутрь для опыта глубокой мудрости, а затем сдвинуться вовне и применять полученные навыки на практике. В этой способности выстроить мост между двумя мирами, Эго исследует Самость и опыт бесконечного многообразия своей собственной целостности.

Юнг определял духовное как автономное творение и манипуляцию образами. Духовные существа наделены этой способностью. Если они происходят изнутри Психэ, они являются архетипическими фигурами и существами, а если из-за пределов Психэ, то они являются психидальные сущности. Так как активное воображение — это процесс, посредством которого такие внутренние фигуры привлекаются и получают позволение выразить себя через спонтанное разворачивание образов, активное воображение — преимущественно духовное действие. Через активное воображение в игру вступает трансцендентная функция, а посредством этой функции трансформируется Самость — из её потенциального, латентного состояния в активное, живое и проявленное в форме. Как и Юнг, я убежден, что эти три аспекта внутреннего делания формируют основу алхимии. Алхимия устремлена к Самости и её сотворению, а алхимические символы описывают опыт активного воображения и трансцендентной функции.

Первоначально Юнг не осознавал значение алхимии для понимания процесса индивидуации. На самом деле, ему потребовалось некоторое время для того, чтобы открыть силу алхимических образов и их значений на пути понимания работы с Самостью. Купив старые алхимические трактаты, он время от времени заглядывал в них, только для того, чтобы быть разочарованным кажущейся бессмысленностью:

“Я оставлял эту книгу почти нетронутой около двух лет. Иногда я смотрел на изображения в ней, и каждый раз думал: “Господи, какая ерунда! Этот материал невозможно понять”. Но она упорно меня интриговала, и я пытался своим умом постичь её более тщательно. . . скоро я нашел это провокационным и захватывающим. . . Наконец, я осознал, что алхимики говорили в символах” [21].

Понимание Юнгом того, что алхимики говорили символами, и того, что эти символы должны быть истолкованы, открывает дверь к расшифровке тайн алхимического воображения. Сейчас мы находимся в начале нашего исследования мира воображения и постижения того, в чем этот мир может наставить нас для достижения и укрепления Самости.

Примечания к первой главе

1. C.G. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, Collected Works, vol. 14, R. F. C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970). Далее я ссылаюсь на эту работу как на CW 14.
2. CW 14, f 778.
3. M.-L. von Franz, “The Process of Individuation” in C. G. Jung, *Man and His Symbols* (Garden City: Doubleday, 1964), p. 210.
4. Дискуссию о Самости и символах её сотворения смотрите в C.G. Jung, *Aion*, Collected Works, vol. 9II, R. F. C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1968), ff 121 ff. Далее ссылаюсь на эту работу как на CW 9II.
5. C.G. Jung, *Psychology and Religion* (New Haven: Yale University Press, 1938), p. 4.
6. Gerhard Wehr, “C.G. Jung in the Context of Christian Esotericism and Cultural History” in Antoine Faivre and Jacob

Needleman, eds., *Modern Esoteric Spirituality* (New York: Crossroad, 1995), p. 382.

7. CW 9n, f 426.
8. C.G. Jung, *The Archetypes and the Collective Unconscious*, Collected Works, vol.9i, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1969), ff 393. Далее ссылаюсь на эту работу как на CW 9I.
9. CW 9I, f 634.
10. C.G. Jung, *The Structure and Dynamics of the Psyche*, Collected Works, vol. 8, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1969), f 131 — 193. Далее ссылаюсь как на CW 8.
11. C.G. Jung, *C W 8*, K 131.
12. Юнг сказал Святому Духу “результат[ы] . . . из человеческого размышления: то есть... продумывание образа, установление внутренней связи и примирения с внешним объектом” (из “On the Psychology of the Concept of the Trinity,” G.V. Hartman, trans., *Quadrant*, XXXVII: I, Winter, 1998).
13. Смотрите C. G. Jung, *Analytical Psychology: Its Theory and Practice* (New York: Pantheon, 1968), pp. 80 — 81 .
14. C.G. Jung, *CW 8*, f 189.
15. Marie-Louise von Franz, “The Inferior Function” in M.-L. von Franz and James Hillman, *Lectures on Jung’s Typology* (Dallas: Spring Publications, 1984), p. 69. Курсив оригинальный. Использовано с разрешения.
16. C.G. Jung, *Alchemical Studies*, Collected Works, vol. 13, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), f 299.
17. C. G. Jung, *Memories, Dreams, Reflections* (New York: Vintage Books, 1963), p. 192.
18. Я принял во внимание два перевода этой работы: Ibn 'Arabi, Muhyi-DDin, *The Wisdom of the Prophets*, перевод с арабского на французский с комментариями Titus Burckhardt, и перевод с французского на английский — Angela Culme-Seymour (Gloustershire: Beshara Publications, 1975); and *The Seals of Wisdom* (New York: Concord Grove Press, 1983).
19. Цитата из William Chittick, *Imaginal Worlds: Ibn al-'Arabi and the Problem of Religious Diversity* (Albany: State University of New York Press, 1994), p. 94.
20. C.G. Jung, *CW 14*, f 777.
21. C.G. Jung, *Memories, Dreams, Reflections*, p. 204.

Глава 2. Алхимическое воображение

Основным инструментом в понимании внутреннего мира в последнее столетие стало воображение. Никто не способствовал этой эволюции больше, чем Юнг. Его акцент на активном воображении открыл новые области исследования, включая выявление внутренних фигур и освоение мира воображения. Воображение имеет долгую и впечатляющую историю, играющую центральную роль в представлениях о духовном росте, особенно в эзотерической линии, такой как магическая и алхимическая традиции. Это не предполагает, что каждый алхимик принимал концепцию воображения. Однако существует очень значимая теория воображения, которую можно обнаружить в писаниях некоторых алхимиков. Их взгляд на творческую реальность может многому нас научить в плане теории и практики активного воображения и его роли в процессе индивидуации. Изучение воображения всё еще находится в зачаточном состоянии, и существуют многочисленные традиционные писания, требующие рассмотрения. Объем материала о воображении в алхимических писаниях впечатляет, и его невозможно охватить в рамках данной работы.

Для того, чтобы понять традиционный взгляд на воображение, важно отказаться от современных предубеждений. Сегодня фантазию и воображение редко различают; и то, и другое считается нереальным, и назвать что-либо воображаемым, по сути, означает отвергнуть как недействительное. Многие писатели, такие как Корбен¹⁴, Хиллман¹⁵

¹⁴ Анри Корбен (фр. *Henry Corbin*, 1903–1978) — французский философ и исламовед, авторитетнейший исследователь иранской суфийской мистики и шиитского гностицизма.

¹⁵ Джеймс Хиллман (англ. *James Hillman*, 1926–2011) — американский психолог. Он учился, а затем руководствовался исследованиями Институ-

и другие, в последние годы пытались реабилитировать понятие воображения, но, кажется, лишь немногие отказались от коллективного его восприятия. В недавней дискуссии о природе воображения я предположил, что философский камень должен пониматься как порождение имагинального. Участники обсуждения были возмущены тем, что я обозначил философский камень как *исключительно* воображаемый. Для них, конечно, моё высказывание означало нереальность камня. Они не подумали о том, что нечто может быть воображаемым и реальным одновременно.

Для алхимика, мага, суфийского мистика и для Юнга, воображение не было чем-то нереальным. Воображаемые события рассматривались как происходящие в мире, будучи отличными от обычного мира, но все же действительными и реальными. Воображение имело реальное воздействие на Психэ и даже физическую реальность, а также помогло сотворить прямое переживание божественного. Алхимики верили, что воображение было вполне реальным, составляющим неотъемлемую часть *алхимического делания*. Юнг также считал, что воображение было столь важно в алхимическом мировоззрении, что писал, что “концепция *imaginatio*, пожалуй, самый важный ключ к пониманию *opus*” [1]. Поэтому не будет ли разумно начать наше исследование алхимии с воображения?

Фантазия и воображение

Подобно современным исследователям внутреннего мира, алхимики были обеспокоены отделением воображения от фантазии. Они осознавали, что истинное воображение обладает силой и глубиной, тогда как фантазия лишена этого. Якоб Бёме был одним из тех, кто предостерегал от заблуждений фантазии. Хотя и не практикующий алхимик, Бёме был мистиком, который использовал терминологию

та К. Г. Юнга в Цюрихе, основал движение архетипической психологии и ушел в частную практику, писал и путешествовал, работал частным преподавателем.

и символы алхимии для выражения своих затруднительных мистических видений. Будучи рожденным в 1575 году, Бёме был лютеранцем, прошедшим через ужасный период религиозной войны, которая уничтожила Германию. Отчасти из-за того, что насилие и ненависть стали свидетельствами его словам, Бёме подчеркивал борьбу за искупление и потребность в переживании высших внутренних истин. Воображение было ключевой концепцией в его мистической системе; это было не только средство искупления души, оно также означало то, посредством чего Бог сотворил мир. Божественная Мудрость, или София, творческая сила Бога, играла огромную роль в его системе, и Она была для него “Божественным Воображением” [2]. Его теория воображения была частью очень сложной системы мистической теологии, и я не буду обсуждать ее целиком, но он ясно проводил различие между хорошим и плохим воображением. Плохое воображение было “фантазией”, которая была ответственна за падение Люцифера, а в человеческом существе оно породило иллюзии и ложные желания, которые уводят его от Бога. При повороте к фантазии вместо истинного воображения, душа теряется в иллюзии и все дальше отдалается от сущности Бога [3]. Истинное воображение, с другой стороны, являет собой воплощение божественной мудрости в душе, и может привести к искуплению и единению с Богом.

Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм, более известный как Парацельс, жил примерно за восемьдесят лет до Якоба Бёме. Он был, пожалуй, одним из наиболее влиятельных алхимиков, установившим точку зрения о том, что соль равноценна сере и ртути. Но, прежде всего, он был врачом и рассматривал алхимию как мощный инструмент борьбы с болезнью. Он мало интересовался сотворением камня или трансмутацией металлов, но гораздо больше касался производства эликсиров и бальзамов, которые были полезны при лечении болезней. Он был вспыльчивым, высокомерным и напыщенным человеком, который находил себе врагов ку-

да успешнее, чем заводил друзей, но его работа чрезвычайно интересна и значительна, в том числе его лечение воображением, что оказалось очень влиятельным. Подобно Бёме, который им вдохновлялся, он верил в силу воображения, но также утверждал опасность фантазии:

“Более того, есть врачи без воображения, без веры, которые называются фантазёрами. Фантазия не является воображением, но граничит с глупостью. Они работают для любого результата, но не учатся в той школе, которую должны пройти. Тот, кто родился в воображении, узнает сокрытые силы Природы, которые не могут быть обнаружены телом с его простой фантазией. Воображение и фантазия отличаются друг от друга. Воображение переживается в совершенном духе, тогда как фантазия существует в теле без совершенного духа. Тот, кто воображает, заставляет растения проявить их скрытую природу” [4].

Бёме и Парацельс ясно различают фантазию и воображение. Оба приписывают воображение духу и видят в нем духовную функцию, тогда как фантазия принадлежит к физическому миру и является оторванной от глубоких истин. Фантазия создаёт иллюзию и безумие, тогда как воображение создаёт освобождение и целительную силу.

Парацельс делает различие между фантазией и воображением, не только приписывая последнее к духу, но также связывая его с силами Природы, которая не обнаруживается в фантазии. Единение воображения с природой не уникально в случае Парацельса; другие алхимики также приписывают процессы природного мира к “воле Бога и воображению Природы” [5]. Алхимики утверждали, что их работа должна следовать путями природы, если предполагается успех, они видели в природе великого учителя и хранителя сокрытых сил и воздействий. Воображение, по словам Парацельса, было основным путём, открывающим тайны природы и раскрытия её сил. В то время как фантазия воспринимается в природе исключительно очевидной

физической реальности, воображение может проникнуть за поверхность, выказывая множественные секреты природы. Воображение обнаруживает, что физический мир не может быть понят без привнесения духа.

Любой, кто стремится переживать внутренний мир через активное воображение, должен, рано или поздно, иметь дело с щекотливым вопросом фантазии и бреда, особенно если обучается или работает с личностями в процессе терапии или анализа. Тогда как воображение открывает дверь к глубокому переживанию Самости и делает возможным её формирование, фантазия приводит к инфляции, иллюзии и застою. Не всегда легко обнаружить это различие в себе или других, но прозрения Парацельса и Бёме предлагают несколько рекомендаций в этой связи.

Бёме утверждал, что воображение было “Софией”, которая являлась мудростью Бога и, как женская сила, играла величайшую роль в алхимии. Доктор фон Франц обсуждала природу Софии в своем анализе “*Auriga Consurgens*” (алхимический текст начала XIII века). В своём исследовании она заключает, что София символизировала трансперсональную силу, которая давала “первичный импульс по отношению ко всему бытию и была всезнающей в бесконечности разнообразных форм” [6]. В то же самое время, София была “упорядочивающим принципом”, который управляет и наставляет шаги алхимиков. Рисунок 3 (см.ниже) являет собой репродукцию замечательной эмблемы Михаэля Майера¹⁶, изображающей женское руководство, Природу или Мудрость, показывающую путь для алхимика, старающегося следовать за Ней. Эта эмблема представляет идею о том, что алхимик должен делать все возможное для следования путем Природы или указаниям Мудрости. В любом случае,

¹⁶ Михаэль Майер (*Michael Maier*, 1568–1622) — немецкий Розенкрейцер, алхимик, автор алхимических трактатов, композитор, занимал должность врача при дворе императора Рудольфа II. На русском языке издана его работа “Убегающая Аталанта (*Atalanta Fugiens*)”. — М.: Энигма, 2004. — 400 с.

это воображение позволяет алхимику открыть неизведанный путь.

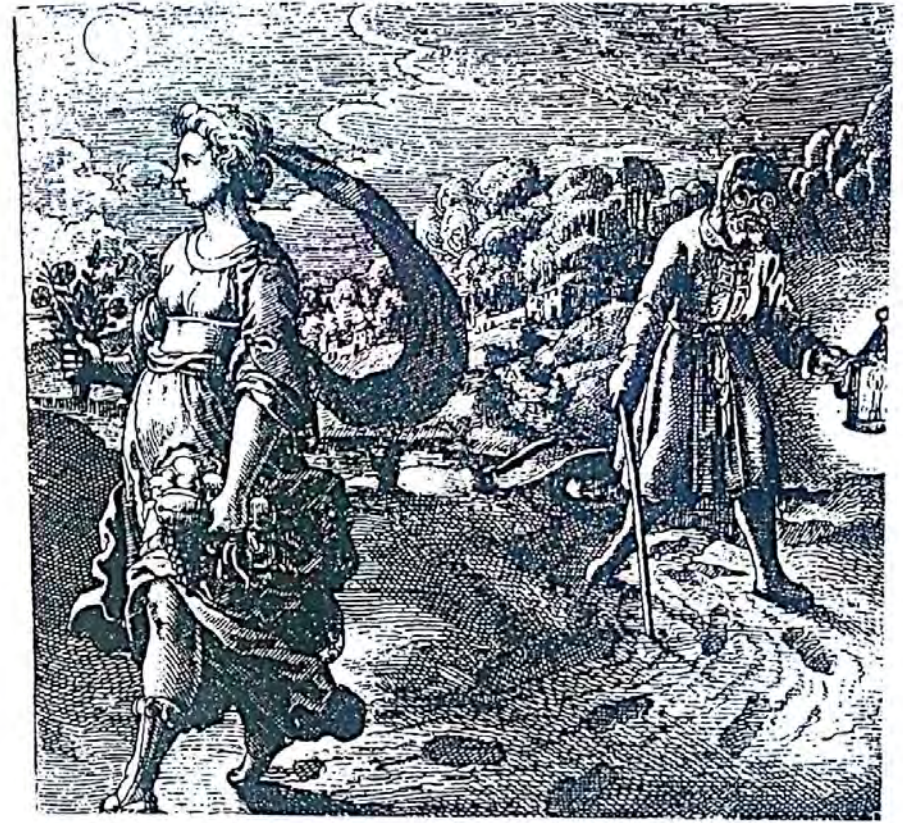
София является трансперсональной силой, которая создает бесконечность и в то же самое время освещает путь к конечной цели. Мария-Луиза фон Франц интерпретирует этот символ психологически, со значением, что “в природе и коллективном бессознательном, по крайней мере, потенциально, существует своего рода объективное сознание или разум, из которых индивидуальное эго-сознание происходит только во вторую очередь и посредством которого оно расширяется только через “просветление”” [7]. Софию называют внутренним Разумом, мудростью, которая принадлежит не Эго, но бессознательному, хотя она может просвещать Эго время от времени. Обращаясь к формуле Бёме, внутренний разум — ядро внутренней мудрости — является воображением. Воображение является духовной функцией и принадлежит каждой духовной силе. Архетипы имеют силу проявления через образы, и именно поэтому фон Франц приписывает мудрость к коллективному бессознательному. Однако, хотя это внутреннее знание может быть связано с коллективным бессознательным, оно находит своё чистейшее выражение в Самости. Действительно, фон Франц заключает, что Мудрость является женской ипостасью Бога. В экстатических окончательных видениях “*Auriga Consurgens*” есть союз между Мудростью и её любовником, что приводит к абсолютной манифестации Бога [8]. Это прозрение символизирует проявление манифестированной Самости, что случается благодаря руководству Софии.

Мудрость является силой воображения Самости, которая наставляет Эго в создании проявленной Самости. Истинное воображение выходит за пределы Эго и создаёт опыт, посредством которого оно может контактировать с внутренним миром. Кроме того, творческий процесс является проводником для персоны, из всех сил пытающейся найти свой собственный путь к трансформации и встрече с Самостью.

С более мистической точки зрения, воображение означает то, посредством чего душа переживает Господа и разделяет творческое выражение Божественного.

Фантазия, с другой стороны, никогда не покидает пределов Эго. Тогда как воображение содержит информацию о других частях Психэ и раскрывает путь, которым надлежит следовать, фантазия — это что-то связанное с потребностями и желаниями Эго, его поисками экспансии. Пребывая в фантазии, я могу созерцать мой большой успех как писателя, как мир сейчас видит меня и тому подобное. Другой человек может впасть в сексуальные фантазии, проигрывающие запрещенные желания Эго, тогда как кто-то еще будет фантазировать о восхождении к политической славе или богатству. Почти в каждом случае фантазия, несмотря на возможность отражения прихода комплекса или архетипа, центрируется на Эго, а не на чем-либо трансцендентном. В фантазии нет реального опыта внутренней мудрости; это только игра одного образа за другим, что приятно возбуждает, забавляет или даже пугает. И даже в случае негативной фантазии, Эго достаётся “звездная участь”.

Предположим, что индивидуальная Самость выражается потребностью занятия музыкой. В активном воображении Эго встречается с внутренней фигурой-музыкантом, которая призывает его развивать музыкальную сторону своей личности. Оно сопротивляется, поскольку для этого требуется очень много работы, и у него нет достаточного времени; кроме того, по его мнению, из этого не выйдет ничего хорошего. Внутренняя фигура противостоит, говоря, что мастерство здесь не требуется, но только усилие, чтобы играть. В конце концов, индивид осознает, что музыкальная игра раскрывает сердце и забавляет, и никакой речи об умениях. Практик начинает брать уроки игры на фортепьяно, и проводит немного времени с ним ежедневно. Это пример воображения, ибо внутренняя фигура выступает с явственным сообщением от внутреннего мира, и Эго имеет дело с посланцем целостности.



*Рисунок 3. Внутренняя мудрость, сила воображения Самости, оставляет позади следы (или созданные символы), по которым следуют внутренние алхимики на своем пути. Одевая очки проницательности, руководствуясь лампой сознания, поддерживаясь посохом внутренней силы, алхимик из всех сил старается следовать шагу Софии. Обратите внимание, что растения и фрукты символизируют Её безграничное творчество (из *Atalanta Fugiens* Михаэля Майера, 1618).*

В фантазии же, необходимость занятия музыкой приведет к представлению Эго о себе, играющем в Карнеги-Холле, или пишущим великий американский концерт. Сообщение от бессознательного будет не о внутреннем мире или большем проявлении Самости, но о потребности Эго раздуться. Таким образом, иллюзия может привести к урокам игры на фортепьяно, но когда индивид осознает, что не обладает великим талантом, то вскоре это все закончится [9].

Конечно, каждый занимается фантазиями. В этом нет ничего плохого, ведь фантазии могут быть полезными. Иногда бывает очень полезно, к примеру, понять, что хочет Эго в желании раздуть себя. Фантазии, вокруг которых оно вращается, часто показывает места, над которыми следует поработать. Однако, смешивание фантазии с воображением, а активного воображения с манипуляциями Эго является вредным и порою опасным. Неспособность отличить фантазию от активного воображения исключает реальные отношения с Самостью и увековечивает иллюзию Эго о том, что только оно имеет значение.

Для Парацельса воображение принадлежало духу, тогда как фантазия относилась к телу. Воображение открывало скрытые силы природы и вынуждала травы отдавать свою силу. Неудивительно, что воображение соединяется с духом, ибо дух определяется как способность создавать образы. Воображение может раскрывать силы природы, ведь Парацельс верил (как и Бёме), что воображение равнозначно мудрости. Мудрость воображения учит и тайнам души, и тайнами внешнего мира. Используя способность воображения, алхимик мог смотреть за внешней, физическую форму растения или металла, и обнаруживать их символическое значение. Поступая таким образом, он приходил к пониманию истинного применения и сущности природы. Эта идея была широко распространена в эпоху Возрождения; каждый объект имел скрытое значение за пределами своего физического проявления. Если практик постигал тайную сущность, он был в состоянии использовать субстанцию магическим, алхимическим или целительным путями. В своем эссе "Означении природных вещей", Парацельс писал, что внешний вид человека выказывает его истинную природу, как, например, "большие глаза обозначают жадного, ненасытного человека, особенно, если они навывкате" [10].

Конечно, многое из того, о чем писал Парацельс, поражает нас сегодня как абсурдное и суеверное. Но отбросить эти идеи означало бы совершить промах. Подлинное зна-

чение того, что называется "смыслом вещей", являет собой все, что в мире может быть понято одновременно на физическом и имагинальном уровнях. Парацельс видел в природе тайну, содержащую в себе скрытый мир символов и знаков. Истинный алхимик должен быть в состоянии заглянуть под поверхность. В связи с этим, фантазия включает в себя интеллектуальное мышление, ум ограничивается феноменами, не имея возможности различить скрытые значения за поверхностью. Воображение, с другой стороны, являет собой свет природы, который открывает её секреты и позволяет доктору определить правильную субстанцию для исцеления конкретной болезни. Унизительно подумать, что Парацельс, скорее всего, называл бы все наши науки и большую часть медицины фантазией!

Теория воображения, которую разрабатывали Парацельс и другие, была предшественницей взглядов Юнга на то, что жизнь имеет смысл. Юнг находил смысл в прямых выражениях бессознательного, таких как сновидения и активное воображение, но он также знал, что существуют значительные события во внешнем мире, такие как синхронистичности. Алхимики также утверждали, что внешняя жизнь имеет значение. Сокрытое внутри физического проявления вещей было имагинальной частью, которую можно было видеть и использовать. Хотя Парацельс видел фантазию как веру в физическое проявление вещей, наша современная культура, кажется, реально верит в физическое явление. Например, если речь о раке и его исцелении, человек ищет только ген рака, или новое лекарство, или диету, которая бы защитила от него, но никогда не задаётся вопросом, в чем смысл рака в жизни человека в настоящий момент времени. Действительно, нью-эйджеры и те, кто интересуется альтернативной терапией, заинтересованы в понимании причины того, почему человек болеет, но обычно только в контексте поиска чего-то неправильного, что привело к болезни в первую очередь. Мы по-прежнему не замечаем сути.

Кто-то может сказать, что любая внешняя “мирская” ситуация может говорить о чем-то имеющем смысл. Многие внешние ситуации указывают на внутренний образ, который может быть пережит непосредственно через активное воображение. Посредством поиска смысла жизненных событий Эго выходит из мира иллюзорных фантазий, который видит только конкретную реальность и проявления. Конфликт с боссом, автомобильная авария, головная боль, болезнь домашнего животного — все эти события могут быть восприняты глазами воображения. Такая перспектива освобождает от чувства возможности оказаться в ловушке ситуации и позволяет искать смысл, связанный с ней. Работа со значениями открывает сокрытые до этого возможности. Человек видит внешнее состояние дел как сновидение. Сновидения могут быть интерпретированы и поняты; практику просто не нужно отождествлять себя с ними.

Например, я работал с клиенткой, которая чувствовала себя угнетенной махинациями своей невестки. Чтобы ни делала клиентка, невестка неправильно истолковывала её намерения и мотивацию, и представляла остальным членам семьи в худшем свете. Она чувствовала себя жертвой и не могла думать о каком-либо пути выхода из дилеммы. Мы перенесли наш фокус с внешней мирской ситуации на символы, содержащиеся в этом затруднительном положении. Невестка узнавалась как архетип злой сводной сестры, всегда ревнивой по отношению к героине и доставляющей ей большие неприятности. Рассмотрение невестки как архетипа привело к проведению моей клиенткой активного воображения с фигурой нечестивой сводной сестры. После большой ссоры с этой фигурой клиентка была в состоянии признать, что была поймана в определенный шаблон большую часть своей жизни. Ее всегда неправильно понимали, даже в детстве. Нечестивая сводная сестра открыла ей способы, которыми она вызывала этот процесс и, в конце концов, показала путь избежать этого. В реальной жизни невестка не поменяла своего отношения, но моя клиентка пришла

к пониманию, что она лишь воплощение паттерна. Она ощущала, что была в состоянии освободить себя от него, независимо от того, что реальная сестра делала или говорила. Хотя она не могла изменить внешнего человека, она была в состоянии изменить собственные реакции и освободиться от архетипа, который так долго доминировал в её жизни. Смотри глазами воображения, она пришла к распознаванию скрытой модели, которая контролировала её жизнь и смогла освободиться от неё. Таким образом, мы используем наши внешние ситуации как имагинальные выражения скрытых сил и полномочий, открывая для себя верное лекарство путем работы воображения.

Воображение не только открывает скрытые измерения внешнего мира; оно также вызывает силу трав, если следовать формулировке Парацельса. Можно сказать, что восприятие скрытого смысла содержания или внешней ситуации активизирует тип силы, содержащейся в данной ситуации. Парацельс ссылается на эффективное исцеление травами для понимания истинного значения растения, позволяющего врачу использовать его для получения лучшего эффекта. Вполне возможно, что рассмотрение внешней ситуации с видением воображения вызывает преобразующие и целительные процессы, которые непосредственно влияют на неё. Воображение создает не только понимание, но и трансформацию. Осознание моим клиентом того, что невестка символизировала архетипический паттерн, помогло ей освободиться от этого шаблона, а также от манипуляции внешней персоны. Освобождение от паттерна открыло новые пути самовыражения, пути, которые пребывают в большем соответствии с её внутренней природой. Видение через иллюзию, которая создается фантазией, вызывает процессы самовыражения и трансформации, и позволяет силе воображения разблокировать новые способы существования.

Подводя итог, фантазия имеет дело с потребностями Эго и его желаниями, тогда как воображение выходит за пределы Эго, предоставляя прозрения о природе Самости.

Воображение является мудростью Самости, при этом Самость направляет и стимулирует процессы своей собственной манифестации. Эго, следующее за пониманием, предоставленным творческим опытом, становится гармоничным с Самостью с путем своего собственного искупления. Эго, которое вовлекается в фантазию, отрывается от Самости и теряется в иллюзорном мире. Фантазия создаётся верой в то, что физический мир — единственный, и это заблуждение исключает возможность посмотреть в сердце и значимость ситуации, чтобы обрести о ней мудрость, а также для внесения в нее изменений.

Индивид, предпринимая акт активного воображения или пытающийся руководить другими в этом деянии, должен быть в состоянии провести различие между фантазией и подлинным опытом активного воображения. Опыт должен предоставлять новую информацию и открыть дверь к смыслу изучаемой ситуации. Хорошее активное воображение приводит к неожиданному и создает понимание вкуче со свежим взглядом. Фантазия, напротив, повторяется и касается Эго. Она бесплодна, если заманчива и не предоставляет новой информации или понимания. Удерживая эти идеи в разуме, человек может встать на опасный, но захватывающий и полный приключений опыт разнообразных миров воображения.

Алхимия и воображение

Алхимик рассматривал воображение как ключ к откровению, который часто считался необходимым средством для успешного свершения алхимической работы. Алхимик не мог исследовать **primamateria** без работы с учителем, или прямой коммуникации с духовными миром. Калид говорил за всех алхимиков, когда писал, что “наше мастерство и почетное управление секретным Камнем являются тайной тайн Бога, которое скрывается от всех людей, кроме тех, кому он открыл её, которые, подобно сынам, заслужили ее своей верой. . . ” [11]. Мистерия камня — одна из величайших Бо-

жественных тайн, и только Бог может открыть её, и только тем, кто показал себя достойным. Не следует забывать, что алхимия была типом тайной религии, основанной на традиции и прямом откровении. Он возложил огромную ответственность на отдельного алхимика, дабы показать, что он служит основанием знанию, которое ищет, ибо это знание было ключом к тайнам бессмертия и божественной мудрости. Откровение было необходимо, и оно было напрямую связано с воображением.

Существовало некоторое число путей, которыми алхимики пытались достичь божественного откровения, включая житие нравственной жизнью, посвящение себя на благо другим, и отказа от искушения золотом, которое они якобы пытались создать. Они никогда не стремились к материальным благам ради них самих, но только из-за добра, которое они способны были сделать. Но, как и во всех гностических системах, нравственная жизнь и этика являлись недостаточными для гарантии получения мудрости. Алхимики должны были работать для постижения откровения, и такая работа включала молитву, медитацию и созерцание. Все эти формы внутренней активности напрямую связаны с практикой активного воображения.

Один алхимик заявил, что каждый, кто вовлечен в алхимию, знает, как эффективно молиться, и “так часто те вещи, которые он долго искал и не мог найти, были переданы ему в момент, и как это было получено свыше или продиктовано добрым Гением” [12]. Кроме того, он заявил, что понимание трудных текстов приходит только через откровение и “раскрытие Загадки открывает вам тайну всех великих вещей и показывает, как доступна Молитва для достижения вещей Духовных и Вечных” [13].

Молитва являлась частью труда алхимика при поисках знания, необходимого, чтобы привести работу к осуществлению. Кроме того, через молитву он взывал к духовному миру, так что некоторый добрый гений диктовал ему запрошенную информацию или вселял в него божественную

мудрость. Есть сотрудничество, которое должно быть между алхимиком и духом, или дело не удастся. Парацельс говорил об этом сотрудничестве, когда писал, что когда человек воображает внутри себя, его “воображение соединяется с небесами, и небеса работают с ним, и открывается больше, чем возможно чисто человеческими методами” [14]. Небесные силы и духи сообщаются с алхимиком для создания чего-то большего, чем он бы создал самостоятельно. Молитва была средством, с помощью которого алхимик вызывал духов, дабы совместными усилиями сотворить камень.

Многие алхимики нуждались в силе медитации для раскрытия секретов их работы, и Парацельс четко указывает, что воображение является частью медитации. Через воображение алхимик переживал пути познания, которые, казалось, как говорил Парацельс, выходят за пределы “просто человеческих методов”. То, что эти способы познания связаны с активным воображением делает ясным определение, которое Руланд (ученик Парацельса, который написал лексикон алхимии), давал медитации:

“Это наименование Внутреннего Разговора одной персоны с другой, которая незрима; как в инвокации Божества, или коммуникации с самим собой, или с благим ангелом” [15].

Юнг очень интересовался этой цитатой. Он утверждал, что она доказывает, что когда алхимики говорят о медитации, они имеют в виду “явный внутренний диалог и, следовательно, живых отношений с отвечающим голосом другого в себе...” [16]. Медитация была, хотя бы отчасти, формой диалога активного воображения, как указывают многие ссылки на Евгения, или благого гения, алхимик воображал диалог с духами-помощниками и добрыми ангелами. Эти духовные существа могли открыть ему тайны *opus*.

Поиски понимания природы этой работы связывали алхимиков с тем, что мы называем опытом активного воображения. Алхимики открыли многие виды провидческих опытов, такие как видение духов и образов всех разно-

видностей. Раймонд Луллий, например, писал, “вы можете видеть определенных бродячих духов, конденсированных в воздухе в виде разнообразных монстров, зверей и людей, которые двигались подобно облакам туда и сюда” [17]. Ссылаясь на алхимическую работу и опыт, который бы мог её произвести, Сендивогий, один из наиболее влиятельных в среде поздних алхимиков, писал, что “глаза обычных людей не видят их, но глаза понимания и воображения воспринимают их с истинным и верным видением” [18]. Воображение было средством, с помощью которого алхимик был в состоянии пережить высшую мудрость — мудрость, необходимую для сотворения камня. Алхимик переживал воображение в провидческих состояниях, но особенно в том, что сегодня называется активным воображением.

Если мы применим учения алхимиков касаясь откровения к современному *opus*, то сможем сказать, что методы, которыми Самость может переживаться и проявляться, никогда не были известны посредством чтения и интеллектуального исследования в одиночку. На самом деле, успешное достижение в работе требует откровения, которое означает, что внутренние духи должны научить индивида тому, как поступать при поисках. Без сотрудничества с имагинальными силами, не существует пути достижения человеком Самости. Иногда это трудная концепция для понимания людьми, ибо часто кажется, что хорошего внимания, желания учиться и пристального наблюдения за внешними жизненными ситуациями должно быть достаточно. Это не так. Ведь без опыта пронизательности, который часто следует за прямым взаимодействием с внутренними фигурами, Самость остаётся неуловимой и за пределами досягаемости Эго. Индивидуация, определяемая как порождение манифестированной Самости, сходна с алхимическим усилием по сотворению камня; и это не будет успешным без прямого откровения от внутренних фигур.

Алхимики упоминают три характеристики откровения. Оно требует усилий, борьбы и интенсивной молитвы, взаи-

модействия внутренней фигурой, такой как добрый гений, и небесного вкушения знания. Парацельс отмечал, что последнее случается, когда воображение соединяется с небесами. Во всех этих случаях присутствовало следствие отношений между алхимиком и духами, с которыми он работал. Из этих отношений возникает необходимая мудрость. Алхимик (или Эго) должен работать очень тяжело для собственного правильного понимания того, что ему следует сделать для роста. Без повторяющихся со стороны Эго усилий, духи не проявят необходимый опыт. В дополнение к тяжелой работе, Эго должно молиться духам (или вызывать их). В конце концов, воображение должно достичь единения с небесами; т.е. должна произойти реальная встреча с внутренней фигурой.

Возьмем случай с женщиной, нуждающейся в постижении значения внутренней силы, которая позволила бы ей решить проблемы внешнего мира. Ей следует научиться встречаться с такими проблемами, доверяя своей внутренней мудрости. Если она развивает эту внутреннюю силу и достаточно доверяет своим собственным идеям, то начнет становиться сама собой и может обрести собственные прозрения. Она знает, что ей требуется совершить эту работу, но у неё нет идей о том, как действовать. Она приходит к своему аналитику, который знает множество техник и который делает много прекрасных предложений, но ни одно из них, кажется, не помогает ей настолько, насколько это требуется. Она чистосердечна и пытается следовать этим советам, но, кажется, нет никакой разницы. В один момент, и женщина, и аналитик должны признать, что они просто не знают, как создать резервуар внутренней силы. Она должна искать помощи Самости в решении этой задачи. Она продолжает бороться, выстраивая свою веру в себя и страдает от знания того, что необходимой силы по-прежнему не хватает. Теперь, однако, она начинает молиться и призывать Самость, прося о сновидениях или практикуя активное воображение, прося наставления в указании ей

пути. Наконец, после долгих усилий, внутренняя фигура проявляется в виде воина-рыцаря, который дает ей задание и показывает как сражаться с монстрами и защищать истину до смерти. После долгих подобных действий, она постигает смысл того, какова внутренняя сила, и пытается интегрировать это чувство, она позволяет трансцендентной функции совершить свое чудо. Она интегрирует аспект рыцаря, создавая в себе ощущение, что она может отстаивать свою внутреннюю позицию и победить своих собственных внутренних монстров неуверенности и страха.

Всякий раз, когда ищется какая-либо трансформация, индивид рано или поздно должен признать, что знаний Эго не хватает. Только сотрудничество с бессознательным может создать необходимые условия, которые позволят случиться изменениям. В анализе, аналитик должен доверять внутреннему откровению клиента больше, чем техническому знанию. Встреча Эго и бессознательного в воображении производит два типа знания: оно освещает следующую фазу работы (тем самым указывая путь, которому должно следовать Эго) и предоставляет эмпирическое столкновение с внутренней фигурой, которая фактически создаёт желаемые изменения. Ныне Самость, подобно камню прошлых веков, может быть создана только тогда, когда сознание и воображение сотрудничают для воплощения в жизнь обязательных процессов и опытов.

Воображение является средством, посредством которого приобретается внутреннее знание и в имагинальных встречах с внутренними фигурами достигается гнозис. Алхимики знали, что воображение было ключом к мудрости. Одна из главных ролей, которую воображение играло для алхимиков (и то же самое актуально для нас сегодня) — это приобретение духовной мудрости. Однако, это не единственная его роль, ибо оно также было источником необходимой силы для трансформации физических и психических компонентов.

Алхимики утверждали, что воображение обладает силой, превышающей все, что мы можем представить сегодня. Оно может не только изменить природу физической субстанции, но также исцелить тело и даже определить судьбу еще не родившегося дитя. Воображение может обусловить опыт человеческой жизни, и вообще нет практически ничего, чего бы воображение не могло исполнить. Многие алхимики считали, что воображение было необходимо для сотворения камня, и что камень сам по себе имел близкую связь с воображением. Их взгляд на воображение и его отношение к формированию камня имеет множество пересечений с процессом индивидуации и природой связи Самости с воображением.

То есть власть человеческого существа влиять на внешнюю реальность была ранее обозначена в истории магии и алхимии. Доктор Юнг, рассматривая синхронистичность, представляет следующую цитату Альберта Великого:

“Я обнаружил поучительный рассказ [о магии] в “Liber sextus naturalium” Авиценны, где говорится, что человеческой душе присуща определенная способность изменять вещи, благодаря которой душа подчиняет себе другие вещи, особенно когда она испытывает большую любовь, или ненависть, или что-то в этом роде” [19].

Алхимики связывали эту “определенную способность” с воображением. Своим обычным прямым путем Парацельс писал о воображении:

“Необходимо, чтобы мы знали, на что способно сильное воображение. Это принцип всех магических действий... все наши страдания, все наши пороки являются ничем иным, как воображением... И это воображение таково, что проникает и поднимается в высшее небо, и переходит от звезды к звезде. Это же небо перевозмогает и сдерживает... Таким образом, то же сильное воображение есть источник и доброй, и злой судьбы” [20].

Другой автор пишет, что “Человек является центральным местом среди всех прочих сотворенных вещей. Через

силу своего воображения (что является центральной точкой всего), все вещи в мире должны повиноваться ему, как и перед Грехопадением” [21]. Сендивогий писал, что душа была местом воображения, и что она “имела абсолютную и независимую власть делать другие вещи — те, что телом не понять. Но, когда она того пожелает, она имеет власть над телом, ибо в противном случае вся наша философия была бы напрасна” [22]. И, наконец, Генрих Корнелий Агриппа¹⁷ писал:

“Философы, особенно арабы, говорят, что человеческий разум, когда он наиболее сосредоточен на какой-либо работе, через свою страсть и воздействие, соединяется с разумом звезд, и интеллект, имеющий такую связь, является причиной тех некоторых удивительных сил, которые вливаются в наши работы и вещи; таким образом, поскольку в этом восприятие и сила всех вещей, все вещи имеют естественное подчинение этому, и с необходимостью действительность, и еще более для того, кто возжелал их сильным желанием” [23].

Сила воображения включает способность изменять тело и химические реакции, определяя судьбу практика и вырывая контроль над ней у звезд, и, по сути, направлять и контролировать всю свою жизнь. Воображение было связано с особым местом человеческого существа в порядке мироздания. Для понимания того, почему алхимики верили в силу воображения, человеку нужно понять то, как они его определяли. Ярко-выраженное определение есть у Руланда, который определял воображение как “звезду в человеке, божественного или сверхбожественного тела” [24]. Доктор Юнг счел это определение изумительным и попытался раскрыть его:

¹⁷ Генрих Корнелиус (известен как Агриппа Неттесгеймский (нем. Agrippa von Nettesheim, 1486–1535) — разносторонний ученый-алхимик, писатель, врач, натурфилософ, оккультист, астролог и адвокат. Имя Агриппа взял в честь основателя своего родного города.

“Это поразительное определение проливает совершенно особый свет на процессы фантазии, связанные с орис. Мы должны представлять эти процессы не как нематериальные фантомы, нам следует с готовностью принимать картины фантазии как бытие, но все же телесное, обладающее “тонким телом”, полу-духовным по своей природе... Imaginatio (или акт воображения) был, таким образом, физической активностью, которая следует в цикле материальных изменений, которые приводят к переменам. В этом смысле алхимик связывал себя не только с бессознательным, но напрямую с истинной субстанцией, которая, как он надеялся, трансформируется посредством силы воображения. Особое выражение astrum (звезда) является термином Парацельса, что в этом контексте означает нечто подобное квинтэссенции. Воображение, таким образом, являет собой концентрированный экстракт жизненных сил — и физических, и психических” [25].

Воображение является звездой внутри души человека, или “концентрированным экстрактом жизненных сил”, которая может изменять не только внутренний мир бессознательного, но также и внешний мир физической реальности. Нужно заметить, что когда Юнг использовал слово “фантазия” в своей цитате, он на самом деле имел в виду воображение, а не фантазию, обсуждаемую ранее в негативном смысле. Это объяснение весьма основательно, и оно проливает свет на его собственные взгляды на воображение. Юнг писал не много на эту тему, и это, безусловно, одно из самых интригующих заявлений на этот счет.

Существует аспект воображения, который выходит за пределы внутреннего мира Психэ, ибо оказывает воздействие на внешний мир — по крайней мере, в соответствии с алхимиками. Помещение воображения в тонкую реальность и уравнивание его с духовным телом, и Руланд, и Юнг предполагают, что оно нечто большее, чем психическое; оно имеет физическое или материальное измерение. То, что

оно имеет такое измерение объясняет то, как оно способно влиять на физический мир, но все же возникает вопрос об основной природе воображения. Это также поднимает вопросы о природе Самости.

Самость проявляет себя, когда противоположности соединяются для формирования нового состояния сознания и бытия. Новый сформированный центр — это единство противоположностей. Так как Самость включает внутреннее и внешнее измерения реальностей, она выходит за пределы их обоих, и живет там, хотя и включает их в себя. Принимая во внимание модели, обсуждаемые в прошлой главе, можно сказать, что последовательное соединение противоположностей создает Самость, которая является и психической, и физической в своей манифестации. Однако, рассматривая это с перспективы одновременного единения, мы увидим, что Самость и физическая и психическая *в то же самое время*. Таким образом, Самость не принадлежит ни одной реальности полностью, но тому третьему, что их соединяет. Именно в этом смысле, манифестированная Самость не существует самостоятельно во внешнем мире (или наоборот психическом мире), но в мире тонких тел, где психическое и физическое соединяются. Так же, как Руланд определял воображение как тонкое тело, Самость, к которой оно относится, также являет собой тонкое тело.

Мария-Луиза фон Франц заявляла, что индивидуализированная персона живет в мире активного воображения; что Эго не идентифицируется ни с внешним миром, ни с внутренним, но с миром воображения — которое включает их обоих. Сознательное Эго, которое соединено с проявленной Самостью, переживает жизнь с центральной позиции, основанной на мирах воображения, и не идентифицирует себя ни с внешними жизненными событиями, ни с внутренними архетипическими состояниями. Соединение Эго с Самостью не просто выражается в состоянии осознанности, но в непрерывном творческом и имажинальном опыте. Нормальное сознательное Эго заменяется творческим созна-

нием, которое смотрит на мир глазами воображения. Оно смотрит за очевидную прочность ординарной реальности для постижения скрытого значения. Оно способно узреть духовные силы в игре обычной жизни, и обладает свободой восприятия всего символически.

Воображение, как духовное проявление Самости, имеет силу влияния на физический и духовный мир, ибо Самость выходит за их пределы, но все же охватывает их. Сила воображения, которую алхимик объясняет только как потенциальность внутри латентной Самости (но проявляющуюся с манифестированной Самостью) реализуется.

Самость обладает силой, сконцентрированной внутри неё — силой воображения. Как только Самость выходит из своего латентного состояния и становится более сознательной, её силы воображения наращиваются и умножаются. Воображение, как духовная сила Самости, требует её перехода из потенциального в проявленное состояние. Эта сила имеет важное значение для её собственной трансформации, и посредством неё Самость оперирует и во внутренней, и во внешней реальности, в целях стимулирования своего собственного развития. Важно иметь в виду, что обсуждаемая власть не принадлежит Эго. Алхимия говорит не об инфляции Эго через идентификацию с такими возможностями воображения, но о выражении творческой силы Самости ради её собственного творения. Эго является неотъемлемой частью этого процесса, но ни в коем случае не в состоянии управлять могущественными силами, которые мы обсуждали. Если оно попытается это сделать, опыт воображения превратится в фантазию, и та сила, которую искало Эго, исчезнет.

Воображение и психоид

Я уже упоминал в предыдущей главе, что природа определенных внутренних переживаний может требовать дифференциации между психологическими внутренними фигурами и тем, что я называю психоидальным. Некоторые из характеристик психоидального опыта включают глубокое

влияние на тело и разум, и чувство, что фигура пришла из-за пределов Психэ. Если понимать воображение так, как алхимики, то психоидальный опыт кажется более благоразумным. Воображение, как тонкое тело, являет собой единение психического и физического, и, как часть Самости, может создать переживания и психического, и физического характера (в том числе обоих сразу). Однако, Юнг показал, что воображение относится не только к Самости, но также и к архетипам. Возможно, что психоидальные фигуры также выражают себя через силу воображения, проявляясь как образы и фигуры. Сущности, которые порождают такие фигуры и опыты, вполне могут относиться к реальности тонких тел, действуя так же, как и проявленная Самость. В этом случае, хотя они не принадлежат человеческой Психэ, они объединяют в себе и физические, и психические характеристики, создавая некоторое третье состояние, которое мы можем назвать психоидом. Из-за того, что внутренние фигуры, воплощающие психоидальные сущности приходят из измерения, в котором физическое и психическое соединяются, они имеют гораздо больше власти и влияния, и в состоянии производить физические изменения. Психоидальный мир теоретически должен соответствовать миру тонких тел, и мощные переживания, которые они создают, должны порождаться их имагинальной силой. Воображение будет включать не только психические переживания, но и психоидальные.

Если мы еще раз обратимся к теории суфиев, мы найдем подтверждение этих идей. Согласно Ибн Араби, духи воплощают себя через силу воображения [26]. Они делают это, обсуждая характеристики физического мира в надежде самовыражения. Например, духовное существо может появиться в воображении человека как прекрасная сущность с крыльями. Крылья, заимствованные из физического мира, обозначают духовную природу фигуры, также намекая на полет и свободу. Моему клиенту однажды приснился магический кот, в котором он говорил, что был определенно

не таким котом, как все, но духовным существом, которое только выражает себя через образ кота. Психиодальные существа, которые появляются из этих тонких реальностей, обладают силой воображения. Посредством этой силы они выражают себя как персонифицированные фигуры. Затем они могут взаимодействовать с человеческими существами.

Также интересно заметить, что алхимические поиски бессмертия часто принимали форму сотворения тонкого тела. Тонкая сфера объединяет и превосходит физическое и психическое и, по мере того как Самость постепенно соединяет противоположности через опыт активного воображения, оно все больше и больше становится частью тонкой реальности. Когда потенциальная Самость становится проявленной, она может чувствовать движение в тонкую реальность как ощущение становления бессмертия. Воображение, таким образом, тесно связано с сотворением бессмертного тела, которое искали алхимики.

Рассмотренное краткое определение, данное Руландом, помещает воображение в тонкую или психиодную реальность (по крайней мере, потенциально). Как звезда в человеческой Психэ, воображение будет соответствовать Самости, или будет выражением Её духовной силы. Эта сила не является ни чисто психической, ни физической, но единением обоих, что создаёт третье состояние, трудное для концептуализации. Когда Самость соединяет эти противоположности посредством активного воображения, Она набирает силу и массивность. Когда это происходит, Её собственная сила воображения возрастает, что приводит к новому опыту еще большего воздействия, которое, в свою очередь, приводит к дальнейшему укреплению Самости. Чем больше растет Самость, тем более её сила воображения помогает ей в росте. Это, в союзе с проявленной Самостью, живет в мире воображения (мире активного воображения), который является бесконечной реальностью, выходящей за пределы реальности ординарной, хотя, в то же самое время, включает её. Это не в состоянии контролировать опыт воображения,

который направлен на выражение Самости. Силы, которыми обладает воображение, необходимы в ранней работе по сотворению проявленной Самости, и в поздней работе позволяющей Самости выразить себя.

Алхимия и активное воображение

Альберт Великий указывал, что человеческое существо, особенно в состоянии сильного возбуждения, может влиять на внешние события и субстанцию. Алхимики считали эту способность необходимой для создания изменений внутри своих металлов. Они верили, что эта сила проявится, когда воображение алхимика соединится с небесными силами, который символически изображались как небеса с населяющими их звездами. Соединяя свой разум с силой звезд, они концентрировали небесные силы внутри формируемого камня для того, чтобы наполнить его магическими силами. Они могли также сосредоточить небесную силу в тот или иной раствор или смесь для осуществления своих магических превращений.

Представьте алхимика, сидящего в своей лаборатории. У него имеется раствор, готовящийся в сосуде. Его цель — трансмутировать материал в растворе в нечто новое, новый материал, который бы имел в себе сконцентрированную духовную силу. Если он в состоянии выполнить эту задачу, новый материал затем будет иметь возможность магического воздействия на другие материалы, трансмутируя их из текущего состояния в золото. Или он мог бы пожелать изготовить магический эликсир, излечивающий тело. В любом случае, субстанция, которую он пытается создать, должна содержать силу звезд для того, чтобы быть эффективной. Средством, с помощью которого он может испытывать силу звезд и концентрировать её, является воображение. Как это может произойти?

Вероятно, существует множество путей, которыми алхимик может сделать это, но один из них соответствует активному воображению. Руланд определял медитацию как

диалог между алхимиком и невидимой сущностью. Если алхимик ищет воплощения силы звезды в материю, он вступает в диалог с той звездой, которая должна впервые проявиться как персонифицированная фигура некоторого рода. Звезда может быть духовным существом или архетипической силой, которая проявляется как воплощенный образ, с которым алхимик вступает в диалог. В этой коммуникации с внутренней фигурой, он просит её обучить трансмутации материи. Кроме того, он может запросить, чтобы она проявилась внутри материальной формы и даровала ей свою силу. Творческое взаимодействие с этими внутренними фигурами было средством создания магической физической субстанции. Юнг пояснял этот процесс словами, “через диалог с Богом еще больше духа вливается в камень, т.е. он станет еще более одухотворенным, летучим или сублимированным” [27]. Диалог необязательно должен быть с Богом, но может быть с любой звездой, если ее духовная сущность передается в камень.

В рамках процессов внутренней алхимии, такое воображение является очень значительным. Камень соответствует Самости, которая весьма неразвита в этой точке. Внутренний алхимик стремится придать ему силы для помощи в росте, и пытается сделать это, образуя силу созвездия определенной звезды. Символически, звезда обозначает архетип, и связывается с темой *scintillae*, которую Юнг обсуждает в *Mysterium Coniunctionis* [28]. Он связывал *scintillae* (или искры света, видимые в видениях и изображаемые в некоторых алхимических символах) с отщепленными частями психики, такими как комплексы и архетипы. Рассеянные искры являют собой символы, найденные во многих духовных традициях и обычно ассоциированные доктриной искупления. В связи с этими верованиями, Бог рассеял искры света по всей вселенной, и мистик должен обнаружить их одну за одной и соединить в нечто целое, что реабилитировало бы Бога и восстановило Его целостное состояние [29]. Все крошечные искры света, представляющие

комплексы и архетипы, привносятся в совместное единение. Некоторые тексты изображают этот процесс как сотворение единого лучезарного пламени, которое светится с силой меньших искр. Образ одиночного пламени обозначает Самость, которая приходит к бытию, когда фрагментированные аспекты Психэ соединяются в целостность и согласовываются вокруг центральной точки.

Внутренний алхимик пытается взаимодействовать с архетипом, и, посредством этого взаимодействия, направляет его силу в потенциальную Самость, создавая трансмутацию, которая генерирует проявленную Самость. Он может делать это только через активное воображение, в котором архетип переживается как внутренняя фигура, с которой происходит взаимодействие. Его цель — связаться с внутренней фигурой на достаточной глубине, чтобы активировать трансцендентную функцию. Когда трансцендентная функция входит в игру, внутреннее существо трансформируется таким образом, чтобы стать частью Самости. Процесс, посредством которого алхимик соединяет воображение с силой звезд, воспринимается, таким образом, как активное воображение с архетипами.

Однажды мне приснилось, что я стоял у магического бассейна. Волны этого бассейна имели свойство отражения чьей-либо подлинной природы. Когда я взглянул в него, мимо проходил бог Марс. Он был двадцатифутовым гигантом, но я знал, что это был Марс. Я также знал, что должен схватить его и заставить заглянуть в бассейн. Если бы я смог это сделать, он увидел бы свою истинную природу и осознал, что принадлежит к большему целому, и более не стал делать то, что ему нравилось — например, способствовать бессмысленным войнам и опустошающему хаосу. В то же самое время, однако, Марсу стало известно, что если он заглянет в бассейн, то потеряет свободу и поэтому он сопротивлялся. Сновидение окончилось на мне, пытающемся поймать Марса за большой палец, чтобы заставить его взглянуть на его отражение в воде.

Сновидение возвестило о длительном периоде напряженной работы, на протяжении которого я входил в диалог с Марсом и изучал войну исторически и мифологически. Я знал, что если бы я смог достаточно поработать с ним, он бы трансформировался, и ярость более бы не двигалась автономно внутри меня, но стало бы частью Самости. Марс являлся мне неоднократно как внутренняя фигура гигантских размеров, но мало-помалу он стал несколько связан со мной. Через наш диалог, я пытался убедить его, что чистая агрессия ради неё самой была бесполезна для нас обоих, и он, в свою очередь, пытался убедить меня в силе и преобразующем преимуществе войны и конфликта. Когда, в конце концов, трансцендентная функция произошла, способность бороться и быть агрессивным в нужный момент стала частью моей личности.

Трансцендентная функция — это не только изменения в сознании, но также и энергетические изменения. Когда трансцендентная функция соединяет две прежде разделенные противоположности, психическая энергия, принадлежащая каждому, трансформируется, и часть её становится доступна для Самости. Самость, таким образом, получает психическую энергию, которая позволяет ей выражать себя более свободно, становясь сильным и более стабильным психическим компонентом. Алхимия ссылается не только на изменения в сознании, которые происходят через активное воображение, но и на изменения в энергетическом статусе фигур внутри Психэ.

Объединение алхимика со звездами символизирует опыт активного воображения, в котором архетипы и взаимосвязываются, и трансформируются. Их сила трансмутируется в Самость. Таким образом, сила воображения, о которой говорили алхимики, является трансцендентной функцией, преобразовывающей состояние бессознательного.

Существует еще одна сила воображения, на которую ссылался Парацельс. Он писал, что воображение имеет силу проникновения в небеса, переходя от звезды к звезде, пре-

одолевая и обуздывая небеса. С одной стороны, это описание отсылает нас к процессу, который я уже обсуждал, ибо сила, обуздывающая небеса, посредством движения от звезды к звезде, является тем, что приручает архетипы, имея с ними дело один на один и организуя их вокруг Самости. Тем не менее, Парацельс также связывал этот процесс с судьбой, заявляя, что сильное воображение является источником чьей-либо судьбы — и хорошей, и плохой.

Когда алхимики говорили о звездах, всегда присутствовали ссылки на астрологию, ибо они считали, что звезды и планеты влияют на формирование металлов в центре земли, а также на судьбу человека. Воображение давало людям возможность освободить себя от диктата судьбы, и определить своё собственное предназначение.

Юнг обсуждал этот символизм в связи с символизмом восхождения через планетарные сферы — имагинальное путешествие, которому часто находилось место в алхимических текстах. Юнг пояснял восхождение посредством обсуждения роли астрологии в Средние Века. В то же самое время, индивидуальные планеты связывались со специфическими темпераментами; поэтому размещение планет в астрологической схеме определяло личность индивида. Восхождение через планеты "означало нечто подобное сбрасыванию характерологических качеств, указанных гороскопом, регрессивное освобождение от характера, отпечатанного архонтами" [30].

Эта идея выражалась алхимиками через определенные опыты и процессы, которые могли освободить практика от рока и более раннего, детерминирующего опыта. Вместо того, чтобы быть продуктом своего окружения и времени, в которое индивид родился, он может быть в состоянии отказаться от этих влияний в надежде найти истину своего собственного бытия. Самость есть самоопределение, и алхимическое восхождение указывает на силу Самости отказываться от нежелательных влияний и исследовать свою собственную сущностную натуру. Живя свободным от внеш-

него контроля и принуждения универсальных архетипов, человек приходит к жизни с собственным центром и выражению в мире в соответствии с истиной этого центра.

Парацельс оказался уникален тем, что связал восхождение через небеса с воображением, и указал, что через имануальный опыт практик может освободиться от коллективных и архетипических влияний, которые не соответствуют его природе. Посредством процесса активного воображения, индивид может распознать и обуздать непреодолимые влияния, неизведанные прежде. Практику следует достаточно укрепить Самость для гармонизации и организации этих влияний таким образом, чтобы они способствовали, а не препятствовали развитию личности. Свобода быть самим собой и сотворение Самости центром жизни — это, пожалуй, самая важная сила, которой обладает воображение. Однако, есть еще один атрибут воображения, который я уже рассматривал — способность исцеления физических недугов.

Исцеление и воображение

От начала алхимии, практики были связаны с созданием лечебных зелий и ингредиентов, наиболее мощным из которых был философский камень. Парацельс писал о влиянии воображения на хворь, но этот вопрос был оставлен одному из его наиболее поздних учеников для проработки этого понятия в систематической и детальной форме. Иоанн Баптист ван Гельмонт (1579–1644)¹⁸ сыграл важную роль в истории науки, но его главный биограф, исследователь алхимии и истории науки — Вальтер Пейджел, показал, что ван Гельмонт опирался на духовную точку зрения, и особенно важно то, что он использовал воображение в процессах исцеления. К сожалению, работы ван Гельмонта на английском практически невозможно достать [31], так что

¹⁸ Ян Баптиста ван Гельмонт (также именуемый: Ян Баптист ван Гельмонт, Жан Батист ван Гельмонт, Жан Баптист ван Гельмонт; нидерл. *Jan Baptist van Helmont*, англ. *Jan Baptist van Helmont*) — химик, физиолог, врач и теософ-мистик.

я должен полагаться на пояснения Пейджела и его цитаты. Учитывая репутацию Пейджела как ученого, и факт того, что он изучал ван Гельмонта пятьдесят лет, это кажется приемлемым риском.

Я не могу, конечно, подробно рассказать всё о теориях Ван Гельмонта, но должен рассмотреть его понимание воображения. Важно держать в уме, что Ван Гельмонт был алхимиком и верил в возможность создания философского камня. Его описания воображения формируют часть алхимической традиции. Вдохновленный Парацельсом, он был, тем не менее, оригинальным и творческим мыслителем в своем роде, и без колебаний не соглашался с Парацельсом, когда чувствовал, что это необходимо.

В системе ван Гельмонта, центром индивидуума являлся *archeus*, отдельная часть, в которой “дух и материя соединяются, становясь нераздельными и неразличимыми в новом существе. Это — ни материя, ни дух, но что-то от обоих, то есть физический и психоидный аспект...” [32]. Хотя сравнения всегда несколько опасны и порой вводят в заблуждение, кажется, что *archeus* может быть сопоставлен с потенциальной Самостью. *Archeus* действовал как своего рода посредник между плодотворными образами, которые отпечатывались на материале и самом материальном мире. *Archeus* имел своё собственное воображение, посредством которого он руководил этими образами требуемым путем, ибо *archeus* обладал “знанием того, что должно быть сделано” [33]. Когда это воображение искажалось из-за “дурного семени”, конечным результатом была болезнь. В таком случае, образ забирает себе дух жизни и личность развивает “болезнь через сложную цепочку психофизических событий, в которых воображение, магнетически притягивающее вирус и, прежде всего, страх, играют важную роль” [34]. Пейджел отмечает, что Парацельс оказал большое влияние на идеи ван Гельмонта, и для обоих из них болезнь была “результатом диалога между духами, т.е. невидимыми силами с астральной энергией, намного превосходящих все то, что нахо-

дится в пределах досягаемости материальных склонностей" [35]. С этой точки зрения, болезнь есть духовная сущность, т.е. она имагинальна, и её манифестация в воображении повреждает и искажает представление *archeus*. Это было так, как если бы существовало бессознательное активное воображение, происходящее между образом болезни и *archeus*, и посредством этого диалога первое одолевало последнее. Несложно сопоставить эту модель с активным воображением, где архетип одолевает Самость, создавая если не физическую хворь, то по крайней мере психологическую. Каждое заболевание может быть связано с воображением архетипов, которые влияют на развитие и выражение Самости. Теория о том, что болезнь может иметь имагинальную основу, была недавно проработана доктором Арнольдом Минделлом и его школой Процессульно-ориентированной Психологии, которая разработала множество методов работы с телесными симптомами как образами [36].

Поскольку воображение было ответственно за начало болезни, оно также играло огромную роль в исцелении. Один образ был причиной болезни, а другой образ представлял целительство, и в процессе взаимодействия с ним идея болезни преодолевалась. Это осуществлялось с помощью ряда методов, которые включали слова силы и *arcana* [37]. Существовали силы, которые находились в определенных минералах и камнях, а также, можно быть уверенным, в философском камне. Эти силы действовали, создавая контр-идеи в воображении пациента. Объяснения Пейджела о том, как это случается, обрываются в этой точке и сформулированы неочень ясно. Если вспомнить то, как болезнь начиналась, мы можем прийти к лучшей формулировке. Так как заболевание случилось как результат диалога между двумя духами, добавление слова власти (или силы медицины) представляет третью идею или образ в разуме пациента. Этот образ, связанный с медициной или силой врача, включался в обсуждение и, если обладал достаточной силой, преодолевал образ болезни, освобождая *archeus* от

ядовитого влияния этого образа, и соединял его с образом исцеления.

Archeus не был ни физической, ни психической сущностью; скорее, он был психодальным, в том смысле, что соединял в себе духовное и материальное. Это связывает *archeus* с определением Самости, как единения противоположностей, и с описанием воображения как тонкого тела. Интересно заметить, как многие важные концепции в алхимии связывались с психоидальным планом. *Archeus* оперирует более или менее бессознательно, и определенно не в связи с Эго. Сознательное вступает в игру только через вмешательство врача, который пытается создать новый образ в Психэ пациента. Болезнь, будучи духовной в своем происхождении, имеет силу создания образов и может быть успешно излечена только в реальности воображения.

В дополнение к некоторым методам, разработанным доктором Минделлом, активное воображение остается очень мощной силой в лечении болезни. Предположение Парацельса и ван Гельмонта о том, что болезнь создаёт образ, означает, что посредством активного воображения Эго может взаимодействовать с этим образом. Делая образ болезни сознательным и связываясь с ним, Эго находит пути его трансформации и создаёт целительный опыт. Целью является поиск образа, связанного с болезнью, и затем взаимодействие с ним, как с образом, полученным от архетипа. Если болезнь-образ приходит во взаимосвязь с Самостью через трансцендентную функцию, то значение болезни, переживаемое как образ, может стать частью Самости.

Предположим, например, что Джанет прорабатывает мигрень. Алхимически, можно сказать, что образ головной боли испортил центр таким образом, чтобы заставить её вообразить головную боль. Исцеление будет состоять в открытии нового образа, который бы взаимодействовал с символом головной боли для изменения ситуации. Если Джанет входит в активное воображение, она должна начать, спрашивая у бессознательного образ болезни. Если это

образ маленького мужчины с молотком, стучащим по её голове, то ей следует вступить с маленьким мужчиной в некоторый диалог.

Это и есть популярная ныне визуализация для работы с заболеванием. В этом примере, Джанет визуализирует отравленные стрелы, протыкающие маленького человечка и убивающие его. Такой подход имеет преимущество исследования эффектов болезни в воображении, но, к сожалению, не всегда ясна разница между воображением и фантазией. Для Эго простое представление убийства образа болезни есть просто фантазия, потому что нет взаимодействия между Эго и образом, но только манипуляция со стороны Эго. Это может работать только в ограниченном масштабе, и это не следует путать с активным воображением с болезнью. В последнем случае, Эго не навязывает свою волю болезни, но взаимодействует с ним объективным путем, надеясь создать достаточно напряжения для работы трансцендентной функции. В нашем примере, Джанет должна вовлечь маленького человека в диалог, спросить его почему он причиняет ей боль и внимательно прислушаться к его причинам. Она должна примириться с точкой зрения маленького человека, без потери своей собственной. Если он говорит, что вредит ей потому, что она все время думает и никогда не живёт сердцем, она должна принять этот аргумент во внимание и рассмотреть вопрос об изменении своего отношения. Но она также должна сказать маленькому человеку, причиняющему боль её голове, что это не есть хороший способ коммуникации, и ему следует сразу его оставить. Ей нужно идти, впереди назад, как в подлинном активном воображении.

Принятие болезни как симптома на имагинальном уровне открывает новую возможность трансформации, в том числе рассмотрения болезни как выражения смысла, а не просто как врага, на которого следует уничтожить ядерным оружием а-ля современное лекарство или что-нибудь такое. Однако, также важно отметить, что ван Гельмонт никогда

не отказывался от использования медицинских препаратов и снадобий. Конечно, его идеи по поводу того чем они являлись и как должны изготавливаться, сильно отличались от идей современных врачей. Тем не менее, можно было бы легко принять таблетку от головной боли во время выполнения активного воображения. Можно представить саму модель медицины и вовлечь её в дискуссию. Существенным моментом алхимического взгляда на болезнь, однако, является то, что болезнь никогда не является чисто физическим феноменом, но также включает и дух. Исцеление, также, должно включать духовное измерение, и наиболее эффективно это осуществляется в имагинальном процессе.

Как было показано, воображение является центром алхимического делания и критических элементов алхимических теорий. Воображение было средством, через которое получались откровения, либо непосредственно, либо через диалог с духами-помощниками всех мастей. Встреча с имагинальными фигурами была одним из методов, используемых алхимиками для получения знания. Кроме того, воображение обладало огромной силой изменения и произведения трансмутации. Имагинальная деятельность может трансмутировать субстанцию магическим образом и создать целительное зелье. Сила воображения не было просто психической, но также включала физическое измерение; в этом смысле, воображение было в некотором смысле психоидальным.

Алхимическое понимание того, что воображение является и психическим, и физическим, важно, поскольку позволяет целительной силе воздействовать на тело. Можно далее представить воображение как силу, которая может быть транспсихической в своих операциях. К сожалению, воображение и концепция бессознательного отчасти приравниваются, что создаёт путаницу в определениях. С точки зрения алхимиков, воображение принадлежит духу. Любое духовное существо имеет возможность создавать образы, и источник имагинального опыта следует искать в духе,

который сотворил его. Порой дух является внутренним архетипом и воображаемый опыт относится в интрапсихическому состоянию. Иногда, как уже отмечалось, образ может происходить из физических причин, таких как болезнь, так как болезнь также является духом. В других случаях, источником имагинального опыта является сущность, которая не относится к психике, но как духовное существо все же имеет возможность создавать образы. Наконец, источником опыта может быть Самость и такой опыт особенно важен.

Размышление о воображении в этих терминах расширяет наше его понимание, и даёт возможность встретиться с опытом нового вида. Слишком просто было бы утверждать, что имагинальный опыт происходит от одного источника, но скорее каждая вещь вносит свой вклад в конкретной ситуации. Имагинальная сила Самости может, например, взаимодействовать с этим архетипом. Важным моментом является то, что в понимании алхимического воображения следует знать, что это очень сложная и далеко идущая теория. Силы воображения и разнообразие имагинального опыта еще, по большому счету, неизвестны. Вклад доктора Юнга в технику активного воображения является критически важным для понимания некоторых вопросов того, почему алхимики поднимали вопрос о воображении. Однако, также критично, что воображение и его эффекты не ограничиваются нашими теориями. Воображение есть режим восприятия, посредством которого внутренний мир оживает и методом взаимодействия, через который этот мир может быть трансформирован. К тому же, воображение является методом, посредством которого тело и физическая болезнь могут быть выявлены на духовном уровне, и подвергнуты процессам трансформации. Благодаря воображению также существует возможность восприятия духовных реальностей, выходящих за пределы Психэ. В старших имагинальных традициях Суфиев и шаманов, эти духовные реальности были изучены и замаркированы, но наша культура остается крайне невежественной в этом. Освобождение воображения

от его идентификации с бессознательным или внутренним миром позволяет расширить и оживить наше восприятие, открыв невыразимые реальности неиспользованного опыта. Хотя может быть сложно доказать бытие транспсихического мира теоретически, несложно пережить его, если мы глубоко проработаем наш творческий смысл, чтобы позволить ему совершить прорыв и взлететь.

Наконец, через воображение может быть встречена и трансформирована Самость; все процессы индивидуации тесно связаны с воображением и активным воображением в частности. Алхимики, подобные обособленной фон Франц, жили в мире активного воображения, и идентифицировались ни с психической, ни с физической, но со странной промежуточной реальностью, где воображение пускает корни. Как раз там они искали таинственную неуловимую сущность — философский камень. Именно благодаря воображению они находили путь, ведущий к трансформации, и этот путь составляет предмет обсуждения следующей главы.

Примечания к второй главе

1. C.G. Jung, *Psychology and Alchemy*, Collected Works, vol. 12, R. F. C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1977), If 396. Future references to this title will be cited as CW 12.
2. Jacob Boehme, *The "Key" of Jacob Boehme*, William Law, trans. (Grand Rapids: Phanes Press, 1991), p. 23.
3. For an excellent discussion of Boehme's theory of the imagination, see Hugh Urban, "Imago Magia, Virgin Mother of Eternity: Imagination and Phantasy in the Philosophy of Jacob Boehme," *Alexandria Journal*, vol. 2, 1993.
4. Paracelsus, "Hermetic Astronomy" in A. E. Waite, ed., *The Hermetic and Alchemical Writings of "Paracelsus" the Great*, vol. 2. (Reprint: Kila, MT: Kessinger, n.d.) p. 307.
5. Michael Sendivogius, "The New Chemical Light," in A. E. Waite, ed. *The Hermetic Museum*, vol. 2 (York Beach, ME: Samuel Weiser, reprint, 1973), p. 87.

6. Marie-Louise von Franz, *Aurora Consurgens* (New York: Bollingen Foundation, 1966), p. 165.
7. Marie-Louise von Franz, *Aurora Consurgens*, p. 171.
8. Marie-Louise von Franz, *Aurora Consurgens*, p. 403.
9. Воображение учит о природе и потребностях Самости, мира и бессознательного. В творческом переживании Эго сталкивается с Другим и должно занять верную позицию по отношению к этому Другому. Такие переживания зачастую приводят Эго в замешательство. Привыкшее считать себя хозяином всего психического мира, Эго оказывается участником и даже не управляющим. Воображение — это вызов, требующий Эго выйти за пределы прошлых идей и сделать шаг в неизвестность. Фантазия бесконечно повторяется и не дает чего-то нового или творческого. Вера Беме, что фантазия стала причиной падения Люцифера и отдалением души от Бога, имеет смысл на психологическом уровне, для фантазии вызывающей инфляцию Эго, что отделяет его от Самости и очень затрудняет истинно творческую работу.
10. Paracelsus, "Concerning the Signature of Natural Things" in A. E. Waite, ed., *The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus the Great*, vol. 1 (Kila, MT: Kessinger, n.d.), p. 177. Originally published in two volumes by James Elliott, London, 1894.
11. Calid, "The Secrets of Alchimie" in Stanton J. Linden, ed., *The Mirror of Alchemy* (New York: Garland, 1992), p. 28.
12. L.G. Kelly, *Basil Valentine: His Triumphant Chariot of Antimony with Annotations of Theodore Kirkringius (1678)* (New York: Garland, 1990), p. 7.
13. L.G. Kelly, *Basil Valentine*, p. 7.
14. Paracelsus, "Hermetic Astronomy" in A. E. Waite, ed., *The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus the Great*, vol. 2, p. 313.
15. Martinus Rulandus, *A Lexicon of Alchemy or Alchemical Dictionary* (Kila, MT: Kessinger, n.d.), p. 226.
16. C.G. Jung, CW 12, p. 390.
17. C.G. Jung, CW 12, 351. Raymond Lully, from the "Compendium Artis alchemica . . ." in Manquetus, *Bibliotheca Chemica Curiosa*, 1702.
18. C.G. Jung, CW 12, f 350. Sendivogius, "Novum Lumen," from *Hermetic Museum*.

19. C.G. Jung, *The Structure and Dynamics of the Psyche*, *Collected Works*, vol. 8, R.F.C. Hull, trans., *Bollingen Series XX* (Princeton: Princeton University Press, 1969), If 859. Future references to this title will be to CW 8.
20. A.E. Waite, ed., *The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus the Great*, vol. 1, p. 122n.
21. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated* (Edmond, WA: The Alchemical Press, 1988), p. 21.
22. Quoted in C.G. Jung, CW 12, If 396. Sendivogius, "Novi luminis chemicum . . ." in Waite's *Hermetic Museum*.
23. Henry Cornelius Agrippa, *Three Books of Occult Wisdom*, Donald Tyson, ed. (St. Paul: Llewelyn Publications, 1995), p. 208.
24. Martinus Rulandus, *A Lexicon of Alchemy or Alchemical Dictionary*, p. 182.
25. C.G. Jung, CW 12, p. 394.
26. See William Chittick, *Imaginal Worlds: Ibn al-Arabi and the Problem of Religious Diversity* (Albany: State University of New York Press, 1994).
27. C.G. Jung, CW 12, p. 390 f.
28. C.G. Jung, *Mysterium Conmctionis*, *Collected Works*, vol. 14, R.F.C. Hull, trans., *Bollingen Series XX* (Princeton: Princeton University Press, 1970).
29. Обсуждение этой темы см. в CW. 14, p. 42–50.
30. C.G. Jung, CW 14, p. 308 f.
31. После написания этой книги, я наткнулся на работу Ван Гельмонта, переведенную на английский язык. Внимательное прочтение этой работы, Образ Божий в человеке или Видение души Гельмонта, подтвердило многое из того, что представил Пейджел. Данная книга находилась в коллекции Фергюсона библиотеки университета Глазго. Она была переведена Вальтером Чарельтоном в 1650 году и опубликована в том же году в Лондоне Джеймсом Флешером.
32. Walter Pagel, *Joan Baptista Van Helmont: Reformer of Science and Medicine* (New York: Cambridge University Press, 1982), p. 96.
33. Walter Pagel, *Joan Baptista Van Helmont*, p. 97.
34. Walter Pagel, *Joan Baptista Van Helmont*, p. 145.
35. Walter Pagel, *Joan Baptista Van Helmont*, p. 149.

Глава 3. Сотворение Самости

Одним из множества путей, которыми воображение алхимиков находило своё выражение, было создание алхимических рисунков или эмблем. Эти эмблемы представляли тайну алхимии столь ярко и лаконично, что их исследование может привести к глубокому пониманию её природы. Термин “эмблема” подчеркивает символический аспект алхимического *opus*. Художественная сторона алхимии имела место почти со времени её зарождения: на протяжении истории алхимики использовали эмблемы, диаграммы и рисунки как иллюстрации к письменным текстам. В частности, создание эмблем стимулировалось во времена Ренессанса, когда древний Египет и его язык стали модными. В эпоху Возрождения европейцы считали древнеегипетскую религию одним из чистейших выражений духовной истины, выявленной древними мудрецами. Они видели в египетских иероглифах, которые не могли понять, символическую систему, изображающую эти тайны. Включение иероглифов или псевдо-иероглифов в эмблемы одинаково вдохновляли и художников, и писателей, и убеждение в том, что символы передают глубокие истины лучше, чем письменный дискурс, стало более распространенным.

В начале XV века была обнаружена книга с названием “Иероглифика Горполлона”, и её перевели на современные европейские языки. Эта работа, датированная поздней античностью, якобы поясняла значение египетских иероглифов, хотя по большей части она была энциклопедией символов и не всегда оказывалась точна в представлении нынешних иероглифов. Горполлон считал, что иероглифы использовались в качестве символов, передающих мудрые египетские идеи и тайны. К примеру, египтяне использовали образы солнца и луны для обозначения вечности, или змеи, пожирающей собственный хвост, изображавшей

вселенную [1]. Эта работа оказала большое влияние на алхимиков, которые, в свою очередь, использовали эти символы в своих собственных эмблемах. Иероглифические образы раскрывали секретную информацию, которая не могла быть выражена в словах. Опираясь на старейшую систему символизма, алхимики использовали образы для выявления тайн прямым или непосредственным образом.

В предисловии к своему переводу “Иероглифики” Джордж Боас начинает со слов о том, что работы Плотина были в значительной степени ответственны за происхождение традиции эмблем. Согласно Плотину, в интеллибельных мирах боги видят реальность в виде прекрасных образов, которые выражают истину гораздо лучше, чем любой письменный текст. Он считал, что Египетские мудрецы выразили свои прозрения в изображениях, а также, что “каждая картина была своего рода пониманием, мудростью и субстанцией, что выдавала все за один момент...” [2]. Боги воспринимали реальность через воображение таким же образом, как мудрые египетские учителя представляли своё знание в символах. Высшая реальность может быть понята только имагинально.

Алхимики определенно причисляли себя к этой традиции. Таким образом, их эмблемы разрабатывались для выражения реальности столь же глубоким и непосредственным образом, как и египетские. Алхимические изображения были не просто иллюстрациями к тексту, но попытками постижения истин, независимых от этого текста. В некоторых случаях эмблемы изображали тайны, описываемые в текстах, тогда как в других они казались совершенно независимыми. Иногда текст, сопровождающий эмблемы, казался банальным по сравнению с красотой и сложностью образов. В любом случае, эмблемы были глубоким выражением алхимического воображения.

Юнг всегда интересовался символами и природой их формирования. Согласно его теории, истинный символ никогда не создаётся Эго, но всплывает из бессознательного.

Другими словами, символы, возникающие из воображения как выражение имагинального, тесно связаны с внутренними фигурами, проявляющимися в активном воображении. Символические выражения воображения передавали мудрость духа в визуальных терминах. Представления алхимиков о природе иероглифов применимы к любому имагинальному символическому выражению, ведь каждый символ, подобно иероглифу, является лучшим из возможных выражений внутренней истины. Подобно внутренним фигурам, связывающим практика с Софией (или имагинальной мудростью Самости), истинные символы делали то же самое.

Как продукты воображения, эмблемы выражали мудрость эзотерического толка, но дополнительно также служили связью с энергией и силой, необходимой для алхимической работы. Подобно тому, как алхимические диалоги и молитвы фокусировали и концентрировали силу в камне, символы аналогичным образом позволяли алхимикам направить силу на свою работу. Идея о том, что образ мог воплотить силу, описываемую как что-то древне-магическое, определенно была известна алхимикам. Великий маг эпохи Возрождения, Генрих Корнелиус Агриппа, писал, что "образ правильно сделанной и надлежащей вещи, соответствующий какому-либо ангелу, вскоре оживляется этим самым ангелом" [3]. Руланд, в своем "Лексиконе", указывал, что образы были "чучелами из воска или металла, в которых оперировали божественные добродетели" [4]. Другими словами, правильно созданные образы воплощали дух (или небесную силу), который они представляли. Следовательно, кажется, вполне разумно заключить, что эмблемы были не только намерением сообщить с мудростью, но и непосредственным воплощением энергии, необходимой алхимику. Медитация на эмблему, таким образом, связывала алхимиков с мудростью и могуществом воображения, и сообщала практика с особой частью алхимической работы.

Ясно, что мы не можем просто изучать эмблемы с интеллектуальной перспективы; нам следует медитировать на них,

чтобы отыскать их сокрытый смысл. Символическое выражение может толковаться множественными и различными путями, и когда мы взаимодействуем с ним, следует пытаться получить наше собственное, особое значение. Медитация на символы алхимии не только более глубоко соотнесет нас с алхимической традицией, но также станет хорошим шансом продублировать алхимический опыт, запечатлев его в нашей собственной Психе.

Книга Ламбспринга

Существуют сотни алхимических эмблем, и большинство из них довольно увлекательны. Я представляю особую серию изображений, которая совмещается с их текстовой формой в Книге Ламбспринга. Я выбрал этот определенный набор эмблем не только из-за присущей им интересности, но также из-за того факта, что они действительно содержат карту всего алхимического процесса. Кроме того, в этой серии образы не останавливались с формированием философского камня, но продолжали изображать глубочайшие алхимические процессы, через которые камень становился связанным с божественным миром. Смотря с перспективы алхимии как психологического процесса, этот набор иллюстраций отображает сотворение индивидуальной Самости и её единение с миром бесконечности. Эмблемы предоставляют описательную карту важнейших шагов в изготовлении камня или Самости.

Я обращаюсь к этим представлениям как к иллюстрациям внутренних процессов, через которые сотворяется Самость и налаживается связь с Божественным. Моя интерпретация будет сфокусирована на этом аспекте эмблем, которые могут быть истолкованы рядом различных способов. Я соединяю амплификацию важных символов, обнаруженных в эмблеме, с моей собственной медитацией и внутренним опытом обсуждаемого вопроса. Моя цель — позволить воображению выразить себя как можно более четко посредством моих комментариев.

Для того чтобы понять эти эмблемы, важно вооружиться контекстом для их рассмотрения. Существует множество парадигм алхимического opus, и каждый алхимик имеет собственное мнение о стадиях и процессах делания. В конце XVI века Герхард Дорн представил одну из наиболее убедительных и остроумных идей. Дорн было одним из учеников Парацельса и глубоко религиозным алхимиком, чьи работы включали множество интересных текстов. Юнг обсуждал писания Дорна на многочисленных страницах в своей работе о coniunctio в "Mysterium Coniunctionis".

Дорн идентифицировал три стадии Великой Работы — первая coniunctio, вторая coniunctio и третья coniunctio. Слово "coniunctio" означает "единение" или "союз". Поэтому, согласно Дорну, существует три уровня, где соединяются противоположности. Так как Самость есть единство противоположностей, каждая стадия соответствует различным уровням Её формирования. Первое единение начинается, когда Эго обнаруживает реальность бессознательного и прилагает усилия, уделяя ему внимание. Начиная со своих собственных сновидений, Эго пытается получить некоторое представление о природе бессознательного и прислушиваться к его сообщениям. Двигаясь от сновидений к активному воображению, Эго начинает переживать силу трансцендентной функции, и посредством единения противоположностей получает результаты, начиная формировать новый центр — проявленную Самость.

На стадии второго coniunctio Самость прогрессирует до такой степени, что приобретает жизнь и собственную реальность внутри Психэ. Самость оживает и начинает функционировать на собственных правах. В то же самое время Эго переживает глубокую трансформацию и приходит к осознанию себя как части манифестированной Самости. На втором уровне вся работа, выполненная на первом уровне, приводит к жизни глубинную внутреннюю революцию, которая связывает бессознательное и Эго в неразрывном союзе.

С формированием Самости процесс индивидуации переходит в стадию, происходящую непрерывно и стабильно. Однако Дорн, а также автор Книги Ламбспринга, изображают и третий уровень единения. В этом coniunctio индивидуальная Самость, которая была сформирована, входит в единение с превосходящим уровнем реальности — с божественным миром, который Дорн называет unus mundus. Дорн имеет в виду единый мир перед разделением духа и материи. Единение с unus mundus соединяет индивидуальную Самость с миром, где материя и дух едины. Это и есть психоидный мир, который я упоминал в ранних главах. Третий уровень соединяет индивидуальную Самость и трансцендентный психоидальный мир. Юнг поясняет идею Дорна следующим образом:

"Сотворение единения через магическую процедуру означает возможность эффективного союза с миром — не с миром множественности, который мы видим, но с потенциальным миром, извечным Основанием всего эмпирического бытия. . . . На основе познания Самости через медитацию и производство алхимических средств, Дорн "надеялся и ожидал" единения с unus mundus" [5].

По словам Дорна, алхимик сначала проявляет Самость, а затем соединяет её с первоначальным миром сотворения — миром духа и синхронистичности. К сожалению, не так-то просто понять то, что он подразумевал под unus mundus, или на что его опыт был бы похож. Но к счастью, образы в Книге Ламбспринга дают ценную информацию не только о первых двух стадиях coniunctio, но также и о третьем уровне.

Позвольте мне резюмировать обзор процесса формирования Самости. Первый уровень — это период, в котором противоположности пребывают в напряжении с целью привлечения трансцендентной функции. На протяжении этой фазы индивид время от времени переживает опыт Самости, но не в состоянии поддерживать этот опыт. Второй уровень — это промежуток, в котором Самость переживается

более глубоко, Она проявляется и достигает стабильности и стойкости. Третья *coniunctio* — это процесс, когда манифестированная Самость приходит к взаимоотношениям с превосходящей реальностью — реальностью психидаально-го мира. Хотя природа этой реальности сложна для описания, образность Книги Ламбспринга представляют её как мир духов и энергий, существующий на более глубоком уровне, чем наш ординарный мир.

Книга Ламбспринга или “*De Lapide Philosophico Libellus*” была написана неизвестным алхимиком и опубликована несколько раз во второй половине XVI-го и начале XVII-го веков. Хотя её содержимое включает письменные комментарии, самым поразительным аспектом является коллекция красивых и впечатляющих эмблем. Я не буду ссылаться на письменный текст в моей интерпретации, за исключением случаев, когда это предоставляет полезную информацию об эмблемах.

Эмблема первая

Первая эмблема (см. далее рисунок 4) изображает двух сталкивающихся рыб, плывущих в противоположных направлениях посреди океана. С одной стороны океана находится лес, а с другой — город и крепость. В воде выделяется одна лодка с людьми некоторые, из них размахивают руками, а также несколько лодок виднеется на заднем фоне. Однако обратите внимание на отсутствие моста, соединяющего две береговые линии.

Образ, доминирующий в эмблеме — это пара рыб. Как символ сновидения, рыба указывает на содержания внутри коллективного бессознательного. Море (или любой другой большой водоем), символизирует коллективное бессознательное. Рыба, как существо, живущее в море, является образом жизни внутри вод бессознательного.

Сопровождающий текст ссылается на рыбу без костей — этот мотив часто встречается в алхимических писаниях. Один алхимик упоминал сына философов, другой термин,

обозначающий камень, как “рыбу без костей, которая плавает в нашем философском море” [6]. Другой же связывает рыбу “с неколючими костями”, с первоначальной материей, которую алхимики пытались обнаружить [7]. Юнг резюмирует символизм рыбы, отмечая, что она “характеризует Самость в состоянии бессознательного содержания” [8].

Рыба может представлять любое содержание бессознательного, но в соединении с образом камня она является отсылкой к потенциальной Самости, которая все еще бессознательная и неосознанная. Очевидно, что работа по созданию Самости будет начинаться с поиска её внутри бессознательного, где Она дремлет в неясности. Образ, через который индивид переживает Самость, будет соответствовать рыбе. Наша образность, однако, изображает две рыбы, поэтому необходимо определить причину этого удвоения. Двойка — это символ (особенно удвоение или разделение на двойников), обычно связывающийся с содержанием внутри бессознательного, которое готово перебраться в сознательную сферу. Видение двойственности во сне часто означает, что образ внутри сновидения готов сообщить с Эго, и это осуществиться либо спонтанно, либо благодаря усилиям. Двойная рыба, следовательно, означает, что процесс вокруг Самости готов к начинанию, и что образ Самости движется в сторону сознания. Образ Самости может теперь проявиться в сновидении или стать доступным через активное воображение.

С учетом обеих рыб в изображении, подготовка алхимика активировала образ Самости (или камня), который теперь может быть испытан на опыте. Индивид, занимающийся активным воображением, мог неоднократно просить образ Самости проявиться, и сейчас, наконец, обретена готовность для этого. Удвоение означает не только то, что Самость готова двигаться по направлению к Эго, но также это признак того, что процесс сотворения Самости может начинаться и имеет шанс на успех.



Рисунок 4. Изображается начало работы. Две рыбы, плывущие в противоположных направлениях, представляют потенциальную Самость, разделенную на противоположности. Разделение, происходящее в Психэ между Эго и бессознательным, дополнительно подтверждается лесом с левой стороны и городом с правой. Лес — мир бессознательного, и город — мир сознания, никоим образом не связаны. Лодка в центре представляет алхимика (или Эго), готовящегося начать внутреннюю алхимическую работу (из "Книги Ламбспринга" Николая Банауда Дельфинаса, Герметический Музей).

Величайшая дилемма в алхимии — это состав prima materia. Если человек не может определить её природу, нет возможности сотворить камень. Если практик не может войти в контакт с Самостью, никакие усилия по трансформации не увенчаются значительными результатами. Образ,

персонифицирующий Самость, должен проявиться в бессознательном, и эго должно иметь возможность сообщиться с ним. Рыба должна сначала появиться в воде, и только потом быть поймана.

Рыбы в нашей эмблеме просто появляются, без какой-либо дискуссии о процессе их поимки. Другие алхимические тексты сообщают о средствах, посредством которых рыбы без костей могут быть изловлены. Согласно некоторым текстам, рыбу может поймать магнит мудрости, и Юнг поясняет, что этот символ есть отсылка к theoria, или системе мышления, которая обуславливает алхимические начинания [9]. Theoria означает доктрину, а магнит мудрости может символизировать теорию алхимика, позволяющую ему определить природу Самости, которую он ищет. Это важная идея для начинающих во внутренней алхимии, и она требует некоторого пояснения.

Имагинальная встреча между Эго и бессознательным объединяет сознательные ожидания и предположения Эго с живой реальностью внутренней фигуры. Эго не может контролировать или манипулировать воображением, чтобы произвести желаемый опыт, ибо слишком много ухищрений приводят к фантазии и устраниают участие бессознательного. Вместо прямого управления воображением, Эго вырабатывает к нему необходимое отношение и связывает с опытом, что позволяет в определенном смысле управлять им. Бессознательное является огромным океаном, преисполненным множеством различных видов рыб, каждая из которых представляет содержание, способное персонифицироваться посредством воображения. Система убеждений Эго действует как магнит, привлекающий соответствующую рыбу для определенного Эго.

Предположим, человек начинает практиковать активное воображение и ищет внутреннюю фигуру, которая бы воплотила Самость. Поскольку все части бессознательного могут проявляться в образах, для Эго не всегда может быть ясно, как именно персонифицируется Самость. Дабы не

спутать комплекс или архетип с Самостью, следует помнить, что внутренняя фигура должна воплощать Самость, чтобы трансформационная работа выполняется так, как ожидалось. Теория жизни и духовности Эго, которая определена коллективными влияниями и индивидуальными выборами, активизирует образ, который наиболее подходит для данной системы верований.

Предположим для простого примера, что человек “удит” Самость и поймал образ могущественного мужчины, имеющего магические способности и величайшую мудрость. Если Эго имеет идею о том, что Самость связаны с магией и чарами, не будет удивительно, если Самость представится в виде персонажа Мерлина. С другой стороны, если практик — набожный христианин, Самость почти наверняка проявится как Христос, и внутренняя фигура Христа будет персонифицировать тайны психического центра. Фигура Мерлина, идеал для первого индивида, ничем не поможет христианину, а если человек мусульманин, то он может повстречать Хидра, тогда как еврей может пережить образ горящего куста. Другими словами, глубоко проникшая система убеждений Эго, при работе с бессознательным, определяет природу образа Самости, который будет пережит практиком. Ожидания, привнесенные в бессознательное, часто определяют его ответ.

Ибн Араби, который считал, что этот факт разъясняет религиозное разнообразие, также знал, что сознательная вера будет определять природу опыта воображения. Люди различных убеждений переживают образы своих верований в воображении, и по этой причине все религии должны быть в одинаковой степени уважаемы, ибо они являются производными из имагинальной встречи с Богом. Сила воображения Самости выражает себя в терминах, которые знакомы и удобны для Эго, и это позволяет случиться начальному периоду сотрудничества. Позднее, когда кооперация углубляется, Самость может возразить Эго, чтобы расширить свои доктрины.

Конечно, существуют исключения из этого правила, потому что иногда образ будет компенсировать ограниченную позицию, или подталкивать человека к пересмотру его (или её) теории. Влияние *theoria*, однако, не лишает бессознательное автономии, так как оно может шокировать Эго переживаемым опытом. Тем не менее, часто бывает, что отношение Эго является критически важным в создании столкновения с образом. Юнг считал, что теория, используемая алхимиками для ловли их рыб, была частью тайной традиции. Предпосылки, приводящие к их работе, не раскрывались широко, но передавались от учителя к ученику. Эта тайная традиция, пишет он, учила тому, что “Сам Бог, в своем вечном огне, может быть пойман подобно рыбе в глубинах моря” [10]. Другими словами, рыба в море является неискупленным Богом, а теория алхимиков позволяет им узреть Божественное, сокрытое в материи, или темных водах бессознательного. Тайная традиция, на которую ссылается Юнг, связана с искуплением Божественного, заключенного в материи. С точки зрения внутренней перспективы, в человеческой душе существует божественное ядро, которое бессознательно. В терминах Юнга — это и есть Самость. Алхимик, разбирающийся в своей теории, ловил рыбу, которую искал (Самость) через свое упование на её нахождение. Он искал Бога внутри, для того, чтобы подвергнуть Его процессам, через которые Он может быть искуплен.

Следовательно, две рыбы ссылаются на образ Самости, который вот-вот появится для Эго. Специфическая природа образа будет зависеть от сознательных ожиданий персоны, выполняющей практику. В нашем тексте это будет алхимик, поэтому его ожидание — это то, что он ищет образ Бога, заключенный в материю. Поскольку наше ожидание — это рыба, воплощающая Самость, то частный образ, с которым мы встретимся, будет одним из достаточно глубоких и широких для воплощения всего того, что мы от него ожидаем. Наши ожидания от Самости и Её природы образуют крючок, на который мы будем ловить Её образ.

Существуют и другие пути, которыми можно интерпретировать дуализм рыбы. Юнг писал об астрологическом знаке Рыб. Он считал, что этот знак имел много общего с напряжением противоположностей и необходимость найти средства их применения [11]. Две рыбы, плывущие в разных направлениях на нашем образе, являются отсылкой к напряжению между двумя сторонами Самости (или напряжением между противоположностями, формирующими Самость). Кроме того, объем символики в алхимии значителен. Все вещи начинаются с одного, т.е. с изначального единства. Но сама жизнь и её процессы, на самом деле, начинаются с цифры два, когда первичное единение разрывается на противоположности. Противоположности, в свою очередь, связаны с числом три, проходя разного рода конфликты и взаимодействия. Рыба, проявляющаяся двойственной, означает, что потенциальная Самость распалась на свои противоположности, запуская процесс трансформации.

Текст, сопровождающий это изображение, заявляет, что рыба в действительности одна, но все же их две, т.е. рыба является двумя аспектами одного и того же первичного единства. Как далее четко проработанные образы, эти две рыбы являются противоположностями, находящимися в напряжении друг с другом. Автор знал, что несмотря на их кажущуюся вражду, рыбы являются аспектами одного и того же сущностного бытия. Самость представляет собой единое целое в этом начинании, но затем раскалывается надвое, когда работа требует начала Её трансформации. Две рыбы символизируют бессознательное и сознательное как противоположности, которые являются по своей природе частью Самости, но должны быть разъединены для последующего воссоединения.

Корабль посреди воды также интересный образ. Юнг объясняет корабль как “проводник, который несет сновидца по морю и глубинам бессознательного. Будучи сотворен человеком, он несет смысл системы или метода . . .” [12]. Эго на корабле в центре нашей картины, который и есть его

theoria. Кроме того, корабли в сновидениях (а также самолеты, автомобили, поезда и автобусы) часто символизируют Эго само по себе. Размер судна может отражать силу Эго.

Ранее, во время моей работы в Цюрихе, у меня было сновидение, где эту роль играла лодка. Я занимался активным воображением с внутренней фигурой, которая оказалась более сильной, чем я сначала думал. Мне пришлось быстро завершить действие, так как я начал чувствовать болезненность и силовое подавление с её стороны.

Той ночью мне приснилось, что я ловил окуня и уплыл далеко в своей маленькой лодке. Вдруг раздался громадный рывок на моей леске, и обнаружил, к своему изумлению, что поймал кита! Далее я пытался намотать кита, моя лодка начала подниматься в воздух. Я знал, что если кит уйдет вниз, соединенный с моей леской, лодка погрузится вместе с ним. Вдруг прямо по воде прибежал старик. У него были огромные ножницы, которыми он отрезал леску, отсоединив меня от кита.

Единственный комментарий моего аналитика заключался в том, что мне лучше занять лодку побольше, прежде чем вновь отправляться на рыбалку! Лодка в сновидении символизировала силу моего Эго, глубину моего теоретического понимания, а также мои способы обхождения с жизнью и бессознательным. Если лодка недостаточно большая, Эго не сможет безопасным образом сообщаться с внутренней фигурой. Как сила Эго и теория — лодка важна для безопасного плавания по водам бессознательного. Человек в лодке на Первой Эмблеме (рисунок 4) будет символизировать Эго, безопасным образом оседлавшее бессознательное в хорошо сконструированном судне. Алхимическое Эго вполне защищено на тех водах, по которым оно лавирует, и это служит хорошим предзнаменованием его способности поймать искомую рыбу Самости.

Возвращаясь к нашей эмблеме, на одной стороне мы видим лес, а на другой — крепость или город, и между этими сторонами нет моста. Лес символизирует неприрученный

мир бессознательного, тогда как город — область сознательной жизни. Две стороны реки напоминают, что противоположности сознательной жизни и бессознательного возникли из первоначального единства потенциальной Самости, а отсутствие моста указывает на то, что они совершенно не связаны в данный момент. Нет единства между миром сознательного и внутренним имагинальным миром бессознательного — оно еще не создано. Однако Эго находится в лодке — посередине между двумя берегами. Оно не строго идентифицируется с сознательной стороной оппозиции, но пребывает в середине. Оно достаточно сильно, чтобы иметь дело с рыбой, завершив свою идентификацию с миром сознания. Эго подобно жидкости и достаточно гибко для пребывания в середине, между противоположностями, не отождествляясь полностью ни с одной, ни с другой из них.

В начале работы, направленной на первую *coniunctio*, отсутствует какая-либо прочная связь между бессознательным и сознательным Эго. Однако, как я уже говорил в первой главе, Эго должно абстрагироваться от сознательного мира для того, чтобы принять новые идеи и возможности, выходящие из бессознательного. Хотя оно должно иметь свою собственную позицию, ему следует быть достаточно открытым для других возможностей, позволяя диалог, необходимый для трансформации.

Моё сновидение о рыбалке указывало, что бессознательное часто символизирует активное воображение как рыбную ловлю, и подобное вполне может иметь место в настоящей эмблеме. Эго достаточно сильно и гибко для выполнения практики активного воображения и, восседая на лодке, оно готово к началу процесса. Оно специально пытается провести активное воображение с образом Самости, которая, будучи удвоена, готова также вступить в контакт с Эго. Таким образом, наша первая эмблема будет означать, что активное воображение начато, и есть хороший шанс проявления фигуры, олицетворяющей Самость. Кроме того, Эго достаточно здраво и достаточно теоретически подковано

для безопасного помещения себя между двумя берегами, прямо в центре Психэ.

Эмблема даёт ощущение большого потенциала, чувство особенного ожидания. Работа не только вот-вот начнется, но речь еще и о готовности с хорошей вероятностью успеха. Первый шаг на пути к сотворению Самости был предпринят, и Эго готово совершать делание активного воображения.

Эмблема вторая

Можно предположить, что рыба была поймана, поскольку следующая эмблема (смотрите рисунок 5) описывает сцену на суше. Мы находимся в лесу и можем видеть город на заднем фоне, так что ясно, что сейчас мы на другой стороне водоёма. Вторая эмблема поясняет сцену внутри бессознательного, где рыцарь сталкивается с черным чудовищем. Это чудовище — явно дракон, поэтому важно начать с амплификации символа дракона.

Перебрать все ссылки на дракона в мире символизма невозможно. Даже внутри алхимии существуют десятки отсылок к дракону как символу величайшей важности. Дракон, как внутренняя фигура, на самом деле, сильна и нуминозна, и в воображении её можно связать как с мудростью, так и с опасностью. Есть алхимический текст, где дракон говорит о себе:

“Я ядовитый дракон, присутствующий везде и нигде. Моя вода и мой огонь растворяются и соединяются; из моего тела ты извлечешь Зеленого и Красного льва; но если ты не совершенно верным образом знаешь меня, то твоя слабость вместе с моим огнем уничтожат твои пять чувств. Наиболее пагубный и быстрый яд выходит из моих ноздрей, которые уничтожили многих. . . Я есть Яйцо Природы, известное только мудрым. . . Я называюсь. . . Рутью. . . Я старый дракон, который присутствует всюду на земле; я — отец и мать; юный и пожилой; слабый, но в то же время сильный; жизнь и смерть; видимый и незримый; твердый и мягкий, спускающийся

к земле и восходящий к небесам; наиболее высочайший и самый низкий; легкий и тяжелый... Я есть свет и тьма; я прыгаю с земли и появляюсь с небес" [13].

Самое грозное чудище! Обратите внимание, что в описании дракон объединяет в своей природе все противоположности: небеса и землю, свет и тьму, жизнь и смерть и т.д. Он находится повсюду и происходит из земли, хотя одновременно нисходит с небес. Дракон связывает себя с Ртутью, и, тем самым, помещает себя в центр всего алхимического символизма.

Ртуть определенно является одним из наиболее значительных алхимических образов, и диапазон его значений достаточно широк. Столь разнообразны и проникновенны его разветвления, что Юнг написал длинное эссе, пытаясь раскрыть его основные значения [14]. Он писал своего рода резюме: "Ртуть... является тайной, *prima materia*, "отцом всех металлов", изначальным хаосом, землей рая, "материалом, над которым природа немного поработала, но все же оставила несовершенным". Она также является *ultima materia*, целью трансформации, камнем, настойкой, философским золотом, карбункулом, философским человеком, вторым Адамом... царем, светом светов... , действительно самой божественностью или её совершенным двойником" [15].

Кажется, что дракон — это не праздное хвастовство, но тайна работы. Он и *prima materia*, и окончание работы. Он является магической субстанцией, из которого истекает все творение, и совершенный философский человек. Более того, он является светом светов и божественностью, сокрытой внутри материи. Он является соединением противоположностей. И он также является персонификацией потенциальной Самости — Самости, которая сокрыта в бессознательном, находящей в состоянии покоя и неразвитости.

На предыдущей Первой Эмблеме две рыбы указывали на начало процесса, и мы отмечали, что образ Самости должен быть обнаружен в том случае, если трансформа-

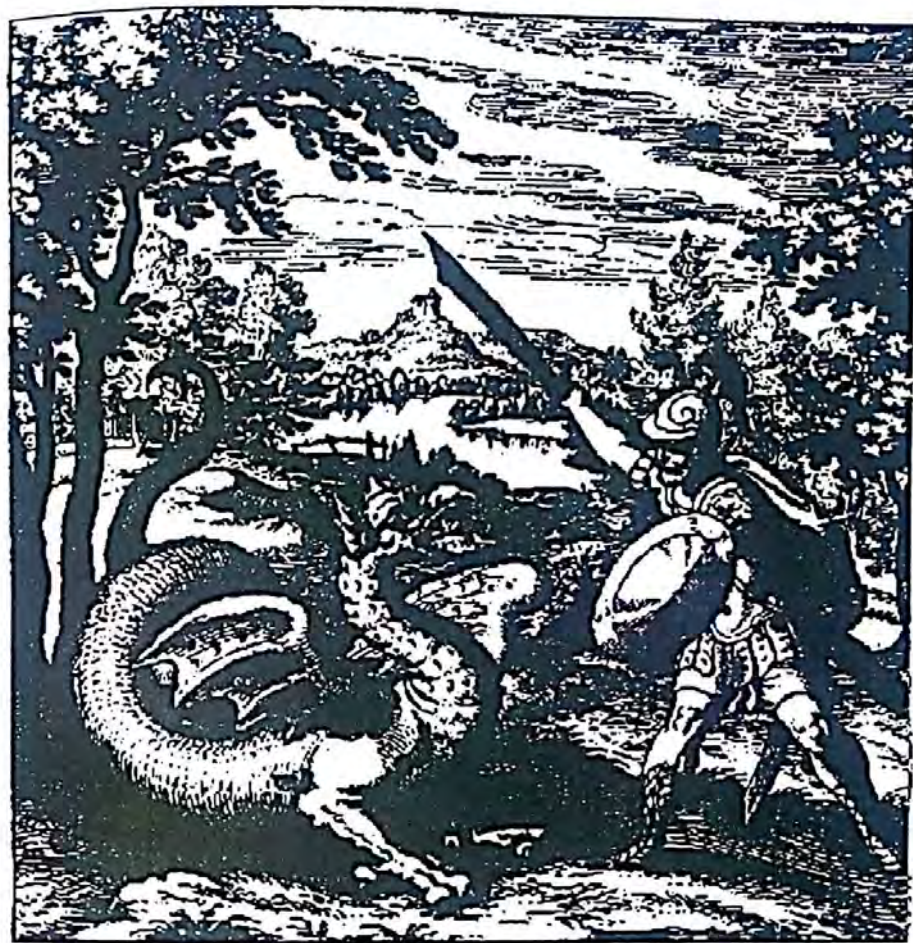


Рисунок 5. Происходит схватка между Эго и хаосом бессознательного, и щит сознательных ценностей Эго противостоит дракону, этому лесному чудищу, представляющего бессвязное и хаотическое бессознательное. Удерживая с силой свою позицию и точку зрения, Эго становится способно встретить бессознательное без угрозы быть сметённым, и, в то же самое время, использовать меч трансформации для стимулирования изменений в бессознательном (из Николаса Бенауда Дельфинаса "Книга Ламбспринга").

ция продолжается. Сейчас Самость появляется как дракон и содержит богатство смыслов для алхимика. Как указывает Юнг, дракон является и началом, и концом работы. Важным изречением в алхимии было то, что алхимик "нуждается не во множестве вещей, но в одной только вещи, которая на каждом уровне твоей работы изменяется в другую природу"

[16]. Дракон является материей, которая через последовательные изменения и превращения становится камнем. Тем не менее, в начале он — ядовитое и смертоносное существо, которое должно быть обработано с особой тщательностью. Самость, в её латентном состоянии, является частью хаоса коллективного бессознательного, и Она опасна, поскольку еще не вступила в отношения с Эго. Соответственно, Она может подавить Эго через абсолютную интенсивность своей манифестации.

В первой эмблеме, Эго нуждается в корабле, внутри которого оно может безопасно путешествовать в бессознательном. Сделав это, оно активизирует образ Самости, но этот образ дикий и неприрученный, и таит в себе большую опасность. Один из путей, которыми Эго защищает себя — это теория, способ прогнозирования и понимания его взаимодействий с бессознательным. Хотя бессознательное работает через парадигму и проявляется в формах, которые согласуются с ним, все еще существует реальная опасность при работе с ним. Без сильного центра бессознательное может вспыхнуть в хаотических формах, и любой комплекс или архетип может проявиться также легко, как потенциальная Самость. Хотя Эго имеет определенную точку зрения, помогающую привести в порядок бессознательное, оно работает только до определенной степени. В первой встрече с Эго бессознательное часто манифестируется как хаос, как дикое чудовище, который открывает одновременно большие перспективы и опасности. Эго, представляющее мир сознательного, должно быть способно адекватно справиться с этой грозной опасностью, или присутствует риск неудачной работы (или даже еще хуже — сокрушение мощью и силой, которую оно не в состоянии удержать).

Для того чтобы иметь дело с драконом, Эго должно быть полностью адекватно и защищено. По этой причине оно изображается как рыцарь в полном обмундировании, с мечом и готовностью. Рыцарь приходит из мира города и замка, видимых на заднем фоне, но приходит в глу-

бокий, темный внутренний мир для того, чтобы бороться с драконом-Самостью. Есть те, кто недооценивает силы бессознательного, наивно подходя к имагинальным мирам с надеждой, что добрая воля и улыбка будут защищать их и гарантировать переживания света и любви. Есть и другие, которые считают, что воображению следует доверять превыше всего, и что Эго должно только почитать то, что там обнаружит, никогда не сопротивляясь и не пытаясь трансформировать что-либо. Обе эти точки зрения ошибочны. Эго, приближающееся к бессознательному, должно быть вооружено и готово. Эго должно быть готово удержать свою позицию любой ценой, чтобы не быть сокрушенным. Оно должно предвидеть не свет и любовь, но ужасное напряжение трансцендентной функции. Цель — экстаз практика, но путь к этой цели преисполнен борьбы и ужаса. Героическая позиция рыцаря является необходимой. Как заявляет один алхимик: “Знайте также, что если вы не схватите эту Природу и не станете ей управлять, то ничего не сможете получить” [17].

Не бессознательное и не латентная Самость представляют опасность, и это не их нужно преодолеть. Это хаос, который правил в начале работы, который должен быть побежден и этот хаос является частью того, что представляет дракон. Нужно установить порядок там, где его нет, и поэтому Эго не находит безопасности в собственной внутренней области. Одним из ртутных и хаотических аспектов активного воображения является тенденция бессознательного создавать образы, которые попросту не удерживаются на месте. Эго входит в активное воображение, чтобы поговорить с темноволосым красивым Анимусом, и не успели они обмолвиться парой слов, как образ трансформируется в старика, затем в ведьму, а далее в работающую на поле лошадь. В этих хаотических и бесконечных метаниях, Эго путается и теряется. В таких условиях нет никакого реального диалога и возможности опыта трансцендентной функции. Любая напряженность, которая может

быть создана, рассеивается в этом бесконечном круговороте кажущихся несвязанными образов. Я наблюдал несколько случаев, когда случайные образы были связаны со столь же бессистемным потоком эмоций. Эго может принять одну или несколько таких эмоций и чувствовать себя странно часами или даже днями. Доведенный до крайности, этот хаос может так запутать и отвлечь Эго, что оно не только забывает о своей цели в делании активного воображения, но и может потерять связь с собой и стать восприимчивым к завладению каким-либо комплексом или архетипом. Для того, чтобы создать реальную связь с внутренней фигурой, необходимо установить порядок.

Рыцарь и меч имеют различные значения в алхимии, но все они связаны с установлением порядка. Рыцарь — это герой, представляющий героическое отношение, необходимое Эго для того, чтобы справиться с драконом-хаосом во внутреннем мире. Он также является принципом порядка, разделения и единения, как и меч, который он несет. Чаще всего он связан со смертью дракона, так как он находится в нашей эмблеме или стадии, которая в алхимии известна как *torficatio* и *putrificatio*. Он умерввляет первичную материю в её примитивной форме с целью эффекта трансформации. Он убивает хаос, пытаясь установить какой-либо порядок внутри бессознательного. Эдингер резюмирует значение меча, когда пишет:

“Мечи, ножи и острые режущие лезвия всех видов относятся к символизму разделения. . . . Логос является большим агентом разделения, который привносит сознание и силу над природой — как внутри, так и снаружи — посредством её способности к делению, именованию и классификации. Один из наиболее главных символов — режущее лезвие, которое может рассекать и различать с одной стороны, и убивать с другой” [18].

Рыцарь с мечом представляет маскулиный принцип Логоса, мира сознательной мысли и разделения, и способности Эго к категоризации, именованию, оценке и разделению.

Режущее лезвие меча есть острота ума, которая разделяет опыт на его индивидуальные части для достижения понимания. По мере того, как Эго наращивает понимание, оно также убивает хаотического дракона, и на самом деле готовит почву для трансмутации.

Используя упоминаемый ранее пример, если женщина начала активное взаимодействие с красивой мужской внутренней фигурой, а другие фигуры вторгаются и прерывают процесс, то она должна использовать свой меч для отклонения любого образа, который не ощущается связанным с тем действием, что она предпринимает. Она должна отказаться от фигуры старика, приносящего к ней вопросы её отца и старая ведьма также не должна отвлекать её, ибо этот образ отвергает внутреннего любовника. Она должна держать намерением и целью нахождение того образа, что ей нужен. Сделав это, она может позволить ему полную свободу выражения, не допуская вмешательства хаоса бессознательного. Если она не желает просто отказываться другим образом, то она может замаркировать их и поработать с ними позднее.

Когда сознательный разум спускается во внутренний мир, он приносит свет рассудка и разделения, и эти качества необходимы, если он хочет уцелеть при спуске. Меч символизирует упорядочивающую функцию сознания, но существует и другое его значение. Юнг обсуждал символизм меча длительное время и пришел к выводу, что он означает нечто большее, чем принцип разделения. Ссылаясь на ранние писания Гностиков, Юнг заключает, что “меч являет собой больше, чем просто инструмент разделения. . . он есть сила, которая обращает бесконечно малое в бесконечно большое. . . . Что означает превращение жизненного духа в божественное. Природное существо становится божественной рпеи́та” [19].

Меч является инструментом трансформации и символизирует процесс изменения себя. Более того, как полагает Юнг, эта трансформация исходит из природной сущности человека в своего рода божественный дух. Потенциаль-

ная Самость среди всего хаоса бессознательного является неискупленной человеческой природой. Однако, процесс трансформации, который приводит потенциальную Самость к проявленной, трансмутирует человеческую природу из её первоначальной формы в божественную сущность. Человеческая природа, таким образом, становится божественной, так как Самость приходит к воплощению божественных сил в конкретном человеческом существе.

Предпосылкой моей книги является то, что Юнг предложил духовную модель для современного мира, и что эта модель тесно связана с ранними традициями, такими как алхимия. Главный элемент этой модели — сотворение проявленной Самости, которое поясняется Юнгом как процесс индивидуации. Глубокие последствия трансформации Самости часто не замечаются, ибо это не просто вопрос более цельного (или даже более уникального) бытия. Манифестация Самости влечет за собой наиболее интенсивную внутреннюю трансформацию в воображении — трансформацию чьей-либо собственной природы в нечто божественное. Это не означает, что человеческая природа оставляется позади, но то, что она обретает свои истинные глубины в единении с божественным. Проявление Самости трансформирует бессознательное и Эго в высшую категорию бытия. Только тщательное исследование работ Юнга показывает, как глубоко он ощущал эту трансформацию и как представлял её себе. Он постигал в движении к индивидуации прогрессивное единение человеческого и божественного.

Если смотреть из этой перспективы, дракон символизирует человеческую природу в неискупленной форме. Это есть потенциальная божественность, залегающая под хаосом и бессознательностью. Это состояние невежества и разлада должно быть умерщвлено для создания нового, высшего состояния. Дракон должен умереть для того, чтобы Самость могла родиться. В таком случае меч представляет принцип Логоса, который понимает, определяет и организует, но в тоже время является процессом трансформации

самого себя. Через меч и его силу, природа человеческого существа трансформируется в высшую, божественную форму.

Эго несет меч, без которого нет процесса трансформации. Эго имеет важнейшее значение для работы, и без него не может быть никакой эволюции к высшим уровням бытия и сознания. Эго, через свои намерения и волю, своё внимание и разграничение, меняет саму природу бессознательного, кладет конец хаосу и начинает трудную и длительную работу само-искупления. Божественная природа человеческого существа, сокрытая под хаотическими водами бессознательного в потенциальной Самости, пробуждается и сдвигается в сторону своего проявления благодаря усилиям Эго.

Рыцарь означает героическое отношение, необходимое Эго для проникновения во внутренний мир и умерщвления дракона неискупленной человеческой природы и хаоса. В прямом смысле, рыцарь убивает себя через свои усилия, ибо Эго будет переживать смерть скрытой Самости как свою собственную смерть. Когда дракон погибает (или подчиняется мечу), эго встречает смерть своей собственной прошлой идентичности. Как хорошо знали алхимики — они разделяли участь страданий своих собственных материй. Если они погибали, практики тоже переживали смерть, и им приходилось переносить все мучения, которые они наложили на них.

Я приравнял рыцаря к Эго, но более точно рыцарь соотносится с принципом сознательного, тогда как дракон олицетворяет принцип бессознательного. Рыцарь и дракон являются первыми двумя противоположностями, появляющимися при начале процесса. Принцип сознательного шире, чем Эго; он включает теорию, культурные ценности, коллективные нормы поведения, а также систему этики и моральных ценностей и тому подобное. Все эти элементы представляются символом рыцаря. Эго — центр сознания, и поэтому наиболее четко определяется со всеми его аспектами, но рыцарь — больше, чем Эго, а также больше, чем

просто сознание. В каком-то смысле это похоже на то, как коллективное бессознательное окружает личное бессознательное — т.е. коллективное сознательное окружает личное сознание индивидуума. Не только коллективное бессознательное оказывает большое влияние на Эго, коллективное сознательное тоже делает это. Те архетипы из коллективно-бессознательного, которые дифференцировались и разрабатывались конкретной культурой, сделались сознательной формой коллективного сознательного. Юнг называл содержания этого сознательного “общепринятыми истинами”. Он также отмечал, что они находятся в конфликте с архетипами коллективного бессознательного, и между ними существует “почти непроходимая пропасть” [20]. Рыцарь, строго говоря, воплощает коллективные истины, которые оказывают сильное влияние на Эго. В данной точке работы, Эго еще не охватывает своей индивидуальности, но по-прежнему, в той или иной степени, идентифицируется с социально принятыми нормами и идеями. Одновременно, это есть недостаток для Эго, ищущего свою собственную правду, но также и сила, обеспечивающая защиту от растворяющих сил бессознательного. Слабо адаптированное Эго, которое не имеет опыта социализации и не научилось разделять общие ценности, имеет очень слабую броню для защиты себя от бессознательных сил. Однако Эго не должно полностью идентифицировать себя с этими ценностями, так как это может препятствовать его раскрытию собственных идей и убеждений.

Как указывалось в обсуждении первой эмблемы, Эго должно быть гибким и способным удерживать срединную позицию, не будучи исключительно на стороне рыцаря. Эго несет принцип сознательного во тьму бессознательного и приводит к трансформации. Но сознание также должно рассматриваться как часть Самости, так как оно балансирует со своей противоположностью — бессознательным.

Третья Эмблема

Следующая эмблема отображает сцену, все еще расположенную внутри леса (см. далее рисунок 6). Описываемое действие происходит внутри бессознательного. Олень пришел на смену дракону, а единорог рыцарю. Обратите внимание, что рог единорога находится в том же положении, что и меч рыцаря на предыдущей эмблеме. Процесс переходит в новую стадию, которая символизируется новыми фигурами.

Хотя олень кажется самцом на изображении, текст ссылается на него как на лань, и связывает его с женским миром души и бессознательного. Единорог является представителем мужского мира сознания, и тесно связан с рыцарем. Однако существует несколько парадоксов на этой эмблеме. Женское животное ясно изображается как мужское, что часто символизирует воплощение маскулиных сил. Единорог же может появляться в алхимии как символ женского из-за своего белого цвета. Можно предположить, что противоположности сблизилась друг с другом; женское животное имеет элементы мужского внутри себя и наоборот. Можно, пожалуй, думать об изображении инь-ян в этом контексте, когда некоторая небольшая степень мужского появляется внутри женского символа и наоборот. Двое животных в этой эмблеме ближе друг к другу, чем может показаться на первый взгляд, и определенно они в меньшем противостоянии, чем были на предыдущем изображении. Некоторая напряженность ушла в процесс объединения, но само напряжение все же не исчезло.

Философский камень был известен как беглый олень-самец. Также олень-самец был символом трансформации и долголетия, так как считалось, что он способен отбросить рога и таким образом обновлять свою жизненную силу, обретая возможность существовать веками. Дракон изменился совсем немного, чтобы стать оленем. Кажется, уже не так темно и не так опасно, и хотя животные отнюдь не укротились, они все же более родственны, чем в случае с огнедышащим ядовитым драконом. Может быть, есть



Рисунок 6. Благодаря усилиям Эго, достигнута средняя стадия. Рыцарь сменился единорогом, а дракон оленем/ланью. Оба животных представляют мужские и женские атрибуты, что указывает на то, что противоположности, до этого запертые в смертоносной борьбе, смягчились и каждый из них принял на себя атрибуты другого. Эго и бессознательное стали ближе друг к другу и некоторая напряженность в Психэ ушла. Однако стоит заметить, что расщелина в роднике разделяет двух животных, и это указывает, что разрыв между ними ни в коей мере не исцелен (Из Николаса Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

и другой способ связать оленя с драконом, ибо в некоторых мифах олень-самец мог отторгнуть любой яд, который проглотил и обезвредить его [21]. Возможно, что образ оленя в этой эмблеме отображает нейтрализацию драконьего яда,

указывая, что процесс вышел за пределы некоторых своих опасных аспектов.

Факт того, что единорог имеет в себе и мужское и женское, связывает его с ртутью, которая могла быть и мужской, и женской. Как единение противоположностей, ртуть символизирует Самость. Единорог, подобно дракону, может по-простому рассматриваться как маскулиная часть Самости. Его рог заменил меч рыцаря, что указывает на ослабление напряженности между сознательным умом и бессознательным. Один рог также может представлять однонаправленность, отсылка к фокусирующей и организующей силе сознания. Также рог является ссылкой на стремление к единству, что сближает противоположности, формируя Самость.

В целом, эта эмблема указывает на промежуточную точку в работе. Противоположности, запертые в смертельной схватке, смягчились, и каждая из них уже начала принимать на себя аспекты другой, указывая на их возможное объединение. Присутствует разделяющая двоицу трещина в земле, указывающая на то, что хотя они и стали ближе друг к другу, между ними все еще имеет место разделение. Некоторая напряженность миновала, и многие опасности обошли стороной. Достижение этой стадии процесса индивидуации означает, что Эго и бессознательное стали более близки друг к другу и между ними теперь меньше войны. Происходит "перекрёстное оплодотворение", когда Эго интегрирует сообщения бессознательного, тогда как бессознательное изменяется посредством света сознания. Активное воображение в этой точке будет менее сложным и хаотичным; нужный образ имеет стабильность и доступность при куда меньшей вероятности исчезнуть или быстро измениться. Также присутствует возрастающее чувство связности и партнерства между Эго и Самостью, и хотя, возможно, это еще не подлинная дружба, Эго уже рассматривает бессознательное с меньшей озабоченностью и большим вниманием. Занимаясь практикой, Эго все больше

чувствует себя как дома и непринужденно, преисполняется стремления установить внутренний контакт. Все же будучи незавершенной, эмблема указывает на то, что определенный прогресс достигнут.

Эмблема Четвертая

Противоположности пришли к ровной близости друг к другу в следующей эмблеме (смотрите далее рисунок 7). Обратите внимание на то, что трещина в земле исчезла, а животные стоят рядом друг с другом. Кроме того, все ещё, будучи мужским и женским, они принадлежат к одному виду, что предполагает возможность спаривания. Спаривание является хорошо известным символом *coniunctio*, и сейчас это кажется возможным, что указывает на то, что единение не за горами. В тоже время — это львы, т.е. элементы дикости и жестокости возвратились в символику. Присутствует некоторая драконья ярость, но уже не в хаотичном и ядовитом смысле. Скорее всего, оба животных делятся этой свирепостью, и их дикость указывает на глубину, на которой происходит трансформация, а также демонстрирует, что этот процесс инстинктивен и выходит из под контроля Эго.

Лев может символизировать камень, а также часто представляется в текстах как эквивалент дракона. Лев может быть очень опасным и представлять пожирающую кислотную силу. В таком случае, вместо того, чтобы быть убитым, лев часто отсекает свои лапы. Лев может быть отсылкой к диким желаниям и хаосу бессознательного, но также и солярным животным, указывающим на мужской принцип солнца. Короче говоря, лев имеет элементы и хаотического мира бессознательного, и упорядоченного мира сознательного. Смесь двух элементов, на которую имеется намек в предыдущей эмблеме, развивается в этой, так как животные представляют собой те же элементы. Они больше не воюют, но пришли к потенциальному союзу. Они в значительной степени приняли характеристики друг друга.



*Рисунок 7. Процесс продолжается и теперь противоположности еще ближе друг к другу. Обратите внимание на то, что трещина в земле исчезла, и двое животных, мужского и женского пола, одного и того же вида, стоят рядом друг с другом. Существует реальная возможность отношений в этом изображении — даже можно говорить о спаривании, символизирующем единение между противоположностями. Такой союз уже совсем близок. Эмблема изображает Эго и бессознательное почти как близнецов, способных прийти к первой *coniunctio* (Из Николаса Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").*

В этой точке работы, Эго и бессознательное резко изменяются. Эго и принцип сознательного, который оно представляет, становятся ближе к внутреннему миру инстинктов и свободы. Эго оставило позади очень много своих

правил и законов, и приблизилось ближе к спонтанной возможности следовать внутренним чувствам и интуиции. Оно отказалось от многих своих прежних позиций, чтобы принять во внимание рекомендации внутренних фигур всех мастей, и в своей новой свободе, стало более диким и менее одомашненным. Оно прибавило некоторую непредсказуемость бессознательного и приблизилось ближе к своей внутренней природе. В то же самое время, бессознательное сблизилось с миром сознательного, отбросив хаос и неразборчивость, а также предоставляя определенный уровень гармонии и порядка для воздействия на них. Появляется связь с Эго и миром сознательного здесь и сейчас; опасности начала работы уже только в прошлом. Дикость и жестокость теперь организуется в соответствии с отношениями с Эго; двоица начинает сотрудничать и входит в новые глубины отношений. Теперь, когда Эго творит активное воображение и входит в мир бессознательного, оно чувствует себя как при встрече с любовником, в то время как фигуры из бессознательного стремятся помочь ему решить его проблемы и найти путь еще глубже вовнутрь. Первая coniunctio, когда Эго и бессознательное становятся частями одного и того же целого существа почти происходит. Первая манифестация Самости находится на расстоянии вытянутой руки.

Эмблема Пятая

Рассматривая следующую эмблему (см. далее рисунок 8), вполне можно предположить, что совершен некоторый шаг назад. Мы видим напряженность и вражду, а также двух животных — волка и собаку, которые, кажется, вцепились друг другу в глотки. На самом деле, текст, сопутствующий этой эмблеме, говорит о ярости и ревности, и указывает на то, что двое животных убивают друг друга в своей ярости. Хотя со стороны это выглядит чем-то негативным, это нормальное развитие событий в алхимии. Coniunctio очень часто ассоциируется со смертью, а смерть двух партнеров часто является требованием истинного смешения их

сущностей. Например, в “Химической свадьбе Христиана Розенкрейца”, юный король и королева были обезглавлены на своей свадьбе, а их кровь была смешана. Когда они вернулись обратно к жизни, они превратились в чудесных существ.

Николя Фламель¹⁹ описывает сцену, подобную нашей эмблеме, когда пишет, что хорасанский кобель и армянская сука должны быть положены в гроб (алхимический сосуд):

“Эти двое. . . жестоко укусили друг друга и источали огромный яд, ярость и гнев, ни на момент не отпуская друг друга. . . до тех пор, пока их слюнявый яд и смертоносный урон не привел к запекшейся крови, по всем частям тела. . . и в конце концов, они убили друг друга, сварив в свойственном им яде, который после смерти привел их к жизни и неизменной воде” [22].

Сейчас coniunctio — вовсе не “что-то доброе и нежное”, но связанное со смертью, насилием, расчленением и кровью. Читатель может задаться вопросом — действительно ли мы пришли к тому, кто так долго искали, или же на самом деле имеет место своего рода регрессия. Иногда алхимики помещали главы и эмблемы в неверном порядке, чтобы обмануть непосвященных. Может быть, с настоящей эмблемой такое и случилось? К сожалению, это не так. Не только символизм coniunctio часто выказывает себя жестоким, в этой эмблеме также существуют образы, которые указывают на то, что первое единение произошло.

Образ на заднем фоне эмблемы возвращает нас к первому изображению, где был водоем. На правом берегу был замок и город, а на левом — лес. Обратите внимание на изменение в этой картине; город сместился к левому берегу, который показывает несколько самодельных сооружений. Более того, присутствует мост, соединяющий два берега. Лодки исчезли, так как они не нужны, если есть мост.

¹⁹Николя Фламель (фр. *Nicolas Flamel* или лат. *Николас*, 1330–1418) — французский алхимик, которому приписывают изобретение философского камня и эликсира жизни.

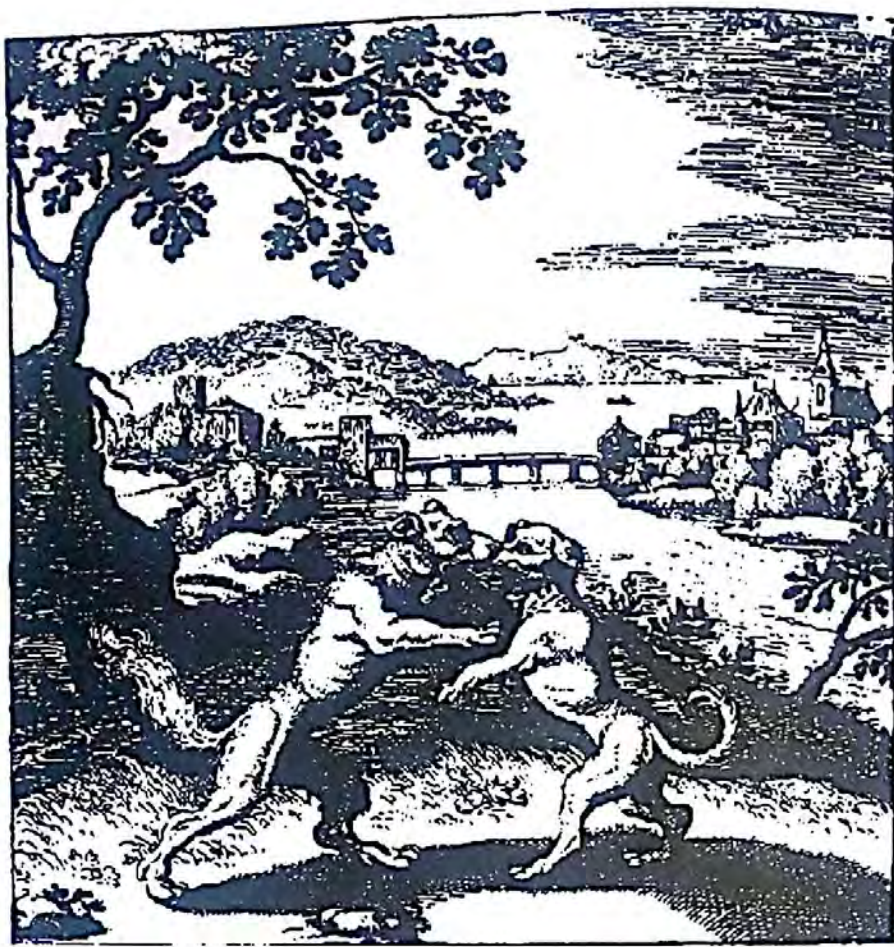


Рисунок 8. Двое животных (собака и волк) находятся в свирепой схватке. На самом деле, они убивают друг друга в ярости. Хотя может показаться, что по сравнению с предыдущей эмблемой имеет место некоторая регрессия, в действительности, единение требует смерти старой формы, и этого не случается без расправы. Тем не менее, будучи кровавой, copunctio все же случилась. Наблюдение двойственности на заднем фоне безошибочно указывает на единение. Мост был построен как соединение между двумя берегами реки, и там, где когда-то был лес, теперь городские здания. Имела место трансформация бессознательного, но ценой смерти предыдущей идентификации Эго и латентного состояния Самости.

Мост есть символ взаимосвязи, и появление моста на этой эмблеме объявляет о достижении первой copunctio. Миры бессознательного и сознательного соединились; они нахо-

дятся в единении, которое уже произошло и стало более взаимосвязанным. Более того, левая сторона бессознательного трансформировалась и сейчас имеет внутри себя сознательные структуры. Эти структуры и мост, соединяющий берега, указывают на формирование проявленной Самости, ибо в настоящий момент сконструирована целостная Психэ.

Почему же тогда так много крови? И как кровь может характеризовать такое счастливое развитие событий? Алхимическое действие, подобно большинству духовных путешествий, основано на теме смерти и возрождения. Не может быть роста без предварительной смерти, или, как любили говорить алхимики, нет формирования без разложения. В процессе индивидуации данная истина также имеет место. Для Эго, входящего в подлинное партнерство и единение с бессознательным, необходимо умереть для своего предыдущего состояния бытия и сознания. Независимо от того, насколько оно желает этого союза и каким бы подготовленным не было, опыт единения является потрясением и приносит первую смерть перед новой жизнью. Помнится я шутил несколько лет назад вместе с друзьями, что когда случаются большие изменения внутри моей психической жизни, что-то ужасное происходит в этом мире. Это предсказуемо и всегда вводит в неприятные чувства и ситуации. Мой первый опыт единения моментально последовал через камни в почках, и тот ад, который только они в состоянии создать. Смерть, которую Эго должно претерпеть очень реальное переживание и очень неприятное. Не может быть никаких переходов из одного состояния в другое без умирания.

Кроме того, бессознательное тоже проходит через смерть. Волк и собака убивают друг друга. Потенциальная Самость уже была перед лицом смерти от рук рыцаря, когда её пагубные и опасные характеристики были изменены. Если бы смерть настигла рыцаря, тогда это бы означало, что Эго оказалось сломленным и copunctio не случилось бы. Первая смерть должна быть переходом к хаосу бессознательной Самости, тогда как вторая смерть снова изменяет

её. Эта вторая смерть кажется мне обозначающей приход Самости к осознанию. Я предполагаю, что вхождение в мир Эго является очень серьёзной смертью для Самости, и большая образность о потерянном рае указывает на этот факт. Вхождение в отношения с Эго означает, что Самость оставляет свой бессознательный рай для того, чтобы вступить в “реальный мир”. Этот союз, конечно же, происходит в имагинальной реальности, но Эго привносит с собой все потребности и нужды, связанные с ординарной жизнью, и для Самости соприкосновение со всеми этимивещами является огромной трансформацией. Строения, появляющиеся на левой берегу на этой эмблеме могут означать, что мир ординарной жизни сейчас является частью бессознательного. Я помню, как доктор фон Франц говорила о потребности бессознательного познавать Эго и исследовать его пределы и ограниченности; этот исследовательский процесс становится переживанием смерти.

Двое животных в изображении, которые должны будут умереть — это собака и волк. Никола Фламель в упоминаемой выше цитате ссылается на хорасанского пса, который является хорошо известным алхимическим символом. На самом деле, Юнг обсуждает этот образ на множестве страниц в *Mysterium Coniunctionis*. Он утверждает, что все ссылки на хорасанского пса и его единение с другим животным — волком или собакой, вытекают из “*Liber Secretorum*” Калида. Вот оригинальный отрывок, заслуживающий цитаты:

“Гермес сказал, Сын мой, возьми хорасанскую собаку и армянскую суку, соедини их и они породят пса небесной масти, и если он когда-нибудь почувствует жажду, дай ему напиток морской воды: ибо он будет охранять твоего друга, и он будет охранять тебя от твоего врага, и он будет помогать тебе, где бы ты не был, он всегда будет с тобой, в этом мире и в следующем” [23].

Юнг много писал о значении собаки небесного цвета и, в конце концов, заключил, что эта собака то же самое, что и Самость, “она одновременно светлая, как день, и темная,

как ночь, идеальная *coincidentia oppositorum*, выражающая божественную природу самости” [24].

Собака есть домашнее животное и “лучший друг человека”. Этот аспект собаки передается по природе щенку, который является небесным, ибо этот образ Самости представлен в виде духа-хранителя, который защищает и направляет индивидуума, не только в жизни, но также и в мире после жизни. Самость, что порождается первой *coniunctio*, является другом Эго и своего рода духом-защитником. Однако, как указывает Юнг, все еще есть амбивалентность Самости, ибо Она также содержит внутри себя волка. Волк является немного более прирученной формой льва, но все еще представляет некоторую дикость бессознательного с его силой и эффектами. Таким образом, хотя собака — компаньон и защитник, она также имеет многое от волка. Самость никогда не может быть согнута под волю Эго и никогда истинно не приручается. Она предлагает дружбу как свободный и равноправный партнер, а не как слуга. Если Эго способно дать ответ соответствующим образом, *coniunctio* может иметь место.

Эта эмблема, как целостность, является очень хорошим выражением трансцендентной функции. Позиция Эго должна умереть, как и позиция бессознательного, в надежде, что будет создана третья объединяющая позиция. Трансцендентная функция сама по себе изображается в виде моста, который соединяет две позиции, давая возможность новому связующему опыту.

Эго, достигшее такого уровня работы, ожидает неприятный сюрприз в виде встречи со своей собственной смертью. Если оно гибко и достаточно открыто и беспрепятственно для переживания, оно легко сможет двинуться к следующей стадии. Бессознательное теперь не только более доступно, оно трансмутировано и является частью проявленной Самости. Я писал ранее, что Эго является частью манифестированной Самости и это определено точно. Экспериментально, однако, Эго не чувствует себя потерявшим большую

целостность, скорее оно ощущает себя так, как если бы у него появился внутренний друг — тот друг, с которым оно бы могло разделить свою жизнь. Внутренний друг является наставником и защитником, и изволит обучать Эго тому, что ему следует делать, и предоставлять ему все то, что ему требуется. Этот друг не магический питомец, который делает все, что потребуется Эго, но спутник-наставник, который создаёт опыт, благодаря которому и он, и Эго могут далее расти. Внутри Психэ, где до сих пор было две расходящиеся силы, сейчас существуют два друга, объединенных некоторым путем и имеющим одни и те же цели.

Таким образом, первая *coniunctio* создает серьёзную трансформацию внутри Психэ, производя два главных, соединенных друг с другом, компонента. Однако, первая *coniunctio* является преходящим опытом, ибо Самость еще недостаточно сильна, чтобы проявлять себя все время. Она еще относительно слаба по сравнению с другими силами внутри бессознательного, и поэтому Она то проявляется, то исчезает. К сожалению, для большинства людей это является наиболее разочаровывающим опытом. После вкушения реальности единения с Самостью, очень удручающе и даже мучительно Её потерять. Столкнувшись с такой большой потерей, большинство людей считает, что сделало что-то ужасно неправильное, раз Самость снова покинула их и часто сильно давят на себя, чтобы быть достаточно “совершенными” для того, чтобы Самость оставалась с ними. Каждый раз когда Самость пропадает, они тщательно изучают свою жизнь и поведение, пытаясь обнаружить ошибки, потому что уверены, что, вероятно, совершили какую-то из них. Единственная же ошибка заключается в критическом самоизучении, ибо это отбрасывает Эго к одному или нескольким комплексам, или импульсам фазы самокритицизма и встречных обвинений; все это, естественно, делает испытание Самости труднее, чем когда-либо.

Для того чтобы пройти эту фазу работы, практику следует помнить, что Самость не может оставаться в контакте

с Эго слишком долго. Она проявляется в опыте, которым Эго наслаждается, а затем исчезает, вызывая у Эго ужас. Эго должно принять эту боль и полагать периодическое исчезновение своего друга. Это может звучать просто для тех, кто никогда не имел соответствующего опыта, но это в лучшем случае тяжелое испытание. Тем не менее, все это является частью процесса, и любая чрезмерная реакция со стороны Эго все усложнит. Следовательно, первая *coniunctio* плавно переходит во вторую, с периодическими проявлениями Самости, за которыми следуют короткие (или длинные) периоды, когда Она отсутствует.

Эмблема Шестая

Дракон вновь появляется на следующей эмблеме (см. далее рисунок 9). Вспомним, что алхимики всегда рассматривали ведение своей работы относительно одной субстанции, одной материи: *prima materia*, которая становилась камнем. Дракон является этой *prima materia*, одновременно являясь и Самостью. В своем первом появлении, это была потенциальная Самость, со всем своим хаосом, который был уничтожен рыцарем сознательного проницания. Сейчас же происходит новое появление Самости, которая уже претерпела трансформации, обсуждаемые нами. Эмблема возвращает нас обратно в лес, и исчезнувшая трещина в земле снова на месте. Эмблема иллюстрирует процесс, который происходит внутри Психэ, когда Она отдаляется от мира Эго и больше не имеет сознательного чувства. Эго переживает её потерю, тогда как Самость занята процессом, происходящим в глубинах бессознательного.

Я упоминал, что Самость не в состоянии поддерживать свои проявления на первых порах, ибо Ей не хватает необходимой силы и стойкости. Пережив первую *coniunctio*, Она сразу же приводит в движение те процессы, которые создают вторую, более постоянную манифестацию. Для того чтобы сделать это, Она отделяется от Эго и полностью сосредотачивается на себе.



Рисунок 9. Хотя первая *coniunctio* имела место, Самость еще недостаточно сильна, чтобы оставаться в отношениях с Эго слишком долго. Существуют периоды взаимосвязи, следующие за периодами, когда Самость снова исчезает внутри бессознательного. В этой эмблеме, дракон снова возникает как *uroboros*. Самость полностью поглощена своим внутренним преобразованием и очищением, её взор направлен на саму себя. Она занята своим собственным развитием, которое может позволить перейти от первой ко второй *coniunctio*. В это время Эго не может участвовать в происходящих процессах, но ему следует терпеливо ожидать нового появления своего партнера (Из Николы Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

Дракон появляется кусающим себя за хвост, что связано с хорошо известным символом уробороса. Уроборос имеет множество значений и является широко распространенным

мотивом в алхимии. В ранней греческой алхимии он представлял единение всей жизни как проявляющийся во времени. Таким образом, он был вечным движением и развитием [25]. В то же самое время, он может символизировать стражей у врат, которые должны быть уничтожены в том случае, если алхимики добивались тайного эликсира, которого жаждали. Юнг считал, что уроборос означает "ничто иное как *deus absconditus*, сокрытого в материи Бога" [26].

Уроборический образ в этой эмблеме не относится ни к первоначальному состоянию, ни к потенциальной упорядоченности. Текст сообщает нам, что дракон поедает свой собственный хвост и поглощает свой собственный яд. Символизм указывает, что Самость полностью поглощена своей внутренней трансформацией и очищением, что её взор сейчас полностью направлен на саму себя. Существуют определенные процессы, происходящие внутри Психэ, в которых Эго не участвует напрямую, и это как раз один из таких процессов. Я наблюдал это в сновидениях клиентов, когда внутренний образ, наиболее часто связанный с Самостью, занят задачами, в которых сновидческое Эго не может принять участие. Я вспоминаю один сон, в котором сновидец спустился в свой подвал и обнаружил рабочих, занятых переделкой его печи и водопровода. Ему сказали, что он ничего не может сделать, и что водопровод будет установлен, когда Папа окажется на троне. В событиях, происходящих в сновидении, Самость пытается решить серьезные внутренние проблемы, и Эго не может принимать в этом непосредственного участия. Как хорошо знают алхимики, только Самость может создать сама себя. В этой точке работы Эго сделало все, что могло. Ему следует обуздать боль от отсутствия его друга, но кроме того — оно может только ждать, пока идет этот процесс трансформации Самости, позволяя Ей следовать своему собственному курсу и делать свои собственные выводы.

Эмблема Седьмая

Процесс продолжается на следующей эмблеме (см. далее рисунок 10). Очередной раз появляются двое живых существ, но они не являются животными; сейчас они птицы. Эта эмблема довольно сложна, и содержит несколько различных символов, достойных обсуждения. Прежде всего, сцена находится в лесу, но выше, чем ранее, на холме или небольшой горе. Птицы находятся на дереве; одна пытается безуспешно улететь оттуда, а другая сидит в гнезде. Под деревом сидит улитка, а на расстоянии располагается дом или замок.

Когда алхимическая образность происходит на высотах — горе, холме или паря в воздухе вместе с птицами, речь идет о процессе, который известен как *sublimatio*. Сублимация отделяет дух от тела и позволяет духу совершать полет в духовной реальности. Тогда как дух остается в воздухе, тело очищается и готовится к конечному возвращению духа. Дух в алхимии отделяется только на короткое время; тело и дух должны заново объединиться для завершения процесса. Символы изображают единство противоположностей как одной птицы, сидящей в гнезде и другой, пытающейся улететь. Написанный комментарий ясно дает понять, что состояние единения существует между двумя птицами; это состояние автор называет браком. Хотя процесс продолжается, первый уровень единения не теряется. Он по-прежнему связывает двух партнеров вместе в бракосочетании, хотя присутствует явная напряженность между ними.

Связь между птицей, которая взлетает, и той, что остается, не сходна с крылатым и бескрылым драконом, и в алхимии это называется единением закрепленного и летучего. Первая *coniunctio* достигнута, но проблема непостоянства Самости остается, ибо Она не может оставаться в контакте с Эго слишком долго. Несмотря на все усилия Эго уделить Ей внимание, Самость приходит и уходит, разочаровывая своим непостоянством. Старая склонность потенциальной Самости тонуть в нижних водах коллективного бессознательного, где правит хаос, обуздана, но не полностью

преодолена. Происходящий процесс призван зафиксировать Самость на месте, чтобы Она функционировала как новый центр без перерывов и всегда была доступна для Эго.

Причина того, почему Самость до сих пор остается нестабильной так долго, не ясна до конца, но фиксация Самости требует дальнейшей трансформации Психэ. Когда это полностью исполняется, происходит второе единение. Это символизируется в эмблеме посредством птицы слева, которая не может больше улететь и находится в постоянной связи со своим товарищем.

Образ птицы используется для изображения проблемы соединения фиксированного и изменчивого, и указывает на потребность удерживать Самость на месте достаточно долго для того, чтобы позволить новому единению случиться. Птица, как алхимический символ, в целом имеет отношение к душе и духу, а также может рассматриваться как посредник между землей и небом. Возвышенность над землей указывает на движение в духовную реальность, или процесс сублимации — две птицы также символизируют единение души и духа. Это единение отражает характеристику Дорна по поводу *coniunctio*, на которую он также ссылается как на *unio mentalis* (или ментальное единение). Он предупреждал, что первый союз “не делает человека мудрым”, так как этот уровень единения все же временный и беспочвенный. Процесс фиксации пытается устранить эту трудность.

Юнг писал, что фиксация в Китайской алхимии связывалась с циркуляцией. В процессе круговорота, все различные части Психэ становились упорядоченными вокруг общего центра [27]. В более позднем эссе он также поясняет роль фиксации в Западной алхимии:

“Фиксация алхимически относится к ляпису, но психологически — к укреплению чувства. Дистиллят должен быть зафиксирован и удержан, становясь твердой убежденностью и постоянной сущностью” [28].

Единение двух птиц в браке символически изображает ментальное соединение. Она птица соединена (или зафик-

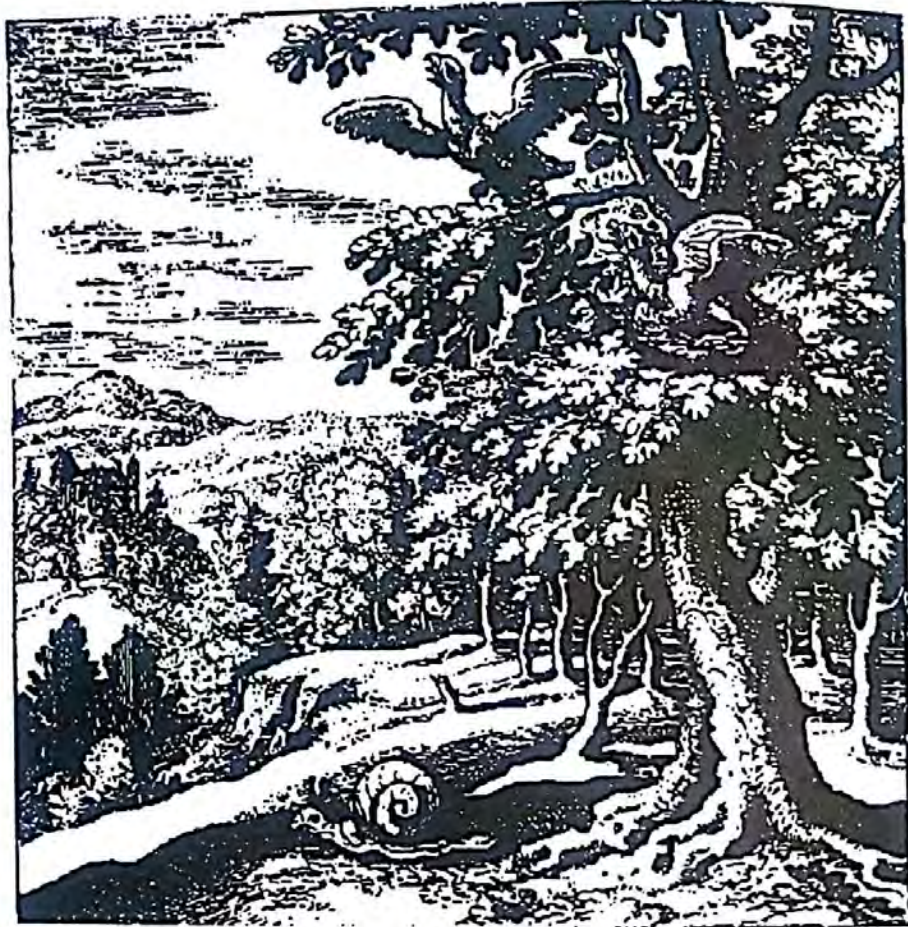


Рисунок 10. Для того, чтобы перейти от первой ко второй *coniunctio*, Самость должна "зафиксироваться" таким образом, чтобы не терять связи с Эго. Обратите внимание, что на этой эмблеме двое животных возвращаются в виде двух птиц. Одна из них располагается в гнезде (или алхимическом сосуде), а другая пытается улететь, но оказывается привязанной к гнезду. Текст гласит:

*"Та, что пребывает внизу, удерживает ту, что выше,
И не позволяет ей покинуть гнездо,
Подобно мужу, живущему в доме с женой,
Связанных вместе тесными узами брака".*

Посредством бракосочетания первой *coniunctio* и последующего процесса, Самость связывается с Эго и происходит фиксация (Иллюстрация и цитата из Николы Банауда Дельфинаса "Книга Ламбспринга", Герметический Музей, стр. 288).

сирована) с другой, что предполагает, что последовательный опыт первого союза сделал Самость более постоянной и более живой для Эго-сознания. Юнг указывает, что этот процесс включает чувствование, убеждение и установление Самости как постоянной сущности.

Эго должно работать над чувствованием Самости и уделять внимание переживаниям, возникающим при взаимодействии с ней. Внимательно наблюдая эти чувства, Эго способствует возможности процесса фиксации. В этом смысле, я не приравниваю "чувствование" к эмоциям. На самом деле, я обозначаю как чувствование опыт сущности (или манифестации) Самости. В процессе первого объединения, Эго часто взаимодействует с бессознательным посредством активного воображения, приводящего Самость к бытию. Сейчас же внимание Эго сдвигается к Самости и чувствам, которые вызывает Её присутствие. Если оно может чувствовать Самость, то находится в сознательном союзе с Ней, а если не может, то сознательная связь оказывается потерянной. Чувственное восприятие присутствия и коммуникация с Самостью показывает степень подлинного соединения с Ней.

Чувства, создаваемые Самостью на этой стадии, очень ясны и заметны; они отличны от тех, что производятся любой другой частью Психэ. Эти чувства приводят к внутреннему ощущению надежности, опыту центрирования, более или менее экстатического чувствования любви и бытие любимым, а также пронзительное осознание внутреннего партнерства. Такие чувства уникальны для опыта Самости. Когда Эго знакомится с ними, то знает, что находится на пути единения. Однако, как уже упоминалось ранее, на первой стадии конъюнкции эти переживания приходят и уходят. Эго должно открыться для них как для возможности, когда это происходит. Фокусируя на них своё осознание и некоторым путем, давая на них ответ, Эго способствует укреплению чувства Самости, что является частью процесса фиксации.

Кроме того, Эго следует придерживаться убежденности в том, что оно пребывает в единении с Самостью, и действовать таким образом даже тогда, когда оно не может полностью ощутить этого контакта. Разочарования, вызываемые исчезновением Самости, могут быть смягчены знанием Эго о том, что хотя чувства и испарились, союз не прекратился. Ему следует доверять Самости, которая появится, когда сможет, и, вместо того, чтобы сосредотачиваться на Её отсутствии, Эго должно сфокусироваться на осознании того, что единение, достигнутое однажды, не может исчезнуть. Я советую людям, проходящим эту трудную часть процесс действовать так, будто бы они могут чувствовать Самость, говорить с Ней, искать ответы, несмотря на кажущееся отсутствие смысла. Твердая убежденность Эго в том, что Самость присутствует, хотя и не ощущается, но, тем не менее, все еще едина с ним, действует как теория, привносящая реальный опыт. Сильная вера, уверенность и терпение также способствуют процессу фиксации.

В конце концов, в наиболее выраженном движении, что встречается в этом процессе, Самость перестает быть временной и становится постоянной сутью. Практику больше не нужно бороться за то, чтобы ощутить Её, ибо совсем чуточку внимания, и Она проявляется, оживая в осознании индивидуума. Диалог легко начинается, чувства ясны и интенсивны, а партнерство живо и благотворно. Когда фиксация на этом уровне достигнута, первый союз переходит во второй. В терминах Дорна, дух и душа, теперь соединенные, заново объединяются с телом; они заземляются и становятся зафиксированными в постоянной форме.

Гнездо в эмблеме символизирует сосуд, в котором происходит алхимический творческий процесс. Внутри сосуда Психэ что-то вынашивается — единение двух птиц, Эго и Самости, и это новый уровень бытия, который Самость переживает как движение ко второму уровню единения. Однако, как и всегда в алхимии, это новое рождение фик-

сированной и постоянной Самости происходит только после очередной смерти.

Эмблема Восьмая

На следующей эмблеме (см. далее рисунок 11), две птицы пожирают друг друга. На самом деле, две противоположности еще раз уничтожают друг друга, готовясь к новому рождению. Как должно быть ясно, не существует движения к новой стадии индивидуации без смерти предыдущего состояния. Ничего нового не получается без жертвования старого. Изменение от первой coniunctio ко второй не является исключением, и опыт смерти на этом уровне работы очень расстраивает и вызывает неприятие. Действительно сложна перспектива пожертвования того, что было достигнуто, и некоторые практики будут склонны остановить развитие в этой точке, чтобы не потерять то, что уже наработано.

Опыт первого уровня интенсивен и значим. Люди, достигшие этого уровня, осознают присутствие Самости в своей жизни, и используют это осознание для развития насущного и привлекательного образа жизни. Я вспоминаю случай одного человека, чья жизнь была полностью изменена его взаимодействием с бессознательным, что привело к временному, но глубокому переживанию Самости. Он расторгнул неудачный брак, бросил работу, которую не любил, и начал изучать то, что ему нравилось. Также у него проявился творческий дар, о котором он ранее не имел представления, и он вполне наслаждался своей жизнью. В этой точке, он остановил анализ развития всего того, что получил во внешнем мире. Примерно спустя год после приостановки анализа, к нему вернулись тревожные сны о смерти и конце мира. На самом деле, Самость толкала его на следующий уровень. Я пытался уверить его в том, что хотя он определенно достиг некоторых новых изменений в своей жизни, он мог бы перейти на еще лучший уровень жизни. Но он не согласился с этими заявлениями, и, в конце концов, отказался от дальнейшей работы, снова прекратив анализ.

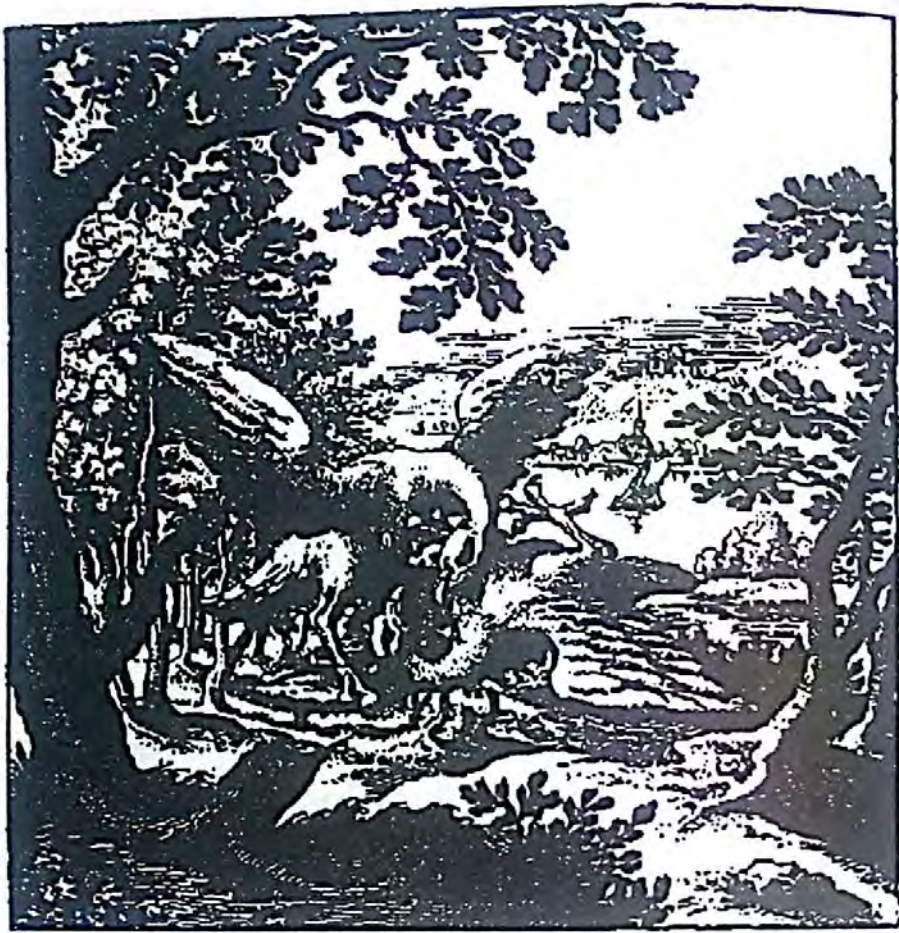


Рисунок 11. На этой эмблеме две птицы пожирают друг друга. Когда сотворение первой *coniunctio* породило смерть и жестокость, то произошло движение от первого единения ко второму. Все то, что было достигнуто, теперь должно быть принесено в жертву для возникновения новых отношений. От начала работы и до второго единения все союзы происходили через смерть, что затем сменилось более постоянным единением. Две птицы, связанные браком, теперь уничтожают друг друга для обоюдной трансформации в перерождении, благодаря чему создается новый, постоянный союз (из Николы Банауда Дельфинаса "Книга Ламбспринга").

Такие случаи не редки. Иногда человеку может сойти с рук отказ сделать следующий шаг, но иногда давление Самости становится столь сильным, что он или она попросту

не имеют выбора. Дело в том, что достигнуто так много, что необходимость всем пожертвовать невыносима. Однако без такой жертвы практик никогда не сможет перейти на следующий уровень.

Самость также претерпевает опыт смерти. Хотя я не могу вникнуть в то, как Она может переживать это событие, Её видимая смерть еще больше огорчает Эго. Эта стадия работы может соответствовать второй темной ночи души, о которой писал святой Иоанн Креста²⁰. Он описывал мучения очень прогрессивных душ, когда им кажется, что Бог исчезает. Имейте в виду, что Самость (или Бог) являет собой чувственное присутствие, а не просто концепцию. Тот, кто на этом уровне ощущает Самость, знает ее лично и с великой радостью осознает ее присутствие в своем сознании. Лишиться всего этого невыносимо. Напряженность и *mortificatio* вызваны продолжающейся эволюцией на второй *coniunctio*, которая является очень трудным и обременяющим переживанием.

Заметьте также, что лодка вернулась к срединной позиции на воде. Во время трудностей, сопровождающих эволюцию к новому единению, Эго должно по-прежнему пытаться сохранить центральную позицию, и оставаться прочно укорененным в той системе убеждений, которой оперирует. Любая тоска, порождаемая опытом смерти, уменьшается благодаря знанию о том, что все это имеет смысл и является частью вовлеченности практика в общий процесс. Наличие под рукой карты, на которой намечены кризисы и опасные воды, не только дает индивидууму способ выдержать их, но и некоторую надежду на то, что испытание не будет длиться вечно.

²⁰ Святой Иоанн Креста (также известен как Св. Хуан де ла Круз и Св. Иоанн Крестный, исп. *Juan de la Cruz*, 1542–1591), имя в миру Хуан де Йепес Альварес (исп. *Juan de Yepes Álvarez*) — христианский мистик, католический святой, писатель и поэт. Реформатор ордена кармелитов. Учитель Церкви.

Эмблема Девятая

Следующая эмблема (см. далее рисунок 12) изображает прорыв на вторую coniunctio. Король сидит на троне, удерживая шар с крестом наверху — символ авторитарности и гармонии. Существуют семь шагов, приводящих к трону, семь стадий алхимического мероприятия. Ноги сидящего короля стоят на теле дракона — это верный признак господства над хаосом и возможности эффективного порядка. Слева от него располагается рыба, и этот образ снова возвращает нас к первой эмблеме. Присутствующая в этой сцене рыба демонстрирует то, что король начинал как рыба, но теперь процесс завершен от начала до конца. В тексте король обозначается как царь леса, а дракон первоначально назывался чудовищем в лесу. Имейте в виду, что алхимическая работа посвящена только одну веществу во всех его изменениях, и король был рыбой, которая стала драконом, а затем, благодаря трансцендентной функции, трансформировалась в короля.

Фон сцены теперь преисполнен домами, а город окружен водой с преобладающим мостом. Все еще присутствует лодка на воде, но сейчас она окружена признаками человеческого развития вокруг себя. Лес стал частью города, а Самость выросла до включения в себя всего бессознательного.

Король является общим алхимическим символом. В общих чертах, он есть образ философского камня на различных стадиях делания. Каждый аспект появления короля отмечает его как нечто экстраординарное. Он возвеличивается на троне, возвышаясь над планом обычных людей. Его держава означает, что он правит всем миром, а его корона предполагает солнечные лучи и его просветленность. В контексте нашей серии эмблем, король воплощает философский камень, возникающий из процессов на изображениях. Аналогичное значение образа короля можно найти у Генриха Кунрата²¹: *“Когда, наконец... пепельный цвет, отбеливание и снова пожелтение; ты узришь Философский Камень, нашего Короля и Господина Господ, выходящего*

из ложа и престола его стеклянного sklepa на сцену этого мира, в его прославленном теле, регенерированном и превосходящим совершенство, сияющим как карбункул и возглашающим: ‘Узри, я сотворил все вещи вновь’” [29].

Религиозный экстаз Кунрата достоин внимания. Он поясняет сотворение камня — духовный опыт глубокой интенсивности. Манифестированная Самость теперь полностью проявлена и учреждена в Психэ как постоянное содержание и состояние бытия. Непостоянство предыдущего союза с Самостью заменилось фиксированной и неподвижной взаимосвязью, которая может быть доступна в любое время.

Это нелегкая задача — пытаться выразить в словах природу этого достижения. Однако, это не какое-то идеальное состояние, к которому можно стремиться, но никогда не достигнуть, так как постоянный опыт Самости в Психэ достижим, хотя и ценой тяжелой работы. Существует множество путей, какими можно пояснить развитие, но есть, по крайней мере, три из них, которые должны быть упомянуты.

Дорн называет вторую coniunctio телесным единением, и это очень важно. Движение от ментального к телесному единению указывает на интеграцию; то есть то, что ранее было только идеей, становится живой реальностью. Идея единения противоположностей должна стать фактом жизни практика. Не нужно бороться, чтобы достичь баланса, или искать способ удержать противоположности вместе еще дольше, потому что будучи сбалансированными и гармоничными, они регулируются пришедшей к бытию Самостью. Единение противоположностей становится установленным фактом в Самости, и Эго сейчас может только ждать отношений с Самостью в надежде обретения баланса.

Возьмем, например, мужчину, который пытается остаться в контакте со своей собственной женственной природой, чтобы выразить чувства и почтить отношения. Его Эго мо-

²¹ Генрих Хунрат (или Кунрат; нем. *Heinrich Khunrath, Kuhnralh*; предположительно 1560–1605) — немецкий философ-мистик, алхимик и каббалист.



Рисунок 12. Наконец, алхимик достигает второй coniunctio. Король сидит на троне, удерживая шар увенчанный крестом — символ авторитарности и гармонии. Его ноги расположены на теле дракона — верный признак господства над хаосом. Король являет собой символ философского камня и манифестированной Самости. Обратите внимание на то, что фон заполнен домами, большой мост вернулся назад, тогда как лес стал частью города. Самость выросла и включает в себя все бессознательное, а также, с учетом того что Эго — часть проявленной Самости, включенным оказывается также мир сознательного. Эта эмблема великолепно изображает цель внутренней алхимии: Самость, целостность и торжество (Из Николы Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

жет уделить пристальное внимание каким-либо первым чувствам, которые возникают спонтанно и найти путь дать им выразиться. На самом деле, Эго может быть даже не осве-

домлено об этих первых чувствах и потребуется усилие, чтобы сделать их сознательными. Все это требует множества сознательных усилий, работы активного воображения и рискованных разговоров во внешнем мире. Но если Самость воплощается, мужское и женское является Её частью. Эго не придется охотиться за чувствами или искать пути их выражения; оно должно только оставаться в контакте с Самостью. В соответствующий момент, Самость сдвинется в женственный режим, и Эго станет осознавать этот факт, пытаясь сильнее проявить выражение женственности. Это может звучать идеализированно, и, будьте уверены, комплексы всегда могут появиться и заблокировать этот процесс, но, по сути, так оно и есть. Так как Самость целостна и содержит все вещи внутри себя, поскольку Она полностью пробудилась и активна в Психэ, Эго следует просто осознать Её и дать голос обнаруженному внутреннему движению. Борьба и интенсивное усилие не нужны. Эго и Самость действуют как два партнера в опыте жизни. Символически, описание Дао и бытия в Дао, изображаемое в Китайской философии, будет тесно связано с этим психическим экспериментом.

Далее, во втором случае, Самость является хранилищем знания, и Эго, будучи во взаимоотношениях с проявленной Самостью, связывается с этим знанием. Но мудрость Самости не есть интеллектуальное знание, но чувственная мудрость, в которой сущность вещей, ситуаций и людей просматривается напрямую. Эго, живущее с воплощенной Самостью, ни думает, ни мыслит, ни вопрошает; оно может чувствовать сущность вещей то, что необходимо в настоящий момент. Эго чувствует, когда будет правильным выразить чувства и отказывается от этого, когда правильным будет отказаться; оно чувствует, когда должно быть активным, а когда пассивным; оно ощущает, когда идти вперед, а когда оставаться позади. Все нужное приходит к нему как опыт знания, и это знание не подлежит сомнению. В таких условиях, правильное и неправильное не имеют никакого смысла, ибо практик чувствует то, что должно быть сделано

и делает это. Слово "чувствование" не совсем охватывает характер того, что я описываю, но оно наиболее близко. Через чувствование Самости и Её сообщений, Эго остается соединенным с новым психическим центром, пришедшим к бытию.

Есть и третий путь к пониманию этой стадии работы. Внутри реальности воображения, все выражается через образы и взаимодействие с ними. Первая эмблема указывает на содержание Самости, близкое к манифестации, но необходимы соответствующие образы, с которыми можно работать. Король в настоящей эмблеме может быть рассмотрен как символ Самости, которая стала фиксированной и устойчивой. "Тело" в телесном единении может пониматься как отсылка к образу, персонифицирующему Самость. С установлением этой стадии единения, образ Самости становится постоянным.

В главе о воображении, я указывал, что образ сущности или внутренней фигуры то же самое, что вещь, а не просто символ, таким образом, образ Самости и есть Самость. Поэтому внутри имагинальной реальности, та Самость, что была создана и есть внутренняя фигура величайшей мудрости и силы. Все, что было достигнуто в алхимической работе, воплощается в этом образе. Таким образом, Эго находит возможность пережить единение с проявленной Самостью в виде постоянного взаимодействия с внутренней фигурой, которая сейчас проявлена в процессе активного воображения.

Во время работы с противоположностями и активным воображением, внутренняя фигура Самости может претерпевать последовательные преобразования. Она включает в себя эти различные противоположности, и в результате становится более сильной. С достижением этого этапа работы, фигура фиксируется. Теперь она оперативна и постоянна внутри воображения, и в отличие от других внутренних фигур, остающихся присутствующими только в определенный период времени, она никогда не меняется и не исчезает.

Поскольку этот образ очень силен, Эго находит его легким для контакта. Эта фигура доступна в любой момент, и эта доступность делает легкой для понимания идею Марии-Луизы фон Франц о том, что постигая индивидуацию персону живет в мире активного воображения. Внутренняя фигура Самости присутствует для Эго днем или ночью, в медитации или в вовлеченности во внешнюю деятельность. Единение между ними фиксировано таким образом, что диалог возможен на протяжении всего дня, и практик чувствует себя живущим в этом союзе.

Внутренняя фигура может сильно повлиять на психику различными способами. Даже тогда когда Эго находится в плену комплекса, то фигура остается вне комплекса и может влиять на ментальное состояние Эго, а также состояние психики в целом. Самость также имеет такую силу, но многократно умноженную. Самость может проникнуть и изменить текущее состояние Эго. Если Эго встречается с комплексом или с внешней ситуацией, вызывающей огорчение, оно может обратиться к Самости для поднятия своего настроения и получения информации о том, как справиться с ситуацией. Его партнер всегда присутствует, влияя на него чувственным пониманием, информацией или просто целительным присутствием.

Эмблема Десятая

Со следующей эмблемы (см. далее рисунок 13), начинается движение по направлению к третьей coniunctio. Животный символизм возвращается с образом саламандры в огне, которая помещается туда человеческой фигурой. Эта фигура может быть отсылкой к Вулкану, богу огня, или, быть может, алхимику, самостоятельно выполняющему работу по созданию камня.

Согласно мифологии, саламандра является существом, которое разрастается в огне и делает его своим домом. Юнг отмечал, что саламандра была почти эквивалентна огню [30]. Однако также верно и то, что саламандра обозна-

чает фиксированный аспект Самости, который сильнее огня. Как пишет один алхимик, “Наш камень представляет собой астральный огонь, симпатизирующий природному огню, который подобно настоящей саламандре получает свое рождение, питается и разрастается в элементарном огне” [31]. Саламандра символизирует проявленную Самость в её фиксированности; Самость (или камень) достаточно сильна на этой стадии работы для вхождения в огонь без изменений.

Целью в этой точке работы не является еще одна смерть или деструкция того, что было отвоевано, так как во втором союзе было достигнуто постоянство. Так как процесс, каким бы интенсивным он не был, теперь не может более уничтожить Самость, саламандра является подходящим символом для Ней на данном этапе. Огонь, пожалуй, представляет собой самый важный символ в алхимии, оставаясь одной из главных алхимических тайн. Существует множество типов огня и соответствующих ему значений. С Юнгианской перспективы, огонь может быть интерпретирован как интенсивная страсть или желание, которые должны быть растворены как топливо для процесса трансформации [32]. Хотя такая интерпретация может быть правильной для одного типа огня и определенной стадии работы, это не точно в отношении огня на этой особой стадии. Так как Самость уже сотворена, растворение желаний уже не имеет какого-либо значения. Это действует из области единения с Самостью, а не из какого-либо желания кормить свои нарциссические потребности, двигаясь в сторону самовосхваления. Огонь на этой стадии работы должен быть рассмотрен в ином свете.

Символизм огня столь сложен, что упрощенная интерпретация оказывается недостаточной. Однако есть один главный мотив, соответствующий нашей эмблеме. Огонь часто рассматривается как духовная сила сокрытого или оккультного влияния. Ириней Филалет²² в “Introitus apertus”

²²Ириней Филалет — английский алхимик XVII в., автор трактатов “Источник химической истины”, “Открытый вход в закрытый дворец короля”, “Метаморфозы металлов”.



Рисунок 13. С этой эмблемой начинается движение по направлению к третьей coniunctio. Алхимик (или, возможно, бог Вулкан, символизирующий силу огня) помещает саламандру в огонь. Саламандра представляет собой существо, разрастающееся в пламени, которое не может повредить ему. Таким образом, она символизирует фиксированную и постоянную Самость, которая не умирает, но движется к следующему уровню единения, добываясь постоянства и бессмертия. Кроме того, это не застой, но процветание в огне внутренних процессов, приближающих к единению с Божественным (из Николы Банауда Дельфинаса, “Книга Ламбспринга”).

называет огонь “тайным адским пламенем, чудом света, системой высших сил в низшем” [33]. Mercurius часто приравнивается к огню, таким образом, называясь “огнем, в котором сам Господь горит в Божественной любви” [34]. Дру-

гими словами, огонь являет собой духовный принцип, действие которого порождает трансформацию. Он питает процесс, и нет нужды растворения желания (или иного сознательного акта), ибо источник его возникновения лежит в самом духовном мире. Все это определено связано с символизмом Самости, и может рассматриваться как внутренняя сила Самости, создающая Её собственную трансформацию.

Саламандра представляет собой манифестированную Самость, которая может пережить любой процесс, каким бы он ни был интенсивным, а огонь являет собой манифестацию Её собственного пути к трансформации. Однако, на этом этапе работы, огонь не принадлежит проявленной Самости. Отсылки к Божественному огню и высшим силам бытия, сокрытым в низшем, предполагает, что процесс подпитывается не только Самостью, но также Божественностью, существующей за Её пределами. Процесс, посредством которого третья *coniunctio* приходит к бытию, направлен на новое единение противоположностей — союзу человеческого и Божественного. Как это поясняет Дорн, этот уровень единения связывает индивида с *ipus mundus*, миром чистого духа и божественного единства. Движущая сила этого слияния приходит не только из индивидуальной Самости, но от самого Бога, по мере того, как две сущности притягиваются вместе в высшем из всех браков. Огонь представляет собой духовную силу, создающую окончательную трансформацию в Самости, посредством которой Божественное воплощается в человеческой Психэ.

Эмблема Одиннадцатая

Первое воздействие огня становится ясным, когда мы переходим к следующей эмблеме (см. далее рисунок 14). Теперь мы видим три человеческие фигуры, из которых ранее присутствовал только король. Молодой человек является принцем, сыном короля, и связывается с мотивом *filius*. *Filius*, или сын, часто используется алхимиками при упоминании камня, когда они называют его *filius philosophorum*, или

говорят о сыне солнца, и так далее. *Filius* часто обсуждается в экстатических и духовных терминах. Один алхимик писал:

“Это есть FILIUS SOLIS, дитя солнца, который благодаря своей особой власти творит чудеса и великие знамения, а также может изгонять все болезни в человеческом и металлическом телах. В прославленном теле, плоти и крови, он очищает все вещественное. Высший Адам, дарованный свыше...” [35].

Я идентифицировал короля как внутреннюю фигуру, персонифицирующую и воплощающую Самость. Процесс, приводящий ко второй *coniunctio*, может рассматриваться как последовательная трансформация внутренней фигуры, все более и более воплощающей Самость. Самость, в свою очередь, набирает силу благодаря единению противоположностей. Принц также может быть рассмотрен как имагинальная фигура, которую можно интерпретировать различными путями. Интерпретация, кажущаяся мне наиболее убедительной, заключается в том, что сын Самости является персонификацией Божественности, которая пребывает в поисках третьей *coniunctio*. Каждая следующая эмблема может быть лучше понята в связи с установлением третьего уровня единения, объединяющим Самость со скрытым Божественным миром, превосходящим наш ординарный мир. Я уже указывал на то, что фигуры могут персонифицировать духовные сущности, которые не происходят из Психэ, но имеют свой источник в мире неординарной реальности, которую я обозначал как психоид.

Сын Самости представляет собой образ, персонифицирующий психоидальную сущность, которая тесно связана с Самостью. Самость, готовая к соединению с *ipus mundus* (или психоидальным миром), переживается как образ, персонифицирующий психоидное существо, с которым возможно соединение. Существует психоидная фигура, тесно связанная с Самостью, которую я называю союзником [36].

Понятие психоида постулирует, что существует реальность духовных сил и энергий, которые не пребывают

в Психэ. Согласно Суфиям, есть человеческий мир и мир чистого духа, а также промежуточный мир воображения, где предыдущие два мира могут взаимодействовать. Это взаимодействие осуществляется посредством персонификации духовных сил в воображении, проявляющихся в виде имажинальных фигур. Психодный мир не является миром чистого духа, но реальностью, где физическое и духовное соединяются. Психодное воображение призывает в опыт сущности, которые являются не только психическими, но и имеющими свою собственную полу-физическую реальность. В этом смысле, психодный мир представляет собой царство тонких тел.

Взаимоотношения между Самостью и Богом обсуждаются часто. Юнг считал, что фигура Самости неотделима от внутреннего Божественного образа [37], насколько можно судить. Если, однако, мы формулируем идею о том, что существует Божественная сущность за пределами Психэ, то Самость должна быть отделена от этого существа. Тем не менее, кажется, что Божественность и Самость очень тесно взаимосвязаны. Принятие идеи *filius* как образа психодальной Самости означает, что Божественность, персонифицированная в этой фигуре, занимает центральное место в психодном мире, и способна к развитию своей собственной индивидуации, как и Самость. Более того, кажется, что Самость психода требует единения с человеческой Самостью для эффективной самотрансформации.

К. Г. Юнг упоминает, что, по мнению Дорна, конечное развитие Самости требует Её единения с духовными миром — миром, который существует за пределами индивидуальной Самости [38]. В мире воображения это осуществляется посредством взаимодействия и взаимоотношения с имажинальными фигурами, воплощающими и персонифицирующими центр Божественного мира — т.е. *filius* или союзник. Алхимики видели в *filius* своего рода Божественную сущность. Некоторые алхимические тексты связывают *filius* с фигурой Христа, причем настолько, что Юнг писал: “свет

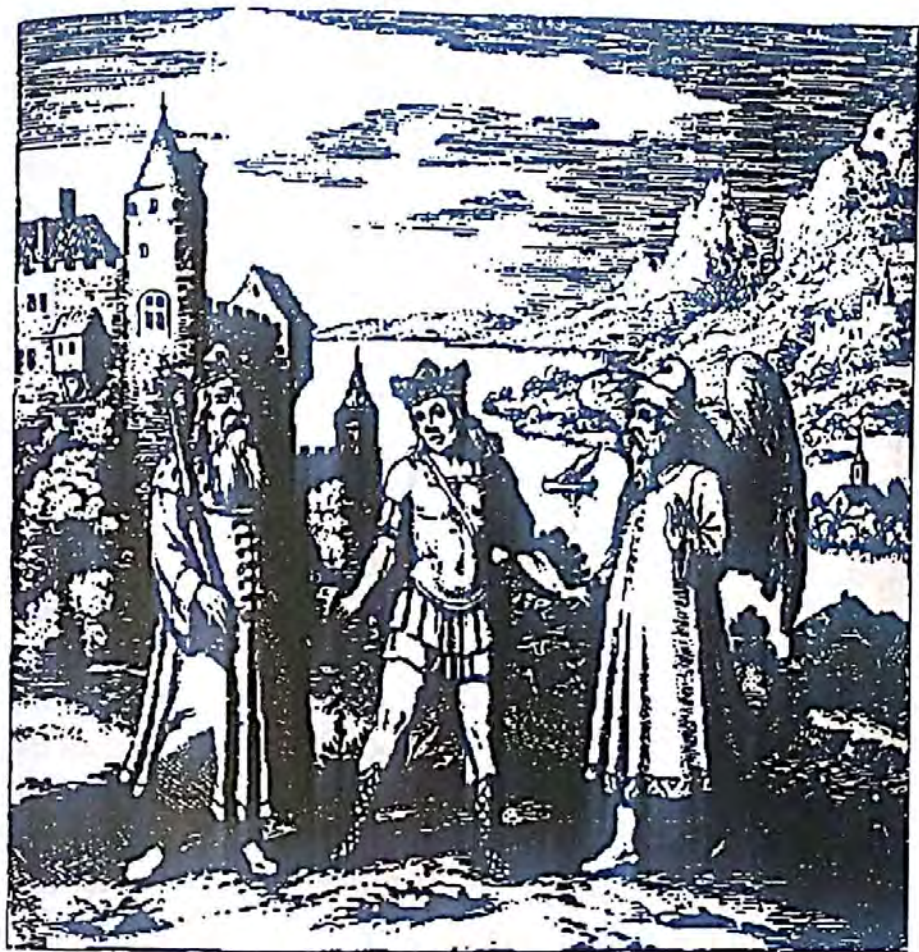


Рисунок 14. Сейчас мы видим на эмблеме три человеческие фигуры. Король соединен со своим “сыном” и мудрой фигурой, представляющей трансцендентную функцию и силу трансформации. Сын короля — внутренняя фигура, персонифицирующая союзника (или индивидуальную манифестацию Божественности). Сын соединен с отцом, держащим его за руку, а также эти двое наставляются пожилым мудрым человеком с крыльями, представляющим духовность и мудрость. Сын одновременно соединен и с королем, и с миром духа. Союзник соединяется с проявленной Самостью, но также остается соединенным с Божественной Мудростью, которую можно связать со Святым Духом или Софией (Из Николы Банауда Дельфинаса, “Книга Ламбспринга”).

или *filius philosophorum* открыто назывались величайшим и победоносным из всех светов, и их ставили рядом с Хри-

стом как Спасителем и Хранителем мира!" [39]. Для очень многих алхимиков, *filius* был воплощение Божественного.

С моей точки зрения, ключом к единению на третьем уровне является имагинальный опыт *filius*. Подобно всем духовным сущностям, союзник персонифицирует себя как имагинальная фигура. Но в отличие от других внутренних фигур, эта психоидальная фигура ощущается как независимая от Психэ и действует так, чтобы привести Психэ к взаимоотношению с тем, что превосходит её пределы. Фигура союзника является персонификацией психоидной Самости, чье взаимоотношение с Самостью демонстрируется через существование Королевского сына.

Взаимоотношения между этими двумя фигурами сложно и требует дальнейшего исследования. На третьем уровне, когда человек и Божественное связываются в бракосочетании, символизм не изображает единение противоположностей, хотя и говорит о конъюнкции. Возможно, что личная Самость и Самость психоида не являются противоположностями, но очень тесно связаны; на самом деле, они представляются как отец и сын. Существуют другие традиции, в которых эти две фигуры изображаются как близнецы — например, в Манихейской системе. В этой системе, поиск чьего-либо Божественного двойника и является целью мистической жизни, а единение с двойником означает духовное совершенство. В система Ибн Араби, Бог имеет бесконечное число имен, все из которых являются живыми сущностями, которые могут персонифицировать себя как имагинальные фигуры. Цель мистика в данном случае — определить собственное имя и соединиться с ним, и через этот частный союз воплотить все остальные Божественные имена. Эти модели очень сильно близки к той, что представлена в нашей серии эмблем, а также тому, что можно отыскать в других алхимических символах.

Для краткого обзора, существует нормальный человеческий мир ординарной реальности, а также Божественный мир, выходящий за пределы известной нам реально-

сти. Между этими мирами присутствует мир воображения, в котором духи и сама Божественность могут персонифицировать себя в виде имагинальных фигур. Связываясь с образом, мы тем самым связываемся с самой сущностью, т.е. посредством имагинального опыта Божественность может быть познана и трансформирована. Есть два аспекта имагинального опыта. Первый связан с внутренними фигурами и происходит, когда некоторая часть бессознательного персонифицирует себя. Другой связан с психоидальными фигурами и имагинальной встречей с существами, имеющими свою собственную объективную реальность за пределами Психэ. Внутри первого имагинального мира, Самость появляется как фигура, воплощающая единение противоположностей внутри Психэ, а также бытие центра Психэ. Образ Божественного, проявляющийся во второй имагинальной реальности, тесно связан с образом Самости, и вместе эти два делания производят третий уровень единения, который соединяет человеческое существо с Самим Богом.

В нашей эмблеме, король есть проявленная Самость, тогда как его сын персонифицирует центр психоидного мира. Но также имеет место третья фигура. Пожилое, крылатое существо формирует троицу вместе с другими двумя персонажами, и вместе они образуют завершенность. Король представляет собой манифестированную Самость, возникающую внутри человеческого бытия, сын есть Самость психоида (центр Божественного мира), также персонифицированная в воображении. Пожилой человек являет собой персонификацию и воплощение трансцендентной функции, т.е. процесса, который соединяет вместе остальную двоицу.

Юнг исследовал образ пожилого человека в статье, упоминавшийся в первой главе — "Феноменология духа в сказках" [40]. В этой работе он отмечает, что пожилой мужчина (как внутренняя фигура) действует как гид на пути, даруя требуемую мудрость и тесно связываясь с трансформацией. Он настолько связан с трансформацией, что Юнг полагал его персонификацией трансцендентной функции.

В алхимическом воображении пожилой человек аналогичен христианскому символу Святого Духа с одной стороны, и Меркуриус с другой (психопомпом и агентом трансформации). У этой фигуры есть крылья, что указывает на её духовную природу. По всем пунктам, он, кажется, символизирует процесс, приводящий к появлению третьей *coniunctio* и впоследствии её поддерживающий. Если мы вернемся к дискуссии о природе огня и его тесной связи с Меркуриус, то, кажется, вполне уместно предположить, что пожилой человек и огонь — это одно и то же. Следовательно, пожилой человек олицетворяет движущую силу и средства для осуществления третьего единения. Меркуриус, по сути, описывается именно таким образом множество раз в алхимической литературе. Как уже упоминалось ранее, эта движущая сила исходит в равной мере из проявленной Самости и из Божественного, желая своей собственной трансформации.

Поскольку все эти три силы персонифицированы как внутренние фигуры, Эго может иметь связь с каждой из них, и принять участие в процессе, приводящем к третьему единению. Это приводит к диалогу с огнем, что не так сложно осуществить при поддержке пожилого мудреца, который может помочь практику понять природу раскрывающегося процесса. Весьма затруднительно представить себя в соединении с Божественным миром *unus mundus*, чьи чудеса и природа могут выйти за пределы чьей-либо способности к пониманию. Тем не менее, практик может вступить в диалог и связаться с имагинальной фигурой, персонифицирующей этот мир. Союзник (или психоидная Самость), персонифицирует себя как фигура, которая одновременно любит и любима, говорящая о содружестве и трансформации. За пятнадцать лет обучения в медитационных группах я научился взаимодействовать с внутренними фигурами, воплощающими союзника, которые всегда были заинтересованы во взаимоотношениях и единении, но никогда речь не шла о власти или доминировании над ними. То, что

они проявляются в воображении таким образом, делает их легкими для взаимосвязи, но часто скрывается тот факт, что мир, из которого они приходят, в действительности очень чужероден.

Психоидная Самость, манифестированная Самость и мудрый пожилой человек — все они являются фигурами, с которыми практик может связываться в активном воображении. Закладывая основу для последующего процесса, автор “Книги Ламбспринга” теперь начинает демонстрировать непосредственно его природу.

Эмблема Двенадцатая

В этой точке, пожилой человек начал действовать как наставник, которым он и является (см. далее рисунок 15). Он взял *filiius*'а из мира его отца на вершину горы, представляющей собой другой случай *sublimatio*. Этот процесс переносит юного сына в духовную реальность для высшей жизненной перспективы, а также для исполнения духовной задачи.

Планеты и звезды обсуждались в главе о воображении. В алхимии, звезды представляют небесные силы, чьи энергии должны быть переданы в камень, пропитывая его магической силой. Восхождение к звездам с целью получения их силы является одной из активностей *filiius*'а. Дорн поясняет процесс, изображенный на этой эмблеме, следующим образом:

“В конце концов, случится, что земной, спагирический зародыш облачит себя в Божественную природу через свое восхождение, а затем, нисходя, зримо облачит в природу центра земли, но тем не менее, природа небесного центра, достигнутая в восхождении, тайно сохранится” [41].

Иными словами, существо, восходящее на вершину, возвращается на землю, будучи обогащенным силами центра обоих миров. Оно не только приобретает качества центра Психэ (т.е. Самости), но также и центра небесного мира, психоидной реальности. Юнг поясняет, что спагирическое рождение, о котором говорит Дорн, является “ничем иным,

как *filius philosophorum*" [42]. Другой алхимик писал, что "наш философский сын... восходит к небесам и возвращается оттуда на землю... [приобретая] всю силу и мощь и неба, и земли" [43]. *Filius* воплощает центр психоида. Таким образом, у него есть возможность взойти к этой реальности и интегрировать её энергии и силу.

Звезды представляют собой психоидальные энергии, которые, как правило, не доступны для материального мира. Алхимики искали способ привести эти силы в камень, чтобы вдохнуть в него жизнь. Так как *filius* является имагинальной фигурой, воплощающей психоидальную сущность, он имеет возможность взаимодействовать с другими такими фигурами, также воплощающими аспекты психоидального. Через опыт активного воображения, в котором Эго сопровождает сына во взаимодействиях и диалогах с другими внутренними фигурами, энергии, персонифицированные сыном, могут оказывать влияние на Психэ. Также может случиться, что индивид будет переживать вторжения психоида, которые не являются образами *per se*²³; например, когда практик имеет опыт бесформенной энергии, впрочем эти энергии могут быть также связаны с *filius* посредством активного воображения. Таким образом, алхимия на этом уровне становится имагинальным взаимодействием с фигурами, выходящими за пределы Психэ. Через эти взаимодействия, практик открывает пути чтобы воплотить их внутри Психэ, создавая дальнейшую трансформации внутри Самости и объединяя Её с транспсихической реальностью. Ключ к безопасному исполнению этой работы — союзник. Юлиус Эвола, писавший о герметизме с перспективы внутренней алхимии и эзотерической традиции, указывает, на то что, на определенной стадии тело подвергается процессу, который позволяет ему получить "величайшую нечеловеческую силу, которая может помочь пройти перерождение" [44]. Тело, или воплощенное человеческое существо, становится сосудом

²³Сами по себе (лат).



Рисунок 15. Наставник-мудрец забирает союзника от проявленной Самости для осуществления его дальнейшего развития на этой эмблеме. Подобно тому, как Самость на время исчезает перед второй coniunctio, работая над своей собственной трансформацией, союзник перед третьим единением также пропадает для получения полномочий от силы звезды. Но тогда как дракон пропадает в лесу, союзник восходит на высшую гору, а затем спускается, приобретая силу небес и земли. Filius, как персонификация центра психоида, интегрирует и гармонизирует психоидальные силы, подобно тому, как проявленная Самость гармонизирует и интегрирует архетипы. Когда сын возвращается на Землю, он приходит как инкарнация Божественности (Из Николя Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

для психоидальных энергий через имагинальные встречи с психоидальными силами.

Много лет назад, у меня было следующее сновидение:

Я был за пределами видимого ночного неба, которые было преисполнено тысячами звезд. Смотря на них, я осознал, к своему ужасу, что звезды исчезают одна за другой. Тогда голос, который я знал как голос Бога, сообщил мне: “Сейчас пришло время для этих звезд и даже для Меня, чтобы исчезнуть. Но вместо нас я выдаю этот меч”. Звезды продолжали исчезать, и я обнаружил, что держу тяжелый и красивый меч, на котором были выгравированы все звезды. Я знал, что силы Бога и звезд сосредоточены внутри этого меча.

Хотя в то время я ничего не знал об обсуждаемых алхимических процессах, сновидение находится в очень близком соответствии с ними. Важно помнить, что образы, описанные мной, относятся к фактическому опыту, который действительно имел место, а не просто являлся теоретическим отображением некоторых бессознательных процессов. Некоторое время спустя, я проснулся посреди ночи и увидел, что моя комната наполнена звездами. Я испугался и замедлил дыхание, чтобы успокоиться. Так как мое дыхание нормализовалось, звезды стали вибрировать в гармонии с ним, и одна за другой исчезать, входя в мою Психэ. Я ощущал себя преисполненным ими, мой центр принял их. Когда я понял, что не смогу больше выдержать, оставшиеся звезды исчезли.

Видение или опыт активного воображения, подобный этому, соответствуют сублимации *filii*. Эго путешествует с *filii* на вершину горы и изучает тайны звезд, в то же самое время помогая *filii* принять их силу. Этот процесс воплощения небесных сил является центральным в алхимическом воображении, и об этом говорится в наиболее распространенном из всех алхимических текстов, Изумрудной Скрижали. Этот текст, конечно, довольно старый — вероятно, датируется эллинистическими временами. В частности, в нем говорится:

“Он восходит с земли на небеса, и нисходит вновь на землю, и, таким образом, ты будешь обладать славой целого мира, а все неясности будут отброшены” [45].

Восхождение в небесный мир и получение звездных добродетелей и описывается в настоящей эмблеме. *Filius*, как олицетворение центра психоида, интегрирует и гармонизирует психоидальные силы — “звездные добродетели” таким же путем, каким манифестированная Самость способна интегрировать и гармонизировать архетипы. Мандала расширяется, теперь за счет включения транспсихических сил. Образ сына предоставляет средства, благодаря которым индивид безопасным образом взаимодействует с экстраординарными энергиями и методами, через которые он или она приносят их в ординарный мир. Воображение, является тем средством, через которое этот процесс разворачивается.

Эмблема Тринадцатая

Следующая эмблема (см. далее рисунок 16) изображает весьма ужасающее поглощение сына отцом. Хотя это может вызвать тревожные чувства, такое поглощение является частью процесса, так как указывается фигурой мудрого пожилого человека, наблюдающего за процессом и, кажется, выдающего свое благословение царю. Мы можем найти тему поедания ребенка своим родителем во множестве алхимических источников. Символически, поглощение означает интеграцию. Так как сын восходил к звездам и обрел их силу, сейчас отец хочет присвоить эти силы себе, поедая сына. Образу *filii* удалось приобрести психоидальные энергии через имагинальные встречи с другими психоидальными фигурами (или силами). Проявленная Самость теперь принимает в себя опыт *filii*. Цель этого процесса — единение индивидуальной проявленной Самости с небесным, психоидальным миром *unus mundus*. Сын действует как центр психоидального мира, собирая в себя и вокруг себя силы этого мира. Сейчас он заново соединяется с Самостью, которая пытается интегрировать его в себя, и, таким образом,

в Психэ. Однако, что очень важно, усилия по интеграции психоида в Психэ работают только в ограниченной степени.



Рисунок 16. Отец поедает своего сына, тогда как наставник смотрит на это с явным одобрением. Хотя картина кажется тревожной, символически она отображает процесс интеграции, посредством которого проявленная Самость принимает в себя союзника и его новые приобретенные силы. Психэ, через свой центр, пытается воплотить психоидальную Самость, союзника (Из Николы Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

Эмблема Четырнадцатая

На следующей эмблеме (см. далее рисунок 17), мы находим болеющего короля, обливающегося потом. Обратите вни-

мание, что на заднем плане, однако, имеет место небесный поток, проходящий через окно. Психоидальные силы продолжают встречаться с королем через воздействие его сына, которого он поглотил. Потоотделение символизирует процесс очищения, присущий алхимическому процессу. Поедание сына добавило Самости силы, которую Она не смогла вынести; Ей следует очиститься или пережить страдания инфляции. Проявленная Самость может объединиться с психоидальной Самостью, но не может её ассимилировать. На самом деле, отец дает рождение сына еще раз (через потоотделение), потому что не может содержать его долго. Однако, подразумевается, что они оба — и отец, и сын, будут преобразованы в этом процессе.

Психоидальные силы чрезвычайно мощны, и введение их в Психэ, или в физический мир, может иметь драматические последствия. Из-за их очень мощной природы, их введение в индивида может быть очень опасным. На своем собственном опыте я видел, как другие переживали ужасные физические и психологические последствия, из-за того, что прикоснулись к этим силам. Сам я был одолен бессонницей, длящуюся недели, после "проглатывания" энергии такой огромной силы, что мне не удалось привести её в гармонию с остальной частью меня. Выйдя из под контроля, она бушевала во мне, пока, наконец, я не урегулировал её через активное воображение. Если внутренняя фигура, близко связанная с Самостью может принять эту энергию, последствия её введения в Психэ становятся менее плачевными. Эмблема ясно указывает на то, что Самость не может достигнуть полной интеграции. Она получает её только выделяя их через пот в форме первоначального образа *filius*. Пережив опыт психоида через образ сына, король теперь способен интегрировать некоторые из тех переживаний, которые влияют на него позитивно. Энергии, которые он не может удержать, возвращаются обратно к *filius*, который теперь оживает в Психэ как воплощение Божественного.

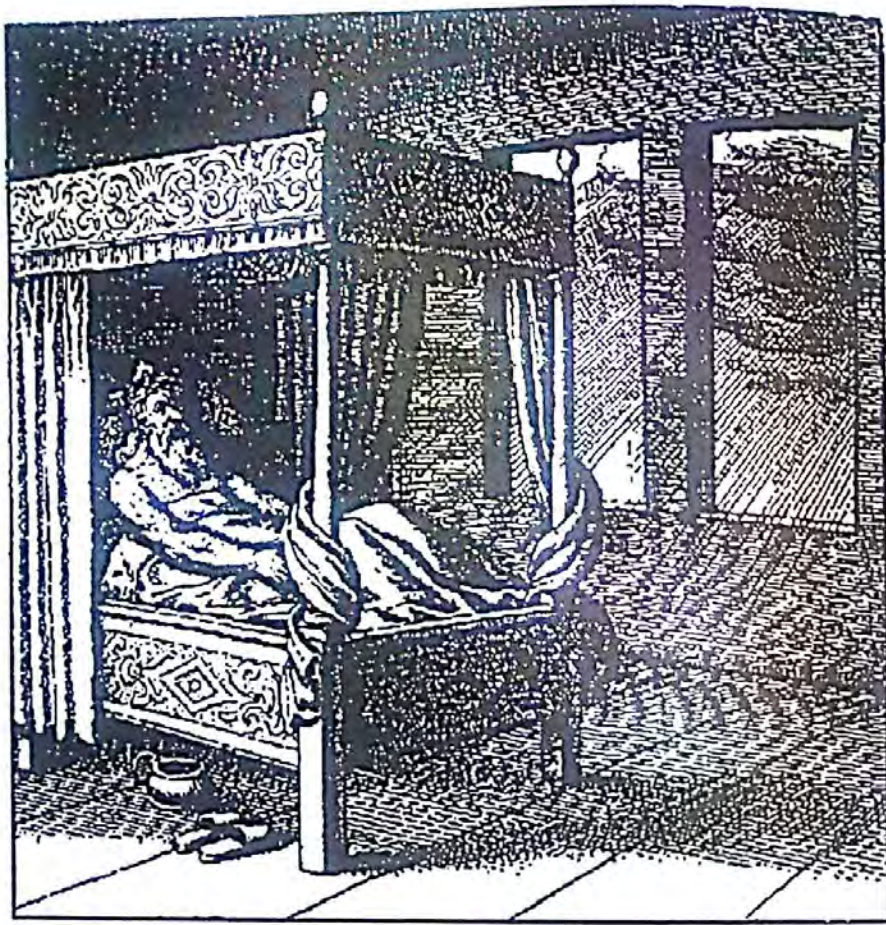


Рисунок 17. Усилия Психэ по интеграции психоидного могут работать только до определенной степени. Король, поглотивший сына, становится очень больным. Обратите внимание, что на заднем фоне, небесный поток по-прежнему струится через окно. Психоидальные силы продолжают взаимодействовать с королем через поглощенного сына. Но единение между Самостью и союзником никогда не станет полным поглощением; предпочтительнее, чтобы двое партнеров оставались разделенными, но они в глубочайшем союзе. По этой причине, король не может поглощать своего сына без ужасных последствий (Из Николя Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").

Первый образ, созданный в форме сына, олицетворяет центр психоида. Подобно потенциальной Самости в самом начале, на первой стадии, этот образ слаб и неразвит. Бла-

годаря сублимации он усиливается и трансформируется, становясь проявленной Самостью психоида — живым центром, способным гармонизировать силы за пределами психического мира. Что более важно, его дар царю представляет собой знание об этих силах, и прямое сознательное переживание Божественных истин. Король познает мир за пределами своей собственной обители, который олицетворяется живой персонификацией сына.

Filius умирает и перерождается посредством этого процесса. Символизм возрождения знаком нам из прошлого исследования алхимии. Filius, подобный первоначальной субстанции, движется к высшему уровню только умирая для своего первоначального состояния. Далее, тема перерождения обозначает сына как героическую и Божественную фигуру. Прохождение через смерть привносит filius в тесные взаимоотношения с образом Христа, который также сначала умер, а затем переродился в высшем мире. Но в этом случае filius умирает для перерождения в низшем мире, мире Психэ. Если человек пытается интегрировать силы психоидального мира напрямую в Психэ, без фигуры-посредника, то возникают опасности инфляции и сокрушения. Но если союзник, который ранее существовал в психоидальном мире, умирает для своей первоначальной формы с целью переродиться в Психэ, то единение между человеческим и психоидальными мирами происходит безопасным образом. Союзник не утрачивает своей независимости и сохраняет психоидальную суть, но пребывает внутри человеческой души.

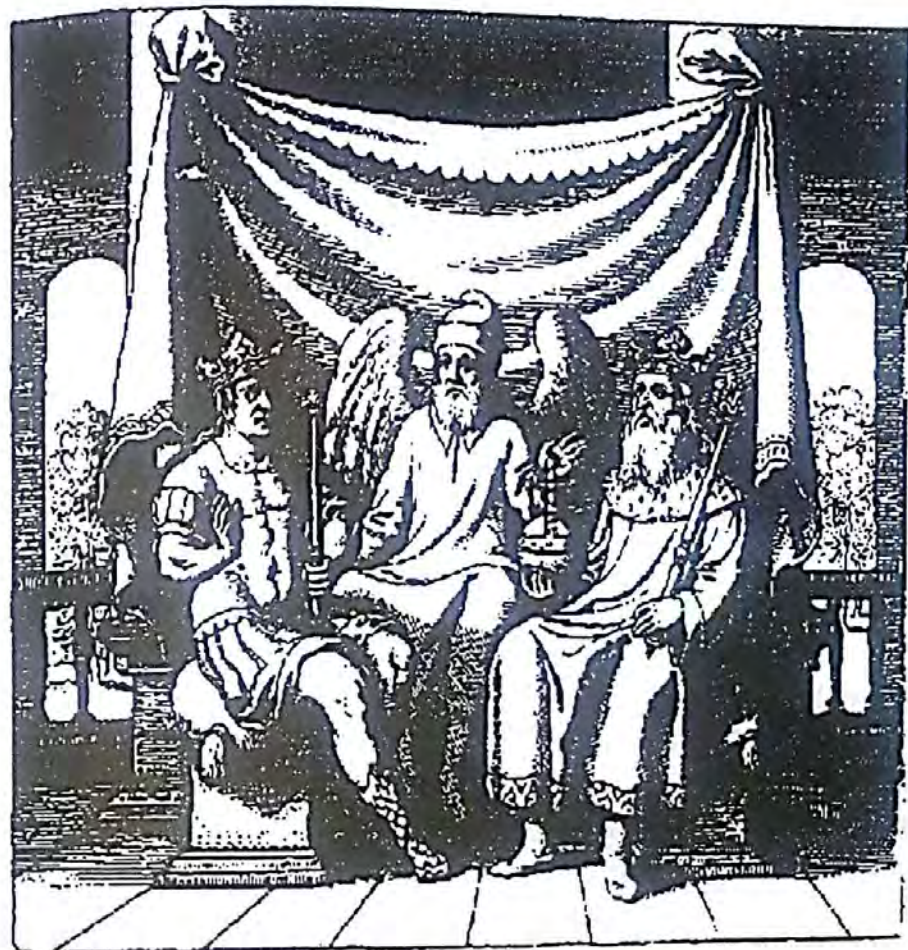
Эмблема Пятнадцатая

Мало того, что отец и сын преобразуются соответствующим образом, но теперь они также входят в единение друг с другом (см. далее рисунок 18). Последняя эмблема графически отображает этот союз. И король, и принц обоюдно разделяют трон, который раньше был занят отцом. Психоидная Самость стала правящей силой (в единении с проявленной Самостью) внутри индивидуальной Психэ, где эти пере-

живания имеют место. Обратите внимание, что единение двух образов остается нетронутым — человеческая Самость не поглощается Божественной, а Божественная Самость не ассимилируется человеческой Самостью. Каждая из них остается живой и разделенной, полностью автономной, но все же глубоко соединенной с другой. В третьей *coniunctio*, созданная целостность включает две разделенные части, без трансмутации их в третью сущность, заменяющую их.

Заметим, что наставник также присутствует — посередине между отцом и сыном. Он остается как центр, как сила, которая постоянно служит объединению двух партнеров. Наставник символизирует осознание, руководящее всеми процессами, приводящими к третьему единению. Он — символ глубокой мудрости, связанный с Софией, которая оперирует за пределами контроля отца или сына. На самом же деле, и отец, и сын, следуют наставлениям мудрости. В единении с союзником, Самость не выбирает как действовать или какому следовать направлению в своей жизни, но этот выбор осуществляет и не союзник. Скорее, они вдвоем следуют руководству крылатого наставника, чьи знание и направление появляются спонтанно и непредсказуемо. Такое наставление соответствует тому, что Юнг определял как абсолютное знание, подробности которого остаются глубокой тайной.

Она в мире воображения, и переживания, созданные там трансцендентной функцией, партнеры продолжают разделять и соединять. Король познает мир за пределами Психэ, а сын обучается воплощению в человеческой душе. Бог и человек едины, ни один из партнеров не теряет какую-либо часть отделенной идентичности в другой. После третьего *coniunctio*, человек и Божественное — возлюбленные, переживают опыт жизни и друг друга, погружаясь во все более новые и глубокие переживания. В результате триада соединяет человеческую Самость с *ipus mundus*, олицетворенной в форме принца, и наставник приводит их к еще более глубокому опыту самопознания.



*Рисунок 18. Эта эмблема изображает достижение третьей *coniunctio*. И Самость, и союзник трансформированы. Король потерял свою высоко занимаемую позицию и природа его трона изменена. Став менее возвышенным, он все еще король, но теперь разделяет свою позицию с сыном и наставником. Проявленная Самость более не одна в своем психическом центре, ибо союзник также тут. Союзник передал большую часть своей силы и сущности манифестированной Самости, но не полностью слился с Психэ, оставаясь психоидальным по своей природе и сохраняя автономию. Наставник, как мудрость воображения, сидит между союзником и Самостью, объединяя их. Эти три фигуры остаются различными и все же в целом отображают третий уровень *coniunctio*, когда Самость и союзник находятся в гармонии и глубочайшем единении, и руководствуясь спонтанными проявлениями воображения (Из Николы Банауда Дельфинаса, "Книга Ламбспринга").*

Достаточно трудно описать переживания, сопровождающие первые два уровня единения; в случае третьего уровня, эта задача становится невыполнимой. На самом деле, мало кто когда-либо имеет такие переживания, но все же они случаются. Часть карты тех, кто работает с людскими душами, должна включать каждый возможный опыт, хотя только те, кто по-настоящему имел его, способны наставить других в их поиске.

Я не буду далее пытаться отобразить картину состояния, называемого третьей coniunctio. Скажу только, что имагинальные переживания, которые когда-то соединят человека с внутренним миром Психэ, теперь могут связать его с другими мирами и реальностями. Такие опыты являются безопасными и преобразующими, потому что Самость соединяет два центра — Психэ и психоида. Теперь эти два мира гармонизированы. Воображение, имеющее свои корни в мире, где тело и дух соединяются, расширяется и уполномочиваются, включая переживания, которые в обычном случае не встречаются. Все эти глубокие переживания имеют оттенок любви между родителем и ребенком, глубокое и прочное единение, которое окутывает Эго заботливыми руками. Хотя возникает все новый и новый опыт, они менее значимы, чем тот факт, что единение отца и сына возрастает; с каждым новым опытом этот объединенный центр трансмутируется способами, которые невыразимы. Пытаясь отобразить нечто из третьего единства, Юнг писал:

“Совсем не противоестественно, что мы бессильны, когда рассматриваем психический опыт такого рода (а это, несомненно, был он). Он может быть сформулирован в виде рациональной концепции. Несомненно, он подразумевает сущность совершенного и универсального, и, как таковой, характеризует переживание аналогичных пропорций. Мы могли бы сравнить это с невыразимой тайной unio mystica, или Дао, или состоянием Самадхи, или опытом Сатори в Дзен, которые приводят нас

к области невыразимого и чрезвычайно субъективного, где все критерии разума отбрасываются” [46].

Вероятно, более невозможно расширить это описание. В сравнениях Юнга предельно ясно, что достижение третьей coniunctio сопоставимо с высшим состоянием любой духовной традиции. Алхимикам достаточно повезло сотворить и пережить третье единение, а также достичь своего собственного просвещения, достигая чудесного воплощения Божественности в своей душе. Алхимики осознавали, что если третья coniunctio достигалась, то постигалось невыразимое качество бытия. Они пытались своим собственным способом выразить это состояние. Один из них писал, что Ilius дает “человеку прочное здоровье, Золотой, серебряный и драгоценный камни, силу и красоту безопасной юности, он уничтожает гнев, печаль, нищету и все недостатки. Трижды счастлив тот, кто получил такую благодать от нашего Господа” [47]. При достижении третьего и окончательного союза, просто не остается ничего, что недостает индивидууму, и нет радости, ему недоступной. Независимо от того, что принесет жизнь такому человеку, он или она останутся в безопасности и в узах священного брака.

Примечания к третьей главе

1. See George Boas, trans., *The Hieroglyphics of Horapollo* (Princeton: Princeton University Press, 1993).
2. George Boas, trans., *The Hieroglyphics of Horapollo*, p. 8.
3. Henry Cornelius Agrippa, *Three Books of Occult Wisdom*, Donald Tyson, ed. (St. Paul: Llewellyn Publications, 1995), p. 112.
4. Martinus Rulandus, *A Lexicon of Alchemy or Alchemical Dictionary* (Kilo, MT: Kessinger, n.d.), p. 181. Originally published in 1893; reprinted by Samuel Weiser, York Beach, ME, 1984.
5. C.G. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, *Collected Works*, vol. 14, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), p. 760.
6. Michael Sendivogius, “Treatise on Salt” in Zbigniew Szydlo, *Water Which Does not Wet Hands: The Alchemy of Michael Sendivogius* (Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1994), p. 254.

7. C.G. Jung, *Aion*, Collected Works, vol. 9II, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), p. 218.
8. CW. 9II, p. 219.
9. CW. 9II, p. 219.
10. CW. 9II, p. 222.
11. See "The Historical Significance of the Fish," in C.G. Jung, CW. 9II.
12. C.G. Jung, *Psychology and Alchemy*, Collected Works, vol. 12, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1977), 1 305. Further references will be cited as CW 12.
13. Thomas Vaughan, "Coelum Terrae" in A. E. Waite, *The Magical Writings of Thomas Vaughan* (Kilo, MT: Kessinger, n.d.), pp. 136-137.
14. The Spirit Mercurius in C. G. Jung, *Alchemical Studies*, The Collected Works, vol. 13, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970). Future references will be to CW. 13.
15. CW. 13, p. 282.
16. A.E. Waite, trans., *The Turba Philosophorum* (New York: Samuel Weiser, 1976), p. 41.
17. A.E. Waite, trans., *The Turba Philosophorum*, p. 96.
18. Edward Edinger, *Anatomy of the Psyche* (La Salle: Open Court, 1994), p. 191.
19. C.G. Jung, *Psychology and Religion: West and East*, Collected Works, vol. 11, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1969), p. 359.
20. C.G. Jung, *The Structure and Dynamics of the Psyche*, Collected Works, vol. 8, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1969), p. 42.
21. Обсуждение темы см. в C.G. Jung, CW 14, p. 188 f.
22. Nicholas Flammel, *Alchemical Hieroglyphics* (Berkeley Heights, CA: Heptangle Books, n.d.), p. 45.
23. C.G. Jung, CW. 14, p. 174.
24. C.G. Jung, CW. 14, p. 176.
25. Полноеобсуждениетемысм.вJack Lindsay, *The Origins of Alchemy in Gmco-Reman Egypt* (New York: Barnes and Noble, 1970).
26. C.G. Jung, CW. 13, p. 138.
27. C.G. Jung, CW. 13, p. 37-38.
28. C.G. Jung, CW. 13, p. 222.
29. Quoted in C.G. Jung, CW. 14, 1 355. (From *Amphithialrum sapientiae*, Hanau, Germany, 1609).
30. C.G. Jung, CW. 13, p. 177.
31. *The Lives of the Akhemystical Philosophers* (London: John M. Watkins, 1955), p. 216.
32. See Edward Edinger, *Anatomy of the Psyche*.
33. C.G. Jung, CW. 13, p. 257 f. (From "Introitus apertus," in *The Hermetic Museum*, p. 654).
34. C.G. Jung, CW. 13, p. 257. (From Barcius, "Gloria Mundi," in *The Hermetic Museum*, p. 246).
35. *Figulus, A Golden and Blessed Casket of Nature's Marvels* (Kila, MT: Kessinger, n.d.), p. 333.
36. Jeffrey Raff, "The Ally" in Donald Sandner and Steven Wong, eds. *The Sacred Heritage* (New York: Routledge, 1997), pp. 111-121.
37. C.G. Jung, CW. 9II, p. 320.
38. C.G. Jung, CW. 14, p. 759-760 f. From Dorn's *Theatrum Chemicum*.
39. C.G. Jung, CW. 13, p. 163.
40. C.G. Jung, CW. 8.
41. C.G. Jung, CW. 13, p. 187 (From Dorn, *Theatrum Chemicum I*, "Physica genesis.").
42. CW. 13, p. 187.
43. *Figulus, A Golden and Blessed Casket of Nature's Marvels*, p. 252.
44. Julius Evola, *The Hermetic Tradition*, E.E. Rehmus, trans. (Rochester, VT: Inner Traditions, 1995), p. 76.
45. *The Emerald Tablet*. Alchemy Website (Database Online), p. 1.
46. C.G. Jung, CW. 14, p. 771.
47. Michael Sendivogius, "Treatise on Salt" in Zbigniew Szydlo, *Water Which Does not Wet Hands: The Alchemy of Michael Sendivogius* (Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1994), p. 248.

Глава 4. Процессы внутренней алхимии

В последней главе мы обсуждали путь, приводящий к формированию Самости. Мало того, что алхимики “воображали” путь и свои цели, они сформулировали серию процессов, через которые могли этих целей достичь. Во многих алхимических текстах рассматриваются операции трансмутации *prima materia* в философский камень. С перспективы внутренней алхимии, эти операции поясняют имагинальные опыты, приводящие к формированию Самости. Каждая из них представляет внутренний трансформационный опыт, который влияет и на Эго, и на бессознательное. Их исследование, в психологическом смысле, дает нам понимание процесса индивидуации и требуемой для него работы активного воображения.

Алхимическое восприятие этих процессов отличаются от того, чего можно было бы ожидать. Алхимики не считали, что берут под контроль эти операции, или несут ответственность за то, чтобы заставить их работать. Они брали ответственность лишь за поддержание надлежащего огня, который стимулировал естественную и органическую трансформацию веществ. Процессы, которые они стремились породить, были автономными, и проходили в материале, который был выбран в качестве *prima materia*. Остановив свой выбор на подходящей *prima materia*, алхимик помещал её в сосуд и герметичным образом запечатывал. Следующим важным требованием было применение нужной дозы внешнего тепла, что достигалось посредством огня. Использование огня было щекотливым вопросом, поскольку внешнее тепло должно было иметь корректную температуру для инициирования внутренних процессов. Слишком большое количество тепла могло испортить работу, тогда

как слишком маленькое — не способствовало необходимым изменениям. Начавшись однажды, алхимические процессы следовали один за другим в правильной последовательности, без какого-либо вмешательства со стороны алхимика. Большая часть времени алхимиков тратилась на терпеливое ожидание знамений, указывающих на то, что процесс разворачивается как надо.

Терпеливое ожидание также часто необходимо для имагинальных процессов. Конечно, индивидуальное желание трансформации и опыт Самости также важны. Это желание, вкуче с вниманием и усилием, обеспечивают внешнее тепло, необходимое для изменений. Однако, помимо этих факторов, не существует индивидуального контроля или “делания” разворачивания процесса. Практик не может заставить Самость проявиться. Работа в имагинальной реальности требует готовности следования, избегая соблазнов управления процессами. Надо просто доверять, что Самость знает то, что должно проявиться. Внутренние алхимические процессы возникают из Самости и не могут направляться Эго.

Химическая Свадьба

Алхимики выражали свои имагинальные прозрения в описательных текстах и различных символических материалах. Помимо эмблем (подобным тем, что рассматривались в последней главе), они использовали целый ряд других образных стилей, таких как сновидения, видения и притчи. Одна из ярких алхимических притчей — это “Химическая свадьба Христиана Розенкрейца”²⁴. Поскольку эта аллегория занимает целую книгу, я не могу обсуждать её здесь. Однако, ближе к концу книги, описана последовательность операций, проводимых над королем и королевой, включающих смерть, перерождение и трансмутацию, и мы исследуем её здесь.

²⁴ Рус. пер.: Андрес Иоганн Валентин “Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459 (издание второе). — М.: Энигма, 2011. — 288 с.

“Химическая Свадьба” была написана в 1605 году (видимо, 19-летним священником по имени И.В. Андреа), но не публиковалась до 1616 года. Трудно представить, что эта работа создана юношей, ибо она роскошна и имеет впечатляющие символические презентации внутренней алхимии. Хотя и спорен вопрос настоящего авторства этой книги, если все же это сделал Андреа, то его понимание алхимии проявилось преждевременно.

Фрэнсис Йейтс²⁵, чья книга “Розенкрейцерское просвещение”²⁶, до некоторой степени устаревшая, но остающаяся классикой в данной области, утверждает, что Андреа определенно был автором “Химической Свадьбы” [1]. Она сообщает некоторые подробности его жизни и говорит, что его постоянным интересом была реформация религии. Движение Розенкрейцеров, в основном, было связано с этой целью, но также и связывалось с алхимией. На самом деле, через работы таких людей как Андреа, создалась новая форма алхимии, которую Йейтс именует “Алхимией Розенкрейцеров” [2]. В ней объединяются каббалистические темы и магия. Розенкрейцерство глубоко способствовало эволюции алхимии, и одним из трех столпов ранних Розенкрейцеров была “Химическая Свадьба”. Для понимания этого текста сначала следует немного поговорить о Розенкрейцерах.

Это движение началось с публикации так называемой “Fama” (1614)²⁷ в Германии. Это был период религиозной ненависти и нетерпимости, с правительствами католических стран, преследующих протестантов и наоборот. Этот манифест объявляет о существовании тайного ордена мудрецов, трудящихся на благо всего человечества, независимо от религиозных убеждений людей. Эти мудрецы рассматривались

²⁵Фрэнсис Амелия Йейтс (англ. Frances Amelia Yates, 1899–1981) — английский историк культуры Ренессанса.

²⁶Рус. пер.: Франсес Йейтс. Розенкрейцерское просвещение. — М.: Алетей, Энигма, 1999.

²⁷FamaFraternitatisRC — Слава Братства RC, один из двух ранних розенкрейцерских манифестов.

как мастера магии и алхимии, полностью посвящающие себя всеобщему благу. Манифест призывает заявить о себе тех, кто желает стать частью тайного сообщества, хотя поясняет, что только лучшие и наиболее талантливые будут приняты. Многие блестящие ученые по всей Европе делали такое заявление.

Хотя были, конечно, тайные общества и перед публикацией “Fama”, они быстро распространились в последствие. Хотя многие правительства смотрели на Розенкрейцеров с сильной подозрительностью, Рудольф II и его двор в Праге приняли их с распростертыми объятиями. На самом деле, личный доктор Рудольфа, Михаэль Майер (*Michael Maier*), многое добавил к теоретическому и алхимическому развитию Розенкрейцерства. Сегодня часто забывают, что Прага была центром алхимических писаний и исследований под благотворным оком Рудольфа, и таких мастеров как Джон Ди²⁸, жившего при его дворе во время поездок. Несмотря на годы коммунистических репрессий, в Праге все еще присутствуют литературные и художественные сокровища, связанные с алхимией [3]. Хотя я не буду обсуждать политические ссылки в “Химической Свадьбе”, все же замечу, что рассматривая её только с алхимической перспективы, читателю следует помнить о том, что работа вышла в период интенсивной агитации политических и религиозных реформ, поэтому некоторые переводчики могут подходить к глубоким образам с этой точки зрения. Хотя надежды ранних Розенкрейцеров были уничтожены в ужасах Тридцатилетней войны, их влияние прослеживается в формировании алхимии и тайных сообществ на протяжении веков — и в Восточной, и в Западной Европе.

Во многих отношениях, “Химическая Свадьба” является одной из богатейших алхимических аллегорий. Легко можно было бы написать книгу об её символах и их толковании.

²⁸Джон Ди, иногда Дии (англ. John Dee, 1527–1609) — английский математик, географ, астроном, алхимик, герметист и астролог валлийского происхождения, один из образованнейших людей своего времени.

Я не надеюсь здесь воздать должное этой работе, но ограничусь обсуждением образов, связанных с алхимическими процессами. В надежде не утратить связанности, я буду рассказывать историю Христиана, но не обсуждать все символы этой истории. Я упомяну много интересных символов, которые не смогу обсудить здесь без неоправданного усложнения этой главы.

Книга Андреа рассказывает историю Христиана Розенкрейца, который был уже пожилым человеком на время совершения действия сюжета. Он получает таинственное приглашение на королевскую свадьбу, и, после долгих опасений, отправляется на поиск верного пути к замку короля. Он прибывает на место, после многих приключений, испытывает изнурительное посвящение, и избирается принять участие в свадьбе.

Аллегория свадьбы короля и королевы указывает на известные в алхимии фигуры. В обсуждении "*Книги Ламбспринга*", я упоминал, что король является символом Самости, но этот образ столь сложен, что Юнг посвящает целую главу "Rex и Regina"²⁹ в "*Mysterium Coniunctionis*" символизму короля и его супруги.

Образ короля связан с золотом, что символизирует искупление и очищенный дух жизни. В алхимии, существует два типа золота — живое и мертвое. Живое золото является аналогом философского камня, оно было "простой персонификацией Божественной сущности или вышестоящей персоны, подобной королю, который в древние времена рассматривался как воплощение Бога" [4]. Другими словами, король был персонификацией камня или Самости.

В начале работы, старый или больной король рассматривается как потенциальная Самость, требующая искупления и трансформации. Однако, как маскулиная часть Самости, король также связывается с принципом сознательного и, следовательно, имеет отношение к Эго. Юнг говорил, что король, время от времени, представляет Эго-сознание. Воз-

²⁹Король и Королева (лат).

можно, нам удастся лучше понять короля как персонификацию сознательного и Самости, в Её более маскулиной манифестации. Король, затем, может представлять либо Самость как единение всех противоположностей, включая фемининное, или же один аспект Самости, связывающийся с сознательным. Поскольку более воплощена маскулиная часть Самости, король дополняется королевой, которая затем отражает противоположную или женскую часть Самости (или мира бессознательного).

Образ свадьбы символизирует единение Эго и бессознательного; другими словами, речь о сотворении проявленной Самости. Однако если говорить еще точнее, алхимик воплощает Эго, тогда как король представляет сознательное само по себе. Поскольку первичной характеристикой сознательного является самосознание и чувство идентичности, король персонифицирует чувство идентичности и осознанности в Самости.

Потенциальная Самость погребена под хаосом бессознательного. Она несознательна, или, быть может, это качество присутствует в ограниченной мере. Часть работы искупления — это содействие в самопознании Самости. До искупления знание Самости о себе самой приходит посредством Эго. Однако, когда король обручается с королевой, способность Эго к самосознанию и идентичности соединяется с бессознательным. В результате проявляется Самость, имеющая собственную осознанность. Дабы не путать короля и Эго в нашей истории, будем думать о Христиане как об Эго и короле в качестве маскулиной, сознательной стороны Самости.

Королева олицетворяет бессознательное, представляя собой внутренний мир с его чудесами и разнообразием. Хотя обычно она весьма молчаливый партнер в алхимических писаниях, она, тем не менее, необходима в сотворении *lapis*, т.е. камня. Цель работы — соединить противоположности через единение мужского и женского, и, в частности, единения сознательного и бессознательного. Благодаря этому союзу и появляется проявленная Самость.

После нашего обсуждения различных стадий *coniunctio* в предыдущей главе, для нас не будет сюрпризом, что свадьба короля и королевы являет собой только начало процесса. Юные король и королева, которые должны были вступить в бракосочетание, оказались разочарованием для Христиана, нашедшего их довольно обычными и скверными. Эта нелицеприятность указывает на необходимость трансформации и искупления молодой пары. В других алхимических работах, король часто болеет или умирает, а его потребность в исцелении совершенно очевидна. В “Химической Свадьбе” же король оказывается не больным, скорее скучным и серым. В конце книги, когда трансформация совершена, король и королева становятся невероятно красивыми, что указывает на глубину произошедших изменений. На самой свадьбе, после представления игры, изображающей в миниатюре весь разворачивающийся процесс, молодые король и королева, вместе с двумя другими королевскими парами, предают себя палачу, который отрезает их головы. Как Христиан небрежно замечает, это было очень кровавой свадьбой [5]. Свадьба происходит на четвертый день притчи, начиная с которого мы и рассмотрим это сказание.

Обезглавливание является первым шагом в алхимическом процессе искупления, представляя собой *mortificatio* и *putrefaction*, обычно следующие за *coniunctio*. Каждое единение связано со смертью до тех пор, пока не будет достигнуто последнее и конечное состояние. Алхимия использовала мотивы головы и обезглавливания различными путями. Зосима, один из первых алхимиков, связывал голову с омега-элементом, под которым подразумевал секретную субстанцию или тайную природу камня. Юнг же в символизме головы усматривал аллюзию к голове Осириса в Египетской мифологии, а также к циклу смерти и воскресения [6]. Обезглавливание, отделение головы от тела, означает тайную разделяющую субстанцию, которая приводит к перерождению и трансформации в их фундаментальных противоположностях. Более того, поскольку

голова имеет отношение к сознательному, обезглавливание удерживает отделенность сознания от тела, являясь первым шагом на пути к конъюнкции, которую Дорн определял как *unio mentalis*, или ментальное единение. Обезглавливание или *purifactio* иницирует работу, а также представляет отделение живого сознательного принципа от *prima materia*.

Purifactio является “изменением и смертью всех вещей, а также разрушением первой сущности всех природных объектов, благодаря чему для нас становится возможным исцеление и новое рождение — в десять тысяч раз более совершенное, чем прежнее” [7]. Гниение происходит на любом этапе, что означает смерть первоначальной субстанции и начало трансформационного процесса. Рисунок 19 (см.далее) является хорошим примером символического изображения разложения. Скелет, Смерть, курирует процесс и оказывает доминирующее влияние на данной стадии. С другой стороны от гроба находится иная фигура — вероятно, Вулкан, что указывает на то, что для процесса важную роль играет также и огонь, хотя он не является контролирующим в данном случае. Король и королева в гробу представляют пару противоположностей, как в нашей притче. Эмблема, которая предшествует этой в оригинальных сериях, показывает того же самого короля и королеву вместе в кровати, что есть завершение *coniunctio*. Истинное единение, однако, происходит в смерти, когда два партнера теряют своё прежнее состояние и воссоединяются в новом.

Как я уже указывал в прошлой главе, и Эго, и бессознательное должны отказаться от своих прошлых состояний бытия для осуществления первой *coniunctio*. Оба переживают эту жертву старых способов существования как смерть. Пожертвование короля может пониматься как жертвование Эго своей идентификацией с сознательным. Для достижения первого уровня единения с бессознательным, Эго должно отказаться о своего чувства господства над Психэ. Оно больше не может делать то, что хочет, без внимания к другим голосам в бессознательном. Эго больше

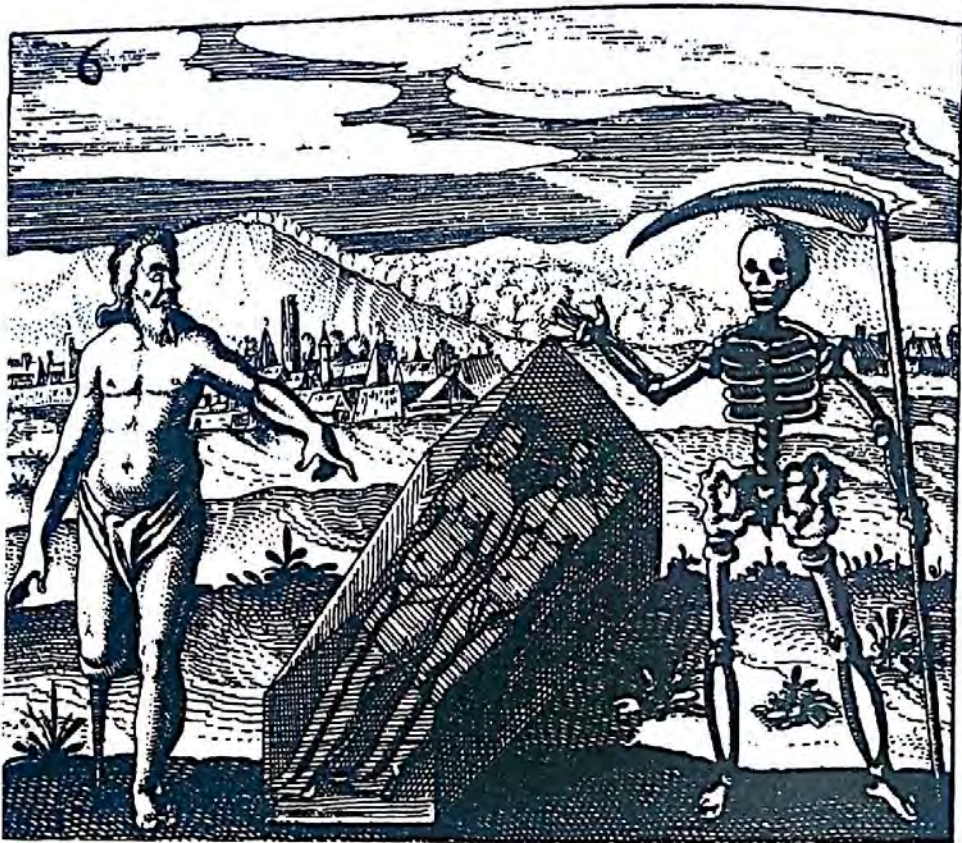


Рисунок 19. Король и королева лежат в гробу, символизирующем алхимический сосуд и *mortificatio*. Их союз сопровождается смертью, управляющей этой стадией работы. Фигура слева, вероятно, представляет преобразующую силу огня, которая является частью процесса, разделяя общую задачу со смертью. Только когда противоположности умирают для своих прошлых форм может быть сотворено истинное единение (Из Дж.Д. Малиус, *Philosophia reformata*, Франкфурт, 1622).

не может отклонять воображение или все еще небольшой голос внутри.

В случае большинства людей, существует лишь небольшой шанс того, что они просто изменят свое отношение и уделят внимание бессознательному. Даже имея самые лучшие намерения, большинство индивидов не смогут отказаться от ложной убежденности в господстве и контроле Эго. Потеря контроля — это из наиболее страшных вещей для

людей, с которыми им приходится сталкиваться. Эго может только прийти к пониманию того, что контроль теряется (через переживание этого), что и делается в *putrefactio*. Когда Эго чувствует себя лишенным энергии, воли и способности идти вперед в своей собственной жизни, оно знает, что теряет контроль. Это непосредственный опыт того, что единственный путь к значимой жизни — это отказ от иллюзии контроля Эго и разворот вовнутрь. Сдавая полномочия своей горделивой роли, подобной правящему небесами солнцу, Эго спускается в нижний мир, где находит ранимость и открытость, необходимую для подлинного контакта с бессознательным. Смерть является величайшим учителем, и благодаря опыту смерти, Эго встречается лицом-к-лицу с Самостью.

Существует и другой способ понимания смерти короля. В активном воображении, Эго должно не только встретить внутреннюю фигуру, но должно в некотором роде испытать опыт сознания этой фигуры. Одним из наиболее поразительных аспектов активного воображения является восприятие внутренней фигуры как личности, как сущности со своим собственным сознанием. Это сознание и соответствующее самосознание ограничены в бессознательном. Когда Эго уделяет внимание внутренней фигуре, самосознание фигуры возрастает. Это похоже на то, как если бы Эго передавало силу сознательного внутренней фигуре в ходе из диалога или обмена.

В этом смысле, король умирает для своей предыдущей идентификации с Эго и его миром, объединяясь с силами внутри бессознательного. Вспомним эмблемы из последней главы, изображающие построенные здания в прежде неисследованном лесу. Этим символизируется именно движение сознательного в бессознательное. С другой стороны, королева также умирает. Когда бессознательное — персонифицированное королевой — становится сознательным и обретает самосознание, оно умирает для своего предыдущего состояния и кладет конец хаосу, характеризовавшему его ранее. Умирая для своего предыдущего бытия, королева входит

в единение с королем. Король привносит в это единение сознание и самосознание. Королева, которая также обезглавливается, жертвует своей сущностной характеристикой. По моему мнению, центральной характеристикой бессознательного является способность создавать образы, это его имажинальная сила. Королева — женственная сторона Самости, представляющая мир воображения. Именно этот атрибут она и привносит в бракосочетание. Бессознательное получает сознание, а сознательное получает имажинальную силу.

В ритуальном обезглавливании, алхимик стремился к сущностной и тайной субстанции, *prima materia*, представляющейся фигурой, потерявшей голову. В случае короля, это есть принцип сознательного. Для королевы, это воодушевление, та духовная сила, которая производит образы — воображение само по себе. В единении самосознания и имажинальной силы, алхимик стремился реализовать сущностью часть мистерии Самости. Если работа происходила успешно, Самость не только раскрывала то, кем и чем Она является; Она познавала, как направлять силу воображения в процессах своей собственной манифестации.

Король и королева умирают, возвещая *putrefactio*. Когда они лишаются головы, их кровь сохраняется для последующего использования. Однако, в этот момент, очень мрачный Христиан удаляется на ночь, опечаленный той смертью, что ему пришлось наблюдать. Пока он и другие приглашенные алхимики не уходят, Дева, которая приглядывала за ними, наставляет: “Ваша жизнь теперь в ваших руках, и если последуете за мной, то увидите, как эта смерть даст жизнь многим” [8]. Дева — это другой общий алхимический символ, и в этом контексте наиболее соответствует Софии. Она представляет женскую мудрость Божественного, которая, по Якобу Бёме, была источником всех откровений и наставлений [9]. Перспектива трансформации является частью *putrefactio* с самого начала, до тех пор, пока практик изволит и готов следовать внутреннему гласу мудрости, наставляющему в работе.

Христиан идет спать этой ночью, смотрит в окно и видит семь кораблей, каждый из которых везет трупы обезглавленной королевской пары. Духи юного короля и королевы, чья свадьба праздновалась, а также других королей и королев, и душа палача, которого также убили, создали в совокупности семь духов. Эти духи парили в форме пламени над суднами с трупами.

Я упоминал, что корабль или лодка представляют способность Эго безопасно путешествовать по водам бессознательного. Существует и другое значение корабля. Корабли и смерть часто связаны. Почти каждая культура имеет свой образ корабля смерти. Пожалуй, наиболее ранний такой образ появился в Египте, где лодка являла собой сосуд, в котором души умерших путешествовали в поисках перерождения. По некоторым данным, первой лодкой был гроб [10]. Помещение тел умерших в лодку представляет собой символизм загробного намерения найти обновление и возрождение. В этом контексте, лодка означает переход в другой мир, путешествие в страну мертвых за поиском нового рождения. Область воды символизирует бессознательный или внутренний мир, и мир имажинальный.

Пламя имеет долгую историю, как образ души. Этот образ четко связан с огнем, символизирующим внутреннюю искру, воодушевляющий принцип, который привносит тело к жизни и дарует ему индивидуальное бытие. Пламя/дух над судном указывает на то, что случилось *separatio*. Как мы видим, обезглавливание символизирует сепарацию, подобно мечу из “Книги Ламбспринга”. Дух отделяется от тела, чтобы трансформироваться, подготавливаясь к возможному единению.

Отделение тела от духа происходит в первой *coniunctio*, что, по Дорну, позволяет духу выйти из под доминирования тела. Юнг понимает отделение тела от духа в значении того, что Эго входит в тесные взаимоотношения с бессознательным. Образность сепарации также указывает на то, что Эго должно оставаться до некоторой степени отделенным от

бессознательного. Если Эго идентифицируется с чувствами, образами и побуждениями, порождаемыми бессознательным, оно теряет свободу и не может работать с ними. Для практики активного воображения, Эго отделяется от бессознательных образов настолько, чтобы быть способным связываться с ними, не будучи сокрушенным. Если, например, я страдаю от депрессии и не могу понять, почему так плохо себя чувствую, я могу заняться активным воображением для определения значения состояния, в котором нахожусь. Делая это, я должен войти в непостоянные воды бессознательного и отыскать персонификацию депрессии. Если это увенчалось успехом, я не должен идентифицироваться с тем, что персонифицировано. Если я просто чувствую депрессию, гнев или печаль, я не могу достаточно отделить себя для олицетворения этой силы. Активное воображение требует определенной отрешенности, и эта отрешенность является выражением *unio mentalis*. В некотором смысле это “поддельное” состояние, в которое я временно вхожу, но это необходимо, чтобы привести к сознанию силы бессознательного. Входя в воображение, я нуждаюсь в достаточной отрешенности для отделения от чувств и сил, которые я встречу в этой реальности.

Отделение духа от тела имеет и другие возможные интерпретации. Представляя лучшие эзотерические традиции и их понимание алхимии, Юлиус Эвола писал, что *separatio* ссылается на провидческие опыты. Он ощущал, что сознание входит в трансное состояние и отделяется от тела, что знаменует опыт нематериального [11]. Таким образом, отделение духа фактически означает провидческое состояние, в котором Эго движется в нефизические реальности. Когда я ранее говорил о третьей конъюнкции, я упоминал, что когда *filius* поднимается на гору для принятия духовных сил, Эго сопровождает его в переживаниях психондной реальности. Отделение духа от тела есть нечто аналогичное, ибо душа может покинуть тело и посещать духовную реальность до достижения третьего уровня. Здесь

эта самая ситуация. Душа отсоединяется, когда процесс движется от первой *coniunctio* ко второй. Тем не менее, практик осознает этот разделяющий процесс, что указывает на движение от ординарного к имагинальному — реальности, где может продолжаться алхимическая работа.

День Пятый

Тема движения по воде повторяется далее в истории. На следующий день Христиан и другие алхимики садятся в лодки и плывут по воде в башню, где пребывали гробы накануне вечером. Однако, все алхимики, за исключением Христиана, считают, что они сопровождают гробы в их путешествии. Никто не осознает, что тела были доставлены в башню ночью. Эта тема повторяется снова и снова, когда алхимики обсуждают свою работу. Христиан видит реальное положение вещей, но другие не знают, что происходит. Значение этого мотива становится ясным далее в книге, когда становится очевидно, что большинство алхимиков считали физическую работу, которой занимались, за подлинную алхимию. Христиан, с другой стороны, видит глубокую истину — что работа имеет место на нефизическом уровне. Этот уровень символизирует провидческих алхимиков, чье восприятие открывало им свершение реальной работы. Те, кто не способен отделить физическую форму от нефизической, поддаются иллюзии. Несмотря на то, что алхимики сели на корабль на имагинальном море, только Христиан действительно отдает себе отчет в том, что происходит.

На пути к башне, путешественники встречают сирен, морских нимф и морских богинь. Эти внутренние, женские фигуры поют алхимикам красивую песню о любви и её силе воссоединения разделенных короля и королевы:

*То, что даровал Господь,
Что для нас почтение и любовь,
Придет к разлуке благодаря могучей силе;
Но также и мы, благодаря огню любви,
Возрадуясь, соединим их вновь [12].*

Нимфы провозглашают силу любви, производящую *coniunctio*. Хотя в алхимических комментариях часто упускают эту силу, она играет главную роль в формировании Самости. Любовь между Эго и Самостью (особенно как внутренней фигурой) является первичной мотивационной силой в процессе *coniunctio*. Без этой любви, те тяготы и трудности, что встречаются на пути, будут непреодолимы. Любовь между двумя партнерами превосходит любую частную процедуру, делая возможной *coniunctio*. Нимфы представляют женскую мудрость. Они знают, что для работы, прежде всего, необходима любовь. Методы и операции, связанные с ней, есть то, что приводит любовь в движение.

Поскольку алхимический символизм связывает нимф с женщиной-рыбой, Мелюзиной, они также связаны с воображением. И Парацельс, и Дорн делают к ней отсылки. Она может быть либо негативной фигурой, обольстительной и агрессивной, или же стать учителем глубочайшей мудрости. Дорн называет её “видением, появляющимся в уме” [13]. Хорошая или плохая, Мелюзина символизирует провидческую силу воображения. Нимфы в притче представляют собой те же внутренние фигуры воображения, обучающие тайнам делания. В этом случае, они открывают силу и необходимость отношений и любви. Процессы алхимии зависят от взаимодействия с внутренними фигурами, которые показывают путь и готовы связать часть Эго с Самостью, и чувствовать любовь, возникающую между ними. То, что нимфы напрямую связаны с воображением, подкрепляет представление о воде, как о имагинальной реальности.

Теперь Христиан и другие переправляются к башне, называемой Олимпийской. В данном случае символика несложна. В Греческой мифологии, Олимп был домом Богов. Таким образом, переправа по воде к башне акцентирует читателя на переправе между мирами — движении к высшим мирам Богов и духов. Именно в таких мирах алхимик вершит свою работу.

Подобно холму или горе, башня предполагает сублимацию. Посредством воображения, алхимик соединяется с высшей реальностью, и, восходя к ней, он насыщает своё делание необходимой силой и глубиной. Как процесс, сублимация требует умения работать с воображением. Визионерское состояние позволяет практику получить опыт духовных реальностей, которые стремится преобразовать алхимия. Сублимация производит встречу с духовными силами, которые позднее воплощаются в философском камне. Как один алхимик позиционирует это, камень “восходит от земли к небесам и снова спускается на землю, подчиняя и верхние, и нижние силы” [14]. Все эти силы становятся частью создаваемого союза, и камень, имеющий духовную силу, необходим для своего собственного сотворения и других операций. Психологически, сублимация случается в тех имагинальных опытах, где встречаются и приручаются архетипические силы. Впоследствии они соединяются с Самостью. Подобному тому, как камень подчиняет верхние и нижние силы, Самость приручает непокорные архетипы и делает из них одно единое целое.

По прибытию в башню, их руководитель требует от Христиана и других вовлечения в различные формы физической алхимии. По его словам, им следовало “омыть и перемолоть травы, драгоценности, а из остального извлечь сок и суть, а затем положить их в маленькие бутылки, передав на хранение. Наша Дева [наставник и учитель] была настолько трудолюбива и организована, что знала как удержать каждого полностью занятым” [15]. Христиан посещает имагинальный мир, где живут духи и где всегда скрывается опасность инфляции или потери ориентации. Его наставник мудро обеспечивает его вовлеченность в земную алхимическую работу, с перемалыванием, отжимом и т.п. Хотя все более и более очевидно, что реальная работа Христиана будет иметь мало общего со всеми этими операциями, они по-своему важны. Они служат почвой в ординарном мире, тогда как внутренняя работа идет дальше.

Многое в алхимии (а также многих магических практиках) руководствуется теорией соответствий. Согласно теории соответствий, то, что происходит на одном плане реальности, производит соответствующий эффект на другом плане реальности. Металл-железо, например, в физическом мире “соответствует” конкретной планете — Марсу, а также, в этом случае, всем её полномочиям в небесном мире. Более значительно то, что некоторые планеты соотносятся с ангелами и архангелами в небесных мирах. Согласно магических доктринам Средневековья, если я идентифицирую вещество, которое соотносится с планетой и духовной сущностью, то манипулирование этим веществом может вызвать соответствующее изменение в планетарных и духовных мирах.

Все миры параллельны и равны. Выполнение операции на физическом плане будет оказывать влияние на духовном уровне. Рисунок 20 (смотрите далее) представляет собой эмблему из алхимической работы “Mutus Liber”, книги, созданной исключительно как набор эмблем [16]. В изображении, представленном здесь, двое алхимиков, один мужчина, другой женщина, молятся за успех и наставление. Ранние эмблемы показывали их занятыми работой над своими собственными растворами и экстрактами. Здесь же, однако, они обращаются к Высшему Миру, где Меркурий стоит между солнцем и луной во время формирования камня. Обратите внимание, что Меркурий находится в фигуре овальной области в Высшем Мире, который идеально сочетается с сосудом в нижней печи. Процесс, происходящий в нижней печи, отражается в небесном процессе, и наоборот. Алхимики знали, что их трансформация в физическом мире, будет соответствовать трансформации в духовном мире.

Прозрение Христиана сообщает ему, что совершение физической работы без восприятия её духовного аспекта, не будет достаточным. Тем не менее, физический труд также является частью процесса. С точки зрения внутренней алхимии, физические операции символизируют усилие, которое Эго должно приложить, чтобы обрести понимание имаги-

нальных опытов и интегрировать их в свою жизнь. Например, иногда сновидение или видение нуждается в переносе в ординарный мир. Я слышал о случае, в котором клиент, очень влиятельный и богатый бизнесмен, увидел во сне плюшевого мишку. Его аналитик утверждал, что тот купил игрушку медведя, ухаживал за ним, одевал его и в действительности носил его повсюду с собой в повседневной жизни. Делая это, клиент пришел к познанию значения плюшевого медведя, который имел отношение к снижению его самомнения и становления более игривым. Таким образом, работа с символом на проявленном уровне может быть очень показательной. Иногда индивид нуждается в гарантии, что внешний мир пребывает в порядке, перед началом глубинной работы. В Цюрихе, в начале моего анализа, у меня был следующий сон:

Я был в ракетном корабле, готовом к запуску. Начался обратный отсчет, и я с нетерпением ожидал взлета. Когда счет достиг цифры “три” сработала вездесущая тревога! Я должен был сойти с корабля и иметь дело с проблемой на земле.

В моем анализе мне стало ясно, что мне следовало иметь дело с моим физическим миром и его окрестностям, прежде чем я мог идти дальше в своей внутренней работе. Я должен был привести в порядок мои финансы, поменять мое жизненное пространство и поработать с вопросом взаимоотношений — я сильно нуждался в делании “промыывания и перемалывания”. Хотя у меня появилось раздражение в связи с этой задержкой, которая казалась мне ненужной, позднее я осознал, что все эти детали были частью внутреннего процесса и влияли на него. Трата времени на дела с конкретными ситуациями углубляет внутреннюю работу.

Извлечение смыслов из внутренних опытов и применение их с пользой во внешней жизни также соответствует физической стороне делания. Практик не может оставаться в провидческом состоянии все время, и очень важно дать физическое выражение этих опытов. Перевод силы из внут-

ренного мира во внешний жизненный путь (нахождение новой работы или различных взаимоотношений) может занять годы. Это может потребовать дополнительного образования, или, быть может, развития способности выражать чувства. Большая часть работы происходит за пределами имажинальной реальности, кроме того, без этого имажинальные опыты будут в действительности бесплодны.

При вхождении во внутренний мир башни, первая алхимическая задача — это заземление своего опыта и интеграция тех смыслов, что он содержит в себе. Внутренняя алхимия требует баланса между имажинальными провидческими переживаниями и их применимостью во внешнем мире. Кроме того, согласно теории соответствий, внешнее приложение напрямую воздействует на внутренний опыт. Я могу столь вовлечься во внешнюю жизнь неделя за неделей (или даже месяц за месяцем), что не буду иметь возможности возвратиться к имажинальной реальности. Когда же снова обращусь к ней, то обнаружу, что внутренние фигуры сильно изменились как результат того, что я делал во внешнем мире. Внутренний и внешний миры намного более сильно связаны, чем это обычно осознается, и работа в одном из них питает работу в другом.

Рис 20. Хотя их "материя" готовится в алхимической печи, два алхимика, мужчина и женщина, молятся за успешность производимых операций. Обратите внимание, что женщина "захватывает" высшую реальность, где происходит реальное алхимическое делание. Меркурий, стоящий на солнце и луне, находится в центре яйцевидного объекта, являющегося той же самой фигурой, как и в центре печи ниже. Ангелы и птицы, представляющие духовные силы, поддерживают работу. Как алхимики любили говорить: "Что вверху, то и внизу". Для любой трансформации в физическом мире, должна существовать трансформация в духовном мире. Два мира соотносятся друг с другом и все, что происходит в одном, влияет на другой (Гравюра 8 в "Mutus Liber", Grand Rapids, MI: Phanes Press, 1991).



После выполнения физических задач, Христиан удаляется на ночь. И снова, когда все засыпают, он остается бодрствовать. В результате он видит еще более поразительное зрелище. Рассматривая небо, он впервые отмечает сочетание планет, которое уже не случалось в течение долгого времени. Алхимики интересовались астрологией, отмечая положение и взаимодействие планет. Начало работы, а также выполнение сопутствующих процессов, зависело от правильного выбора астрологического времени для влияния планет, помогающего в делании. То, что Христиан отмечает сочетание, указывает на то, что выбрано правильное время для единения короля и королевы, и что планетарное воздействие способствует его завершению.

Синхронность также является существенным фактором во внутренней алхимии. Я неоднократно замечал в аналитической работе, что клиент услышит что-то ясно только тогда, когда придет для этого правильное время. Я могу постоянно указывать на что-то, но безрезультатно. Потом клиент приходит на сессию и информирует меня о том, что он (или она) обнаружил величайшую истину, которая точь-в-точь соответствует тому, что я пытался помочь осознать ему все это время. Синхронность — это величайшая тайна, ибо она не может управляться Эго. В определенный момент, переживание, которое, казалось, было невозможным неделю назад, сейчас раскрывается без усилий. Алхимики предупреждали, что любая поспешность от дьявола; спешка нарушает последовательную эволюцию, которая требует времени. Как хорошо знали Китайские философы, пребывание в согласии со временем и отличает успех от неудачи.

Независимо от того, с каким нетерпением мы подходим к конкретному внутреннему опыту, независимо от того, насколько мы подготовились к этому, мы просто не можем сделать это. Когда приходит время, переживание имеет место, а если подходящее время не пришло, то этого не случится. Нетерпение и чрезмерные усилия просто портят процесс, и могут создать такое разочарование для нашего Эго, что

оно проникнется отвращением. Когда люди представляют себя мне с целью делания внутренней работы, я задаю три вопроса. Как сильно они жаждут имажинальный опыт? Как они защищаются? Насколько они имеют терпение? Без жажды, они не будут способны на необходимое для работы усилие. Без внутренней защищенности, конфронтация с бессознательным слишком опасное мероприятие. А без терпения они не позволят процессу развиваться в своем темпе. Независимо от процесса, который предпринимается, изменение должно произойти в правильное время, чтобы оказать хоть какой-то эффект.

Далее Христиан замечает, что пламя духов умерших достигло самого верха башни. Когда это случается, поднимается ветер и Христиану становится так страшно, что он бросает все и уходит спать. Идти спать перед лицом ужаса — не самая хорошая идея, но этот метод используется Христианом на протяжении всей книги. Языки пламени и сопутствующий ветер указывают на готовность духовных энергий (духов умерших) вовлечься в работу. Хотя взаимодействие с духами, особенно с психоидами, может напугать человека, такие встречи необходимы для достижения второй и третьей *coniunctio*. Если ужас становится слишком большим, то всегда можно последовать примеру Христиана — пойти и вздремнуть!

День Шестой

С утра работа начинается заново. Это шестой день аллегорий и самый насыщенный день, когда один процесс следует за другим в быстрой последовательности. Различные процессы и символы, представленные в этой главе, делают её довольно значимой, однако они все одинаково сложны для интерпретации. День начинается с обсуждения алхимиками значения всего увиденного до этого момента, хотя единодушие и ясность понимания не достигаются. В это время, приходит пожилой мужчина и дает им дальнейшие инструкции. Это и есть старый мудрый человек, который

может дать наставления для сложных процессов, ждущих впереди. Мудрый старец часто появляется в сновидении и действиях, когда Эго недоумевает или останавливается на пути.

Отсутствие взаимопонимания у алхимиков приводит к появлению старика, который приносит с собой мудрость, необходимую для дальнейших действий. Сначала он говорит им, что они должны выбрать среди веревки, лестницы или крыльев. Хотя они хотят свободного выбора, он говорит им, что объекты будут распределены посредством лотереи. Каждый выбирает билет с наименованием одного из объектов. Христиану достается лестница из двенадцати ступеней, которая очень сильно раздражает его необходимостью носить её с собой. Вскоре алхимики обнаруживают, что должны подняться через отверстие на следующий этаж в башне, для работы над следующим процессом. Те, кто с крыльями — могут легко взлететь, те, кто с лестницей — взбираются без труда, те же, кто с веревкой — будут затруднены в своем восхождении. Данный подъем символизирует дальнейшую сублимацию, потребность в переживании более глубокой духовной природы работы.

Психологически, люди с веревкой имеют много трудностей с внутренним опытом, и должны тяжело работать для глубокого погружения во внутренний мир. Эти люди могут никогда не иметь прямого опыта психоидальных фигур или провидческих состояний. Они могут тщательно взбираться к новым уровням восприятия с силой воли и малым обнадеживающим опытом. Тем не менее, они могут перейти на следующий уровень. Я отношусь к людям "с веревками" с большим уважением. Хотя они борются и иногда больно смотреть, как медленно идет их прогресс, они прилагают усилия до достижения желаемого опыта. Я работал с клиентами, у которых не было реального таланта к воображению и, казалось, они никогда не смогут получить опыт внутреннего контакта. Тем не менее, если они упорны, рано или поздно серьезный опыт будет иметь место (даже если

он исключительно краткий), и трансформация произойдет. В некоторых случаях, после нескольких лет разочарований, эти люди получают опыт, который открывает для них имажинальный мир. После этого переживания, этот мир, который так долго ускользал от них, становится доступным.

Те же, кто с крыльями — воистину провидцы. Они с легкостью взлетают до следующего уровня, как будто с этим нет никаких проблем вообще, и переходят к одной стадии к другой почти без усилий. Их прогресс быстрый и впечатляющий, но часто они терпят крах в важной работе по интеграции своих видений. Та как они получили опыт без борьбы за понимание (т.е. не изменили себя для прогресса), их опыт часто остается непонятым и неинтегрированным. Христиан, который служит в качестве модели идеального алхимика, не один из таких провидцев. Он также должен бороться, нося с собой лестницу. Лестница соединяет верхний и нижний миры, и тогда как верхний охватывает вершину, нижний остается укорененным снизу. Двенадцать ступеней, вероятно, намекают на двенадцать стадий делания, излагаемых алхимиками — такими как Джордж Рипли (*George Ripley*). Хотя перенос лестницы кажется проблемным, он позволяет Христиану совершать восхождение, оставаясь заземленным снизу. Человек с лестницей имеет способность к провидческому опыту, но этот опыт не выбивает его из колеи. Он также обладает способностью оставаться связанным с внешним миром, присоединяясь как к внутренней, так и внешней реальности.

Индивид может использовать любой из трех объектов, но каждый из них представляет различный путь делания. В этом нет выбора; сама судьба заявляет, у кого есть какие способности в работе. В конечном счете, все эти три подхода являются эффективными, но процесс будет разворачиваться в смыслах, соответствующих осуществлению. Учитель или целитель, наставляющий людей во внутренней алхимии, должен помнить, что каждая личность творит работу своим собственным путем, со своими собственными достоинствами

и недостатками. Правильное руководство требует, чтобы поддерживался подход, являющийся естественным для данного конкретного индивида.

Прибывая на более высокий уровень, алхимики обнаруживают огромную комнату с шестью палатами. Они отправляются в эти комнаты, чтобы помолиться за жизни короля и королевы (в главе о воображении, я упоминал молитву как один из путей, которым алхимики призывали внутренних наставников и духовную помощь). Посредством своих молитв алхимики в нашей истории готовили почву для последующих имагинальных операций. Им не пришлось долго ждать, ибо странный объект вскоре появился в центре комнаты.

В то время как другие алхимики считают, что этот объект существует в действительности, Христиан, благодаря своему глубокому пониманию, осознает, что аппарат содержит трупы королей и королев. Через сложный процесс трупы полностью растворяются в горячей воде, исходящей из фонтана. Этот процесс представляет собой *solutio*, благодаря которому физическое тело, из которого был изъят дух, сводится к жидкости. Фонтан является ртутным источником, и вода, попадающая на трупы, символизирует ртуть или её серу, имеющую силу растворять все физические тела.

Согласно "*Splendor Solis*", "первая вещь, свойственная Искусству Алхимии есть Растворение. Ибо закон Природы требует, чтобы тело превратилось в воду, в ртуть. . . Ртуть высвобождает серу, которая оказывается присоединенной и присутствующей в ней. . ." [17]. Сера имеет несколько значений, но её основная роль заключается в формировании флюида ртутной жидкости. Сера — горячая, мужская и формирующая, так, что когда она соединяется с ртутью, создается новая форма, которая в общем смысле представляет собой философский камень. *Solutio* имеет одну главную функцию, ибо, как писал Эдвард Келли³⁰, "Растворение есть

³⁰ Эдвард Келли, (англ. *Edward Kelley* или *Kelly*, 1555–1597) — английский медиум, мистик и алхимик, также известный под именем *Эдварда*

действие любого тела, которое, по определенным законам природной общности, ассимилирует нечто более низкого класса в своей собственной сущности" [18].

Единение любого твердого тела с ртутью символизирует выполнение практики активного воображения на ту или иную тему, что ранее была зафиксирована в определенной форме. Твердое тело обозначает идею или подход, который прочен и сформирован определенным образом. Например, Эго может считать, что целью жизни является зарабатывание денег. Оно считает это фактом и соответствующим образом действует во внешнем мире. Оно мотивируется потребностью заработка денег и чем-то еще. Подход к деньгам является "твердой субстанцией". Как таковое, она не может быть преобразована; её можно изменить только путем добавления к ртути — имагинальной реальности. Если Эго становится готово признать, что его позиция может быть не совсем верна, и спрашивает внутреннюю фигуру по поводу смысла жизни, тело сводится к жидкой ртути. Таким образом, при "смягчении" существует возможность изменения позиции Эго с целью приспособления к точке зрения Самости. Согласно некоторым алхимикам, тело, растворенное в ртути перестает быть физическим и фактически становится духовным [19]. Это означает, что подход Эго стал персонифицирован в виде внутренней фигуры, принявшей ту форму, с которой он может быть связан. В этом примере, убежденность в том, что жизнь существует только для извлечения материальной выгоды, может персонифици-

Талбота (Edward Talbot) был неоднозначной фигурой в английском оккультизме времен Ренессанса. Он сам провозгласил себя медиумом и работал над магическими изысканиями вместе с Джоном Ди. Помимо способности вызывать духов или ангелов в кристальный шар, которую так ценил Джон Ди, Келли также заявлял, что обладает секретом превращения неблагородных металлов в золото. Вскоре после смерти имя Келли стали окружать легенды. Его яркая биография и относительная известность среди англоговорящих историков (в основном из-за его дружбы с Ди), возможно, сделали его источником фольклорного образа алхимика-шарлатана.

роваться фигурой жадного бизнесмена. Как только произошла персонификация, Эго может связаться с этим подходом и посредством взаимодействия, совершить изменение.

Добавление тела к ртути приводит к сере. В алхимии существует два типа серы — внутренний и внешний. Внешняя сера негативна и создает препятствия естественному развитию или сотворению камня. Внешняя сера символизирует влияния, не являющиеся частью Самости, которые превращают индивидуума в того, кем он не является. Например, внешняя сера может быть социальным влиянием или родительским давлением, которые вынуждают совершать неестественные для практика действия. В алхимических процессах, внешняя сера подлежит полной ликвидации.

Сера, получаемая благодаря соединению тела с ртутью, на самом деле является внутренней серой. Внутренняя сера символизирует силу манифестации Самости, и поэтому “форма”, которую создает внутренняя сера, представляет собой проявленную Самость. Когда Эго входит в имажинальный мир, оно активизирует внутреннюю серу, или силу Самости создать имажинальный опыт, который помогает ей прийти к бытию. Средством движения в имажинальном мире, задавая вопросы о смысле жизни, Эго позволяет ответить на них Самости. Средством силы серы, Самость проявляется в активном воображении как внутренняя фигура, которая наставляет Эго в понимании своего смысла жизни. Через взаимодействие с этой внутренней фигурой, Эго может обнаружить цель своей собственной жизни, наиболее согласующуюся с её внутренней природой. Проживание жизни, выражающей истинную Самость — богато и плодотворно.

В тоже самое время, согласно Келли, *solutio* оперирует ассимиляцией содержания низшего значения в высшее. В алхимии высшая значимость означает нечто близкое к золоту, так что если две металлические субстанции смешиваются в растворе, та, что наиболее близка к золоту, трансформирует другую в близкое к себе состояние. Таким образом,

изначально низший металл может преобразовываться до тех пор, пока не достигнет самого золота.

Это означает, что если два подхода или идеи соединяются в воображении посредством диалога, то одна, наиболее близкая к Самости, ассимилирует другую. Эта идея представляет очень интересный взгляд на активное воображение. Не имеет значения, является ли Эго, и внутренняя фигура одновременно близки ли к Самости, ибо та что находится ближе, все равно трансформирует другую. Если я осознаю, что у меня есть комплекс, который мешает моей способности жить свободно, первый шаг к трансформации комплекса — это персонификация его в воображении как внутренней фигуры того или иного рода. Если я смогу сделать это, а затем войду с ним во взаимодействие, в конце концов, он преобразуется в близкую Самости форму. Средством *solutio*, эта трансформация будет происходить спонтанным образом. Эго должно удерживаться на своем месте и не дать ввести себя в заблуждение внутренней фигуре; тогда фигура будет трансмутирована. Кроме того, если Эго имеет позицию, не соответствующую Самости, и готово вступить в диалог с фигурой, которая ближе к Самости, убежденность Эго будет преобразована.

Следовательно, активное воображение действует как единение двух противоположных позиций, преобразуя далекие от Самости позиции в более близкие к Ней. *Solutio* дает эффект, только если Эго занимается делом активного воображения. Его желание заниматься этим ослабляет жесткость ранней позиции и приводит в движение процесс, который будет сдвигать Эго, (или внутреннюю фигуру) ближе к Самости. Через этот процесс, Эго приглашает Самость к персонификации, и по мере взаимодействия Эго с этой фигурой, оно сдвинется ближе к Самости в результате естественной деятельности воображения.

Интересная эмблема, иллюстрирующая *solutio* показана на рисунке 21 (см. далее). Огненный человек низводит некоторое вещество до жидкости в яйцевидном сосуде, тогда

как лев-сера поедает солнце. Образы растворения связаны с гниением, и, на самом деле, часто рассматриваются как ведущие к нему. Солнце в данной образности символизирует фиксированную сознательную позицию, которая поедается внутренней серой, когда эта позиция растворяется в ртути. Женская фигура, присутствующая в роли наблюдателя, скорее всего, воплощает ртуть или работу природы. Когда тело растворяется, предыдущая позиция уничтожается огненной силой серы — так, что может сформироваться новый подход, более близкий к Самости.

В притче, тела королей и королев тщательно перемешиваются в растворе. Все шесть этих королевских фигур представляют пары противоположностей, которые сводятся к общему раствору и готовятся для дальнейших преобразований. Когда раствор далее вводится обратно в тела, встают только юные король и королева. Все другие становятся частью их. Всегда противоположности достигают единения через *solutio*. Все фиксированные взгляды и убеждения сводятся к жидкой возможности, ожидая следующего процесса, через который может проявиться Самость.

Продолжение шестого дня

Далее Дева приносит в комнату круглую, золотую сферу, в которую алхимики заливают раствор. После короткого перерыва, сфера перемещается в комнате еще на более высокий уровень, так что Христиану приходится еще раз воспользоваться своей лестницей. Когда он входит в комнату, то замечает, что в ней ничего нет, кроме сферы, окон и зеркал. Зеркало помещено между двух окон, и, когда восходит солнце, зеркала создают оптический эффект заполнения комнаты множеством солнц. Это также служит разогреву сферы, и когда она становится достаточно горячей, процесс останавливается.

Зачарованный видением множества солнц, Христиан говорит, что “в этом зеркальном отражении, я узрел наиболее причудливую вещь, которую когда-либо породила природа:



Рисунок 21. Человек огня сводит вещество к его жидкой форме в яйцевидном сосуде, тогда как лев-сера поедает солнце. Мать-Природа присутствует в качестве наблюдателя, регулируя естественные процессы, посредством которых творится алхимия. Солнце в этой образности символизирует фиксированную сознательную позицию, которая поедается внутренней серой в рамках подготовки к смешиванию внутри ртутных вод воображения (откуда и происходит сера) (Из J.D. Mylius, *Philosophia reformata*, Frankfurt, 1622).

ибо везде было солнце, но сфера в центре светила всего ярче, подобно самому солнцу — так, что мы не смогли на неё смотреть в этот момент” [20].

Сфера является важным символом в алхимии, и, подобно кругу, “представляла бесконечное совершенство единой духовной реальности и Господа” [21]. Алхимический сосуд был построен на геометрических принципах, иллюстрируя квадратуру круга, ибо, как писал, Дорн “наш сосуд...

должен быть сделан в соответствии с геометрической пропорцией и мерой, и своего рода квадратурой круга” [22]. Квадратура круга — проникновенный образ единения неба и земли, указывающий на привнесение в физический мир чистого духовного мира совершенства. Квадратура круга указывает на то, что Самость была сформирована из союза небес и земли, и что внутренний центр сейчас преисполнен эманациями высшей реальности. Этот тип образности указывает на вторую и третью *coniunctio*. Создание сосуда в образе цели помогало алхимикам в настоящем её достижении.

Золотая сфера представляет собой сосуд, символизирующий единение небес и земли. Сфера уже содержит раствор, в котором все тела были растворены, так что она содержит физический элемент. Последующий процесс отражения добавляет духовные энергии солнца для согрева физического раствора.

Зеркала — один из наиболее интригующих символов, которые я встречал в работе над сновидениями. Сны с зеркалами часто касаются самопознания или процессов фокусировки на Самости. Индивид, которому снится зеркало и его образ в нем — часто может готовиться к большому сюрпризу. Мне известно о сновидениях, в которых женщины смотрят в зеркало и обнаруживают у себя бороду, тогда как их мужчины — теряют все волосы и стареют. Также у меня был клиент, которому снилось, что он встретил пожилого человека, который сказал ему, что если тот посмотрит в зеркало, то обнаружит, кто он на самом деле. Он посмотрел и был ослеплен сияющим светом. Сновидения такого типа указывают то, что зеркала символизируют опыт самосознания, в котором Эго получает информацию о своей глубинной природе.

Зеркало в алхимии связывается с мудростью и ртутью. Согласно алхимику Сендивогию, существует “магическое зеркало, в котором можно узреть три части мудрости целостного мира и обрести познание с первого взгляда; и это зеркало ясно проявляет творение мира, влияния небесных

добродетелей на земные вещи и путь, которым Природа составляет субстанции...” [23]. Ртуть именуется “ничем иным, как зеркалом, в котором могут быть восприняты три измерения мудрости мира” [24].

Юнг связывает зеркало с Самостью и Её способностью отразить субъективное сознание Эго с одной стороны, и объективную природу трансцендентного центра Психэ с другой [25]. Линди Абрахам (*Lyndy Abraham*) и поэт Марвел (*Marvel*), в удивительном исследовании алхимии, суммировали символизм зеркала, связав его с камнем и его силой “создавать такие кристалльные поверхности, внутри которых видны все тайны творения” [26].

Зеркало является отсылкой к функции ума, которая открывает тайны жизни; так как зеркало тесно связано с образом ртути, можно утверждать, что зеркало символизирует имагинальную силу разума. Если сфера воспринималась как сосуд, в котором соединяются противоположности, то теперь мы имеем дело с образом Самости. Процесс, изображенный на этой сцене, представляет собой концентрацию энергии и силы в Самости таким образом, чтобы ознаменовать трансформацию внутри Неё, которая приведет к сотворению вновь оживленного центра.

Солнце широко используется в алхимии как образ активной, трансформационной силы. Как писала фон Франц, “Солнце в общем представляет собой образ Божества... о солнце часто говорили как о принципе духовного возвышения, ибо оно — то, что делает вещи совершенными; оно поднимает их к высотам...” [27]. Есть любопытная отсылка к искусственному солнцу в работах Джона Ди, мага, философа и оккультиста, который оказал огромное влияние на Розекрейцерское движение в его начальной стадии. Как подвел этому итог один писатель — “для Ди, алхимическая успешная работа, породила искусственное солнце на “третьей фазе”, благодаря усилиям отделенной от тела души и искусству огня” [28]. Очень интересно то, что Ди ссылался на искусственное солнце, которое связано

с камнем, *solutio*. Вполне возможно, что Андреа получил некоторые свои образы этой главы из работ Ди.

Солнце является источником всей жизненности и энергии, стимулирующим формирование и трансформации всех земных вещей. Зеркала, которые отражают и создают множество солнц, концентрируют невероятную силу на сфере, чтобы передать живость и жизненную силу от солнца к камню (или центру).

Христиан, как внутренний алхимик, вовлечен в имажинальную встречу с архетипической или психоидальной силой, в результате чего энергия вещества концентрируется в Самости, создавая необходимый “жар” для осуществления работы по трансформации. Юнг пишет, что в “*Liber Platonis Quattorum*” “солнечная сера по-прежнему служит духу или чему-то близкому, который может быть заклят при помощи магической инвокации для помощи в работе” [29]. Сила солнца может переживаться как внутренняя фигура, которая дарит благословение на сотворение центра.

Множество солнц в этой сцене может быть отсылкой к множеству центров света и силы в бессознательном, а именно — к архетипам. Это может также соответствовать множеству духов внутри психоида, с помощью которых можно заручиться в работе проявления Самости. В любом случае, один из наиболее значительных процессов во внутренней алхимии — это практика активного воображения с персонификацией архетипических или психоидальных сил, чья мудрость и энергия требуются для привлечения манифестации Самости. Этот процесс может разворачиваться в имажинальном мире различными путями, но существуют два наиболее общих.

Самый простой способ исполнения этого процесса — связаться в воображении с той внутренней фигурой, которая, после некоторого времени диалога и приготовления, соглашается сконцентрировать свою энергию на Самости, либо представленной в виде образа внутреннего центра, либо в виде персонифицированной фигуры. В имажинальном

мире, существует новый фокус энергии, который стимулирует Самость к действию. Следует помнить, что воображение — это не фантазия, и что все эти процессы касаются реального и нуминозного опыта, поэтому такое активное воображение может привести к чему — то экстремальному. На самом деле, эти процессы имеют решающее значение для реального проявления Самости.

Другая форма опыта — прямая встреча с энергией без персонификации. Я подозреваю, что такие энергии в большинстве своем часто психоидальны, но если Эго способно войти в имажинальное состояние, обычно связанное с измененными состояниями сознания и экстазом, оно сможет воспринимать потоки животельной энергии. Если Эго может выдержать напряжение чувствования этих энергий достаточно долго, оно может начать направлять их в центр. В имажинальной реальности, центр очень напоминает сферу в нашей истории; она есть контейнер, в котором могут сохраняться подобные энергии, таким образом, чтобы питать внутренний алхимический процесс.

Далее алхимики позволяют сфере немного остыть, а затем открывают её и обнаруживают внутри большое белое яйцо. Алхимики в восторге от своего успеха и, как замечает Христиан, “мы стояли вокруг этого яйца с такой огромной радостью, будто сами снесли его” [30]. Яйцо — это символ целостного космоса и *prima materia*. Оно может быть отсылкой к сосуду, как контейнеру, в котором пестуется новая жизнь. Ранние греческие алхимики именовали яйцо “тайной искусства” и видели в нем не только содержание четырех элементов, из которых сформирована жизнь, но также сокрытый пятый элемент, который формирует центр яйца. Именно из пятого элемента в центре появляется цыпленок или птица [31].

Поток солнечной энергии стимулирует формирование яйца внутри сферы. Она преисполнена яйцом, а очень скоро из яйца появляется магическая птица. Птица приходит из пятого элемента (или квинтэссенции яйца) и оли-

цветворяет его. Квинтэссенция — это магическая сущность, которая воплощает всю силу *prima materia*, являющаяся материалом, из которого формируется камень. Это символ Самости, и птица, возникающая из яйца, есть также первичная персонификация Самости. Центр, уполномоченный и оплодотворенный через имагинальный опыт внутренних алхимиков, дает рождение сам себе в своей первой манифестации. Мы можем размышлять о птице, как о внутренней фигуре, которая родилась на данной стадии работы для отображения появления Самости. Все, что говорится о Самости и Её трансформации в этой точке, может также относиться к внутренней фигуре, что эту Самость персонифицирует. Так как алхимия отображает себя в опыте активного воображения, внутренние алхимики часто работают с Самостью как с внутренней фигурой. В прошлой главе я упоминал о том, как важно обнаружить воплощающую Самость фигуру и проделывать с ней практику активного воображения. Поскольку жертва короля и королевы означает потерю фигуры, которая первоначально использовалась практиком, птица будет означать появление новой фигуры, отражающей Самость такой, какой Она является на данной стадии работы.

Птица представляет собой воплощение первой *coniunctio*, и, как таковая, является первым возвращением короля и королевы. Она растёт с чудесной скоростью, напоминая одного магического ребенка в сновидениях и сказках, вырастающего от младенчества до зрелого возраста мгновенно. Самость манифестируется в первой форме, но, как выясняется, Она черна и очень опасна. Птица не означает какого-либо вреда, но только дикие укусы и царапины, так что если бы алхимики сперва не связали её, она могла бы повредить им. Тема дикой и опасной природы Самости, как Её первого проявления, разбиралась в прошлой главе. Взаимоотношения между Эго и Самостью приручают дикость впервые проявившейся Самости. Когда алхимики обращают внимание на птицу, она становится все более и более спокойной, и менее и менее

опасной. Чем больше практик работает с Самостью, тем более родственной Она становится.

Следующий процесс включает в себя кормление птицы: алхимики дают ей кровь обезглавленных короля и королевы. В своем комментарии к “Химической Свадьбе”, Адам Маклин (*Adam McLean*), хорошо известный исследователь и интерпретатор алхимии, писал:

“В алхимических терминах, эта кровь является высшей разработанной субстанцией в земной реальности. Для алхимиков, кровь любого существа представляет собой его высший материальный проводник. Кровь — ближайшая форма, в которой субстанция может достичь духовного состояния. Таким образом, через процесс кормления осуществляется спуск в материю... кровь, приносимая операторами в процесс, эта высшая и наиболее тонкая субстанция, была подобна сосуду, в котором духовная сущность Короля и Королевы могли воплотиться” [32].

Другими словами, кровь — это тонкая сущность короля и королевы, которая очищает материальное тело птицы и помогает подготовить его для вхождения душ короля и королевы, что происходит в финальных стадиях *coniunctio*. Существует множество отсылок к крови, делающих её очень сложным символом. Дорн говорит о крови, как об искупительной субстанции, принадлежащей к камню и миру искупителя:

“На финальном этапе, силой власти этой наиболее благородной тайны, темная красная жидкость, подобная крови, выпаривается из их материала и сосуда. По этой причине они пророчествовали, что в последние дни самый чистый человек, через которого мир сможет освободиться, придет на землю и уронит капли крови розового или красного оттенка; мир будет искуплен от своего Падения” [33].

Кровь — магическая субстанция, имеющая силу искупления и трансформации. Она связана с самим камнем (и тем

самым с Самостью) и символизирует его целительную силу. Эта сила создает процессы трансформации, ведущие к высшему состоянию бытия. В “Химической Свадьбе” алхимики скармливают кровь для трансформации материала несколько раз, а затем кровь самой птицы передается следующему возникающему образу. Однако, каждый раз кровь исходит из раннего образа Самости (как в этой сцене она принадлежит королю и королеве). Кровь символизирует пищу для Самости и Её собственную трансформационную силу — таким образом, Она может перейти на следующий уровень развития. Каждое новое появление Самости черпает энергию из сущности своего предыдущего состояния. Король и королева должны быть убиты для инициации движения к новому состоянию манифестации Самости, но именно их кровь (или сущность) кормит Самость при Её достижении следующей стадии развития. Птица, в свою очередь, будет убита для того, чтобы её кровь накормила Самость на дальнейшей стадии. По сути, Самость всегда одна и та же, но проявляется Она по-разному на различных стадиях развития. Её сущность — кровь, остающаяся неизменной на протяжении многочисленных манифестаций. Уникальный центр каждого человеческого существа всегда и есть оно само, хотя и подвергающееся непрерывной трансформации.

Эго алхимика должно работать с бессознательным через активное воображение. Таким образом, создается начальная связь между сознательным и бессознательным, но это приводит к смерти обоих, так как они должны пожертвовать своими независимыми позициями. Смерть короля и королевы находит свой окончательный результат в рождении внутреннего образа, который их объединяет. Трансцендентная функция, создает первую внутреннюю фигуру, воплощающую в себе сознательное и бессознательное, а птица как раз и символизирует эту внутреннюю фигуру. Кровь является очистительной субстанцией, а также трансформационной силой Самости. В то же самое время, она происходит из первоначальных противоположностей, и кормление птицы

означает, что она принимает в себя жизненность и сознательной, и бессознательной частей личности. С возникновением птицы, появилась также и внутренняя фигура, воплощающая пары противоположностей. Её первое появление, однако, дико и обособленно. Когда же Эго продолжает взаимодействовать с ней, она не только дарует энергию короля и королевы, но также входит во взаимоотношения с Эго.

Как правило, птица представляет собой символ души или духа, что в этом контексте указывает на то, что все еще пребывает в духовной и нематериальной форме. Рождение птицы показывает, что достигнута первая *coniunctio*, но она остается в нестабильном и неустойчивом состоянии. Вспомним из последней главы, что первая *coniunctio* не сохраняется долго, но приходит и уходит до достижения второй *coniunctio*. Необходимость движения к более постоянному состоянию Самости символизирует коррекцию изменчивости — так, чтобы Самость не исчезала, но пребывала в контакте с Эго. Мы можем ожидать, что следующий процесс касается фиксации, и это на самом деле так.

Теперь Христиан и его друзья кладут птицу в ванну с жидкостью, которая выглядит белой как молоко. Поначалу она прохладная, и птица весьма порезвилась в ванной. Жидкость постепенно нагревалась и птица хотела сбежать. Алхимики положили сверху крышку, чтобы удержать птицу в жидкости. Все её перья опадают, кожа кажется гладкой как у человека, тогда как растворенные перья придают жидкости синий цвет. Теперь они позволяют птице покинуть ванну, но та снова становится дикой, в результате чего они накидывают ей на шею поводок. Под жидкостью сооружается огонь, она испаряется и синий камень — вот все, что остается. Этот камень измельчают, а полученный порошок используется для покраски птицы в синий цвет, который, как отмечает Христиан, делает её довольно странной.

В этой части притчи алхимики заняты, и процессы, в которые они вовлечены, включают не только очередной

раз *solutio*, но также и *coagulatio*, символизируемые в акте раскрашивания птицы. *Coagulatio* есть отсылка к творческому процессу, через который дух входит в тело. Алхимики привязывают коагуляцию к созидательному Божественному акту сотворения мира, как однажды сказал один алхимик, “Бог сотворил все вещи через свое слово, сказав им: Существойте, и они стали существовать с четырьмя другими элементами, землей, водой, воздухом и огнём, которые он коагулировал” [34]. Благодаря этому процессу, дух превратится в тело, и то, что возшло в духовную реальность, зафиксировалось в мире еще раз.

Этот процесс происходит во внутренней алхимии, по крайней мере, тремя путями. Эго к тому времени связано (и взаимодействует) с внутренней фигурой в течение некоторого времени. Оно достаточно многому научилось у этой внутренней фигуры, и теперь должно воплотить то, чему обучилось. Ему следует начать жить и применять в своей внешней жизни все то, чему его научила фигура, и оборачивать то, что было только лишь идеей, в реальный жизненный опыт. Делая это, Эго заземляет внутреннюю работу во внешней жизни, что обычно позволяет перейти процессу к следующей стадии.

В то же самое время, Самость претерпевает трансформацию. Теперь она фиксирована, что символизируется потерей перьев у птицы и одевание поводка на её шею. Движение от потенциальной к проявленной Самости требует того, чтобы Она становилась все более и более постоянной частью осознания Эго. Это предполагает, что должна случиться главная внутренняя трансформация, когда внутренний центр становится достаточно сильным, чтобы зафиксироваться. Кроме того, поводок символизирует сотворение взаимоотношений между Эго и Самостью, ибо поводок — это шнур, который связывает их вместе.

В конце концов, образы, используемые Самостью для своей персонификации, могут очень быстро изменяться. Для того чтобы сделать взаимоотношения между Эго и внут-

ренней фигурой более зафиксированными и постоянными, внутренняя фигура воплощенной Самости должна также стать постоянной. Вместо того, чтобы использовать много фигур для придания себе формы, Самость теперь использует только одну. Хотя эта фигура тоже вскоре перестанет существовать, на данной стадии она фиксирует Самость в одной форме, облегчая доступ к ней для Эго.

Однако процессы с бедной птицей еще не закончены. Теперь алхимики переходят на следующий (шестой) этаж. Там они находят алтарь с некоторыми объектами на нем. Птица находится перед ними и сразу начинает пить из фонтана. Затем она клюет белого змея, чья кровь собирается алхимиками в золотой кубок. Далее алхимики заставляют птицу пить кровь змея, тогда как сама она яростно сопротивляется. Змея же погружается в фонтан и возвращается к жизни. Подождав пока часы отобьют три, алхимики отрубают голову птице. Её тело сжигается дотла, а кровь собирается. Таким образом, своей смертью птица повторяет тот процесс, через который проходили король и королева.

Птица, клюющая змея, есть отсылка к единению фиксированного и изменчивого. Змей относится к земле, тогда как птица принадлежит небу. Их единение является единством двух противоположностей, происходящей как результат фиксации птицы на земле. Змея также символизирует воскресение; она способна сбросить свою кожу и, вероятно, вернуться к жизни. Кровь представляет собой суть вещей, так что принуждение птицы испить кровь змея передает силу воскресения птице, тогда как в то же самое время предсказывает её неминуемую гибель. Ожидание, пока часы отобьют три, снова символизирует то, что время должно быть выбрано верным образом — для того, чтобы процессы прошли корректно. Вполне вероятно, что это также отсылка к алхимической важности числа 3. Например, существует три принципа алхимии — соль, ртуть и сера. Кроме того, Джон Ди связывал создание искусственного солнца с третьей стадией работы, так что третий час может соответство-

вать третьему аспекту работы, приводящему к появлению птицы.

В нужный момент птица приносится в жертву. Любой прогресс в работе всегда связан с пожертвованием предыдущего достижения. Синяя птица символизирует успешное достижение первой *coniunctio*, ибо образ стал достаточно сильным и зафиксированным. Самость успешна на своем пути ко второй *coniunctio*, после чего Она станет постоянной в своих проявлениях. Однако, как говорит Христиан, смерть птицы “тронула наши сердца, хотя мы не представляли, что простая птица может нам помочь, так что оставили все как есть” [35]. Самость, как Она представлена в первой *coniunctio*, должна быть пожертвована для возможности осуществления второй *coniunctio*. Птица сама по себе еще недостаточно удовлетворяет потребность Самости в проявлении.

Это очень болезненный процесс, и не то, что можно простым образом получить, как предполагает Христиан. Очень часто, практик работает с внутренней фигурой, воплощающей Самость в том виде, как она существовала на первом этапе. Пожертвование первым единением иногда требует жертвования внутренней фигуры, с которой до этого проводилась работа, так как появляется новая фигура, которая более совершенным образом воплощает следующий уровень единения. Период между первой и второй конъюнкциями может длиться годами, а взаимоотношения между внутренней фигурой и Эго, которые продолжают так долго, интимны и глубоко эмоциональны. Жертвование этой фигурой и единением, породившем её, мучительно. На этой стадии работы, когда я воспринимал смерть внутренней фигуры, с которой жил так долго, я чувствовал себя так, будто бы вся магия и чудеса исчезли из моей жизни. Я не сразу понял, что сущность этой фигуры вскоре проявится в другой форме, соответствуя новому уровню опыта, и поэтому её потеря казалась непоправимой и подавляющей. Я действительно наблюдал её смерть в имагинальных переживаниях,

и чувствовал себя умирающим вместе с ней. Только дни спустя я начал сознательно чувствовать её возвращение в новой форме.

Единение, достигнутое в первом опыте Самости, следует за *mortificatio*. Свадьба короля и королевы указывает на то, что Эго и бессознательное взаимодействуют, и что первый период взаимодействия привел к смерти и сознательной, и бессознательной позиций. Птица соединила их еще раз в первой *coniunctio*, но это единение сейчас тоже принесено в жертву. Алхимики сейчас успешны на своем пути ко второй *coniunctio*, которая вернет короля и королеву к жизни вновь в высшем, более величественном состоянии.

Теперь алхимики готовы двигаться в седьмую финальную комнату. Однако, перед тем как они сделают это, Дева поясняет, что Христиан и трое других разочаровали её и не будут допущены к деланию. Оказывается, что это хитрость, ибо Христиан и трое других вскоре поймут, что были выбраны для исполнения реальной работы, тогда как оставшиеся алхимики получили бессмысленные задания для удержания себя в занятости, веруя в то, что творят истинное делание. Это событие основано на том мотиве, что проходит через всю историю; Христиан был избранным, чей провидческий опыт подсказывает ему, что на самом деле происходит в работе, тогда как остальные впали в заблуждение по поводу этих вещей. Очень ясно мнение автора сказки — без истинного видения, алхимик никогда не постигнет великую работу.

Почувствовал облегчение по поводу того, что не был наказан, Христиан приступает к работе вместе с остальными. Практики получают пепел птицы, с которым смешивается приготовленная ими вода, с целью формирования пасты. После нагревания над огнем, всё выливается в две небольшие формы. Затем они мельком видят других алхимиков, которые по очереди до изнеможения раздувают огонь с помощью трубы. Вероятно, это отсылка к презрительному термину “иглобрюха и трубача”, который использовался алхимиками

для тех, кто не понимал истинной природы алхимического процесса.

Пепел птицы образует материал для использования в настоящем процессе. Пепел был очень значимой субстанцией в алхимии, символом величайшей важности. В индуистской алхимии, редукция ртути к праху символизирует возвращение к совершенству — к Божественному перед манифестацией [36]. Как писал один Западный алхимик, “фермент этой Божественной воды есть прах, который является ферментом ферментов” [37]. Другой называет пепел пигмеем, способным уничтожить гигантов [38]. Доктор фон Франц называла пепел “наиболее драгоценной вещью и величайшей мистерией”. Она считала, что он являет собой отсылку к объективной субстанции Самости, а также к субстанции, из которой будет формироваться воскресшее тело [39].

Многими путями, пепел символизирует чистейший оставленный остаток после продувания огнем. Он представляет собой ядро, суть и тот аспект Божественного, который можно найти и в физическом, и психическом центрах. Он есть тело, в которое помещается дух, но то тело, которое трансформировано и очищено для своей высшей формы. Раннее в этой истории, король и королева были также сведены к пеплу, используемому для создания птицы. Теперь птица снова редуцировалась к праху и использовалась для сотворения нового существа.

Я обсуждал птицу как образ или внутреннюю фигуру, рожденную взаимодействием Эго с бессознательным, и воплощающую в себе первую *coniunctio*. Этот образ был умерщвлен, чтобы сделать возможной следующую стадию работы. Образ, несущий в себе Самость, свелся к чистейшей субстанции Самости. Пока Она не имеет ни формы, ни индивидуальности. Уровень Самости, который был достигнут в пепле, соответствует чистому центру внутренней Божественности, перед любого рода проявлением. Это чистейшая сущность Самости, истинное ядро бытия. В этом

смысле, это то, что фон Франц называла “несократимый и нерушимый субстрат физических и психических сущностей, который присущ каждому от рождения и из которого осуществляется индивидуация” [40]. Ядро Самости представляет собой тайну, но редукция образа Самости к её чистейшему состоянию, означает, что формируется следующий образ Самости, который будет воплощать эту сущность в себе.

Со смертью внутренней фигуры, Эго встречается в Самостью в бесформенном состоянии. Такой опыт не длится долго, но он может предложить Эго прозрения по поводу загадки о том, какая внутренняя фигура будет воплощать Самость. Такое переживание дает возможность приоткрыть завесу таинственности образа, который будет помогать практику и гарантирует, что следующая внутренняя фигура будет содержать более глубокий уровень Самости. Пепел содержит Божественную сущность, которая часто не может восприниматься напрямую, но может быть известна только при появлении в имагинальной реальности. По этой причине, пепел представляет собой смесь меркурианской воды в новом растворе. Этот процесс показывает, что алхимик должен ввести Божественную суть в имагинальную реальность для того, чтобы пережить её.

Мистики всех времен знакомы с имагинальным опытом просторного и космического, часто называемого “океаническим”. Такие переживания лишены формы и часто не имеют содержания, так как являют собой прямой опыт Божественного духа самого по себе. Практик познает блаженство в подобных состояниях, но там нету диалога или взаимодействия. Для некоторых индивидов такой опыт включает саму цель, но алхимик изволил сделать большее, чем пережить Божественное как космическое блаженство. Он желает обосновать Божественное в Психэ, и сформировать с ним постоянное партнерство, что включает не только просторность, но также мелкое и ординарное. Пытаясь достичь этих целей, алхимик соединяет Божественное с образом,

в котором Оно может воплотиться. В нашей притче, алхимики добавляют воображение чистой Божественной сущности для того, чтобы создать новую фигуру Самости.

На самом деле, Христиан изливает раствор в форму, тем самым предавая форму бесформенному. При введении в воображение, неизведанному придается имагинальная форма, и в связи с единением Божественной сущности (и имагинальным переживанием этого), возникает новая персонификация Самости. Форма, используемая Христианом, является, в некотором смысле, наиболее важной частью процесса, поскольку именно через форму масса еще раз принимает облик.

Самость может переживаться в своем бесформенном и универсальном аспекте, но Она почти сразу же создает имагинальный опыт, через который проникает в форму. Она вводит себя в форму подобно тому, как художник ищет для себя правильный холст. И холст, на котором Она выражает сама себя, есть воображение.

Процесс, развивающийся в этой точке, аллегорически может быть резюмирован высказыванием о том, что мы должны пережить истинную сущность универсальной Самости, Божественного центра человеческой души, и смешать Её с воображением — для того, чтобы сотворить внутреннюю фигуру, которая бы воплотила это состояние.

Следующим шагом в процессе станет появление новой внутренней фигуры. С этой перспективы, существует две фигуры, отсылающие нас к королю или королеве. Однако, важно помнить, что эти двое находились в единении, и вместе формировали Самость. Хотя они держатся раздельно, они являются единым целым. Вспомним последний образ “Книги Ламбспринга”, который изображал единение трех индивидов. Каждый из этих индивидов представляет различный аспект проявленной Самости, который может быть пережит как единая внутренняя фигура.

После позволения раствору остыть, алхимики открывают формы, чтобы обнаружить “два красивых и почти

прозрачных человеческих образа, таких, которых никогда не выдвигали глаза — они принадлежали маленькому мальчику и девочке, каждый только лишь четыре дюйма длиной” [41]. Эти крошечные существа так красивы, что Христиан и другие онемели от изумления. Им тяжело было оторвать глаза от них, чтобы продолжить работу, но, в конце концов, они сделали это. Будучи красивыми, эти два маленьких существа остаются безжизненными и крошечными. Алхимики начинают кормить их кровью птицы, и маленькие существа начинают расти, пока полностью не вырастают.

Крошечные человечки, вышедшие из форм, являют собой первое появление Самости в Её новой персонификации. Крошечный размер этих существ отсылает их к образу *гомункулуса*, миниатюрного человеческого существа, которое время от времени появляется в алхимических писаниях. Парацельс писал о *гомункуле*, который, по его убеждению, был магическим существом, создание которого на самом деле возможно из человеческой спермы, оставленной разлагаться в сосуде. Эти человечки-лилипуты обладали магическими способностями и великой мудростью. Согласно Парацельсу, *гомункулус* впервые появлялся прозрачным, почти без формы. Алхимики должны были накормить его человеческой кровью, и позволить ему расти в течение сорока недель, после чего он становится совершенным человеческим существом, только очень маленьким. Образы, которые использовал Парацельс, очень напоминают то, что обнаружено в нашей аллегории, и могут использоваться в качестве модели. Для Парацельса, *гомункулус* мог открыть великие тайны и обдал знанием всех мистерий жизни [42].

Гомункулус символизирует появление внутренней фигуры, которая персонифицирует глубочайшие аспекты Самости. Они представляют собой магических существ, преисполненных мудростью и силой. Христиан пытается придать им полный размер через кормление кровью птицы. Кровь есть сущностная природа того существа, которому она принадлежала, и символизирует энергию и силу, которые

пребывали в птице, как образе Самости. Хотя предыдущий образ оказывается утерянным, его энергия и сущность сохранились. Как только они добавятся к новому образу, он трансформируется и быстро вырастет. Т.е. получается что работа и усилия, что были затрачены при взаимодействии с первым образом не теряются, но переходят в новую сущность. Этот переход стимулирует быстрое развитие нового образа, поэтому не нужно повторять предыдущую работу.

Если бы я потратил годы на взаимодействие с внутренней фигурой, она бы росла и развивалась в связи с этой работой. Если эта фигура затем должна быть принесена в жертву, так чтобы к воплощению могла прийти новая фигура, более соответствующая Самости, то усилия не теряются. Они сохраняются и переходят к новому образу, который проявляется. Ничто из труда Эго не пропадает.

Вся энергия Самости, как она проявлялась на первой *coniunctio*, сохраняется и воплощается в Самости второго уровня единения. Как я упоминал ранее, сущность Самости — одна и та же на каждом уровне, поэтому её кровь (или сущностное ядро) никогда не теряется, но питает центр следующего уровня развития.

Гомункулусы обладают неземной красотой и производят в Христиане почти восторженное состояние. Эта красота символизирует духовных существ, и в этом случае указывает на то, насколько Самость воплощается в новом образе. Экстатическое состояние также указывает на нуминозность персонифицированной формы Самости. Красота и восторг — точное описание опыта практика, столкнувшегося с персонифицированной фигурой проявленной Самости. Наблюдение такой фигуры в имагинальном мире порождает глубокий экстаз и отчетливое ощущение, что индивид узрел сущностную красоту Вселенной. Внутренняя фигура несет внутри себя рай, практик, входящий с ней в связь, воспринимает рай на земле. Кроме того, красота и тайна Самости проявляются в человеческой форме, с которой Эго может создать взаимоотношения близости, любви и доверия.

Человеческая форма не имеет ничего общего с дикостью или капризностью птицы, а также не требует поводка, чтобы таким образом формировать отношения. Проявляясь в человеческой форме, Самость представляет себя для Эго, с которым культивирует восторженное единение навеки.

Тем не менее, несмотря на их быстрый рост, две красивые фигуры остаются безжизненными. Для завершения работы необходимо добавление душ в их тела. И снова две наставника, Дева и пожилой человек, пытаются обмануть алхимиков по поводу истинной природы процесса. Три алхимика, что сопровождали Христиана в работе, обманулись и не узрели истинного воплощения души, но Христиан (в основном из-за его ранних видений) способен обнаружить души, повторно входящие в свои тела.

Наставники делали все возможное, чтобы запутать и ввести в заблуждение алхимиков. Можно озадачиться по поводу этого вопроса и его значения в алхимии. В конце концов, гиды должны направлять, а не путать. Если практик не может доверять своим гидам, то кому он вообще может верить? Ответ, данный в этой работе, очень ясен; практик должен доверять своему собственному видению и восприятию вещей, а не кому-либо другому (даже если речь о своих руководителях). Одна из самых трудных частей имагинальной работы — развитие необходимого доверия в своих собственных опытах. Как правило, человек всегда сомневается и боится доверять, ибо доверие означает принятие полной ответственности за свой собственный выбор, когда нет возможности полагаться на других. Кроме того, собственные видения обычно уникальны, они принуждают практика принимать эти отличия, что нелегко. Но, как показывает история Христиана, неспособность доверять своим собственным идеям означает потерю способности получить истинную мудрость и прозрение. Христиан не хвастается своими видениями, и даже не признает, что имеет их. Он работает с ними спокойно и в частном порядке, и они все же постоянно открывают ему правду о том, что происходит.

Можно, конечно, просить о помощи в понимании увиденного, но в какой-то момент внутреннее видение должно стать истинным и надежным гидом.

В одиночестве Христиан замечает, что крыша комнаты очень странно сконструирована. Она содержит семь вогнутых полушарий. Среднее из них выше, чем другие и имеет замкнутое отверстие в верхней части. В нужный момент, это отверстие открывается и души могут войти. Двое наставников принесли шесть больших труб в комнату, которая теперь использовалась для привнесения душ в их тела. В то время как другие алхимики отвлечены на световую кущу огня, старый джентльмен помещает один конец трубы в рот безжизненного молодого царя, а верхней конец, в свою очередь, доводится до отверстия в крыше. Когда отверстие в крыше приоткрывается, входит душа, переходит по трубе и входит в рот юного короля. Это повторяется три раза для короля и три раза для королевы. Души всех королей, таким образом, помещены в тело юного короля и то же самое верно для юной королевы. Король и королева приходят к жизни, но остаются спящими. Амур, обманщик (ртутная фигура) приходит и пробуждает их. Затем он “снова знакомит их друг с другом” [43]. В конце концов, король и королева облачаются в красивые кристальные одеяния. Теперь работа исполнена и наступает время общего празднования за ужином. Хотя в нашей аллегории все же еще присутствует один день, больше нет отсылок к этому процессу, ибо камень оказывается сформированным.

Тело было тщательным образом подготовлено, души воплотились. Душа имеет великое множество значений в алхимии, представляя собой очень богатый и комплексный символ. Есть три способа его понимания, наиболее актуальных для нашей истории. Это жизненный принцип, который дарит одушевление и жизненность телу. Без души оно не может жить, и ясным образом в “Химической Свадьбе” новые формы королевских трупов оказываются неодушевленными — до тех пор, пока душа не войдет в них.

Во-вторых, это фермент. Как писал Эдвард Келли, “фермент является душой, потому что она дает жизнь телу и меняет его в сторону своей собственной природы” [44]. Душа не только оживляет тело; она меняет его таким образом, чтобы оно отражало её собственную природу. Таким образом, душа воздействует на тело, которое оживляет и переформирует его в свой собственный образ (или отражение). Наконец, душа дарит индивидуальность телу и, по сути, представляет собой отдельную сущность, обитающую в теле.

Я указывал, что *гомункулус* персонифицирует внутреннюю фигуру, воплощающую вновь созданную и проявленную Самость. Однако, если не добавить душу, фигура останется более или менее собирательным образом, лишенным сущностной индивидуальности человека, которому она явилась. Любой образ, возникающий из бессознательного, имеет коллективный аспект, ибо тот же самый образ может проявиться для любого другого. Если мне снится король, отражающий Самость, этот образ все еще универсален, ведь любому может присниться подобный король, также представляющий Самость. Так как внутренняя фигура короля по-настоящему воплощает мою Самость (а не просто Самость), то она должна воплощать мою собственную уникальность и индивидуальность. Когда это случается, образ перестает быть универсальным и становится личным.

Душа в этом случае похожа на то, что в Дзэне называется подлинным лицом, сущностью и уникальной индивидуальной природой человеческого существа, выходящим за пределы Эго и, возможно, даже превосходящим опыт смерти. Это — моё сущностное ядро, являющее собой одну из величайших тайн жизни. Открытие своей собственной индивидуальности происходит редко, но без этого, Самость никогда не сможет ожить. До тех пор пока душа не добавится к образу Самости, он будет оставаться полумертвым и лишенным реальной силы. Когда душа добавляется к образу, она действует как фермент, изменяя этот образ согласно своей собственной природе. То есть, если практик

познает свою собственную глубинную индивидуальность, то она добавляется к образу Самости, чей образ приходит к полноценному воплощению. Уникальность практика окрашивает внутреннюю фигуру, так что она перестает быть универсальной и принимает на себя уникальные аспекты души. Душевные аспекты Самости — суть индивидуальности, как проявления в частном человеческом существе.

Опыт собственной души — часто провидческое событие, которое переносит практику в психоид. Существуют объективные и трансцендентные качества души, которые делают из неё нечто такое, что является само по себе транспсихическим и бессмертным. Поэтому образность сказки включает в себя отверстие в крыше и трубу. В психике существует лазейка, через которую может быть получен психоидаальный опыт. В нужное время и в нужном месте, эта лазейка может быть открыта для позволения практику пережить иные уровни имагинальной реальности. Именно на этих иных уровнях истинная природа индивидуальности и может быть обнаружена.

Душа, имеющая опыт освобождения от тела ранее в работе, переживает *сублимацию*, в которой обнаруживает и интегрирует высшие духовные силы, одновременно обнаруживая свою собственную природу. Только когда душа отделяется от тела, будучи способной созерцать свою собственную вечную природу и уникальность, возможно истинное самопознание. После обнаружения этого сокровища, душа возвращается в тело, оживляя и трансмутируя в соответствии со своей собственной природой. Когда душа соединяется с внутренней фигурой Самости, эта фигура трансмутируется и становится живым воплощением уникальной индивидуальности личности. Теперь, когда эта индивидуальность принадлежит и Эго, и бессознательному, она должна быть воплощена в персонификации Самости, а не Эго, ибо только Самость достаточно сильна для того, чтобы приютить её.

Психоидаальную природу души не следует путать с Самостью психоида. Психоидаальная Самость является образом Божественности, который появляется уникальным путем, чтобы соответствовать индивидуальности человека. Душа психоидаальна в том смысле, что существует в реальности за пределами ординарного мира, являясь вечной по своему собственному праву. Когда вечный аспект Самости соединяется с Её образом, практик приходит ко второй *coniunctio*, и проявленная Самость оживает.

Труба есть средство, благодаря которому душа входит в тело. Это очень древний образ воплощения, с определенной отсылкой к инкарнации Христа. Как указывает Юнг, “существуют ... средневековые рисунки, которые изображают плодоношение Марии с трубой или шлангом, исходящим из трона Бога и переходящим в её тело, и мы можем наблюдать голубя или младенца Христа, летающего над этим” [45]. Наша труба, по которой спускается душа, подобно трубе, по которой Христос нисходит от Господа к Марии. Это символы процесса, через которые душа приходит в материю.

Труба (или рог) присутствует во многих алхимических эмблемах. На рисунке 22 (см. далее) ангел Гавриил появляется, чтобы разбудить спящих Солнце и Луну, дуя в свой рог. Наименование эмблемы — *fermentatio*, и связь души с ферментом предполагает, что этот процесс представляет собой воплощение души, которая пробуждает безжизненное тело.

Стадии, объясняемые в этой части аллегории, оказывают на открытие лазейки в иной мир, или развитие имагинальной способности воспринимать другие уровни реальности. Когда эта способность достаточно сильна, практик должен использовать её для наблюдения того, кто и что он на самом деле. Обнаружение души как вечной истины — величайшее пробуждение, но оно должно сопровождаться воплощением истины внутри Психэ индивида. Это может достигаться через имагинальный опыт, благодаря которо-

му глубочайшая индивидуальность практика соответствующе окрашивает внутреннюю фигуру, персонифицирующую Самость (таким образом, что Она воплощает эту индивидуальность). Всегда следует помнить, что такая индивидуальность выходит за пределы Эго, и человек может видеть только внутреннюю фигуру, которая полностью её воплощает. Когда это воплощение происходит, тело и душа заново соединяются во второй *coniunctio*, в результате чего возникает проявленная Самость.

Кристаллы, украшающие короля и королеву представляют собой отсылку к камню, который соответствует кристаллам во множестве текстов [46]. Они символизируют чистоту и силу новой королевской пары, приходящей к жизни. Это Купидон, который дарует пробуждение и вновь приводит пару друг к другу, как будто бы они забыли друг о друге. Купидон действует как фигура ловкача в этой истории, но символически связывается со своей матерью Венерой, и через неё, с принципом любви. Сила любви часто упоминается в алхимии, хотя исследователи алхимической работы зачастую пренебрегают ей. Как писал Дорн, “мы берем характеристики Венеры, то есть щит и защиту любви, мужественно противостоя препятствиям, стоящим перед нами, ибо любовь преодолевает все трудности...” [47]. Любовь пробуждает свадебную пару для финального заверения их союза.

Как я упоминал в начале этой главы, алхимик не контролирует процесс, который пытается инициировать, и, на самом деле, никогда не уверен, что он вообще состоится. Процессы, что я обсуждал, случались естественно и органично внутри имагинальных реальностей, оперируя через трансцендентную функцию, которая связывала противоположности вместе. Эти процессы составляли великую работу, и хотя Эго должно засвидетельствовать их как можно глубже, оно мало что способно сделать. Снова и снова, в нашей притче, способности Христиана к видению соединяют его с глубинным аспектом разворачиваемых процессов.



Рис 22. Мудрый старый человек (или, возможно, алхимик) наблюдает как ангел Гавриил пробуждает спящих Солнце и Луну. Подобно этому, в “Химической Свадьбе” король и королева остаются спящими, пока труба не продуется и их души не возвратятся, т.е. труба призывает души солнца и луны пробудиться к единению. Эта эмблема называется *fermentatio*, и, по словам Эдварда Келли, фермент являет собой душу. Иллюстрация изображает воссоединение души с телом, с его последующим оживлением и трансформацией. Возвращение души в тело приводит к отражению индивидуальности и уникальности Самости (Из J.D. Mylius, “*Philosophia reformata*”, Frankfurt, 1622).

Хотя другие всегда заблуждаются или путаются, Христиан корректно воспринимает природу делания. Эта способность “видения” является требованием для каждого, кто истинно жаждет получить опыт алхимических процедур и операций, и этот навык может быть развит только через расширен-

ную работу с воображением. Как сила ртути, воображение позволяет процессам случаться, и это есть средство, через которое они могут произойти. Это ослабляет всякий контроль и должно стать сущностью, наблюдающей за смертью Самости и её перерождением в новом, прославленном состоянии.

Примечания к четвертой главе

1. Frances A. Yates, *The Rosicrucian Enlightenment* (London: Routledge, 1986), p. 30.
2. Frances A. Yates, *The Rosicrucian Enlightenment*, p. 198.
3. См. Замечательную книгу "Magnum Opus", опубликованную в память о Международной конференции и выставке алхимии, магии, астрологии, каббалы и тайных сообществ в Чехии. Содержание многих Чешских образов и писаний никогда не публиковалось ранее, это удивительная демонстрация для начинающих и продвинутых исследователей алхимии, которую Вы найдете восхитительной. Была опубликована в 1997 году "Trigon Press" в Праге.
4. C.G. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, *Collected Works*, vol. 14, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), p. 354. Будущие отсылки к этой работе будут обозначаться как CW. 14.
5. Joscelyn Godwin, trans., *The Chemical Wedding of Christian Rosenkreutz* (Grand Rapids: Phanes Press, 1991), p. 70.
6. C.G. Jung, *Psychology and Religion: West and East*, *Collected Works*, vol. 11, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1969), p. 367–368. Далее цитируется как CW. 11.
7. Paracelsus, "Concerning the Nature of Things" in A.E. Waite, ed., *The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus the Great* (Kila, MT: Kessinger Company, n.d.), p. 120.
8. *The Chemical Wedding*, p. 70.
9. См., например, Jacob Boehme, *The Three Principles of the Divine Essence* (Reprint: Chicago: Yoga Publication Society, n.d.).
10. Jean Chevalier and Alain Gheerbrant, *The Penguin Dictionary of Symbols*, John Buchanan-Brown, trans. (New York: Penguin Books, 1996), p. 107.

11. Julius Evola, *The Hermetic Tradition: Symbols and Teachings of the Royal Art* (Rochester, VT: Inner Traditions, 1995), p. 112.
12. *The Chemical Wedding*, p. 79.
13. Из работы G. Dorn, *Theatrum Chemicum*, в C.G. Jung, *Alchemical Studies*, *Collected Works*, vol. 13, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), f 180. Далее — CW. 13.
14. Patricia Tahlil, trans., *The Alchemical Engravings of Mylius* (Edinburgh: Magnum Opus Hermetic Sourceworks, 1984), p. 75.
15. *The Chemical Wedding*, p. 80.
16. Altus, *Mutus Liber* (La Rochelle, 1677). Сегодня эту книгу можно найти в Adam McLeans *A Commentary on the Mutus Liber*, изданную Phanes Press, Grand Rapids, MI, 1991.
17. Salomon Trismosin, *Splendor Solis* (Grand Rapids: Phanes Press, 1991), p. 58.
18. Edward Kelly, *The Alchemical Writings of Edward Kelly*, A.E. Waite, trans. (New York: Samuel Weiser, 1976), p. 49.
19. See for example, *The Alchemical Writings of Edward Kelly*.
20. *The Chemical Wedding*, p. 86.
21. Lyndy Abraham, *Marvel and Alchemy* (Brookfield, England: Scholar Press, 1990), p. 44.
22. Quoted in C.G. Jung, CW 13, p. 86 n. 107 (from *Theatrum Chemicum* Strasbourg, 1659).
23. Michael Sendivogius, *The New Chemical Light*, *Alchemy Website* (Database Online), p. 95.
24. Quoted in Lyndy Abraham, *Marvel and Alchemy*, p. 203.
25. C.G. Jung, CW. 11, f 427.
26. Lyndy Abraham, *Marvel and Alchemy*, p. 203.
27. Marie-Louise von Franz, *Alchemy* (Toronto: Inner City Books, 1980), pp. 149–150.
28. Tanya Luhrmann, "An Interpretation of the Fama Fraternalitatis" в Adam McLean, ed., *A Compendium on the Rosicrucian Vault* (Edinburgh: Hermetic Research Series, 1985), p. 90.
29. C.G. Jung, CW. 14, p. 112.
30. *Chemical Wedding*, p. 87.
31. A.E. Waite, trans., *The Turha Philosophorum* (New York: Samuel Weiser, 1976), p. 12.
32. Joscelyn Godwin, trans., *The Chemical Wedding of Christian Rosenkreutz*, p. 147.
33. Dorn, "Conqueries Paracelsicae Chemicae," in *Theatrum Chemicum*, I. Цитируется в C.G. Jung, CW. 13, p. 381.

34. A.E. Waite, trans., *The Turha Philosophorum*, p. 21.
35. *The Chemical Wedding*, p. 90.
36. David Gordon White, *The Alchemical Body* (Chicago: University of Chicago Press, 1996), p. 282.
37. Patricia Tahil, trans., *The Alchemical Engravings of Mylius* (Edinburgh: Magnum Opus Hermetic Sourceworks, 1984), p. 81.
38. E.J. Langford Garstin, *Theurgy: or the Hermetic Practice* (London: Rider, 1930), p. 91.
39. M.-L. von Franz, *Aurora Consurgens*, Bollingen Series LXXVII (New York: Bollingen Foundation, 1966), pp. 344–345.
40. M.-L. von Franz, *Aurora Consurgens*, p. 345.
41. *The Chemical Wedding*, p. 92.
42. Paracelsus, "Concerning the Nature of Things" в A.E. Waite, *The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus the Great*, vol. 1, p. 125.
43. *The Chemical Wedding*, p. 94.
44. Edward Kelly, *The Alchemical Writings of Edward Kelly*, A.E. Waite, trans., p. 43.
45. C.G. Jung, *The Archetypes and the Collective Unconscious*, *Collected Works*, vol. 9I, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1958), p. 108. Далее — CW. 9I.
46. C.G. Jung, CW 14, p. 642 f.
47. Цит. по C.G. Jung, CW 13, J 214. From Gerald Dorn, *Devita Longa* (1583).

Глава 5. Природа духовной алхимии

Даже наиболее практические алхимические тексты могут научить одной величайшей идее о природе имагинальных свершений. Некоторые тексты более касаются внутреннего опыта и того, что можно называть духовной стороной алхимии. Эти тексты имеют определенный тон и акцент, который отличает их от других, особенно в смысле того, как они имеют дело с ролью Божественного и духовного в алхимической работе. Хотя они также говорят о процессах и процедурах, они, тем не менее, явно более заинтересованы в духовной природе работы по сравнению с другими, более практическими писаниями. Более духовные тексты изображают *opus* как мистическое и магическое усилие по направлению универсального влияния (или силы), встречаемого в природе, на сокрытый центр. Это делается для того, чтобы сотворить камень чудесной действенности. После рассмотрения практических процессов в прошлой главе мы займемся исследованием духовного контекста и перспективы, в которую многие алхимики помещали свои процессы.

Модель, извещающая о духовной алхимии, во многом схожа с сущностной моделью алхимии вообще; камень может быть получен из союза определенных противоположностей, таких как сера и ртуть. Затем камень может совершить трансформативный и целительный подвиг. В той или иной степени, сами понятия и цели, мотивирующие алхимиков, являлись духовными. Когда духовный элемент доминирует, есть четыре атрибута алхимического предприятия, которые можно выделить.

Существует дух или божественная сила, сокрытая в природе. В алхимических процессах этот дух может быть выделен, укреплен и использован для расширения

возможностей материального объекта. Этот дух является потенциальным, и большая часть его силы потеряна в материальном мире, где он находит себя. Алхимик должен найти путь освободить его из тюрьмы и, укрепив, поместить в психическую форму, откуда он и происходит. Будучи расположенным в подходящем физическом вместилище, дух не теряет своей силы. В борьбе за освобождение этой духовной силы, алхимики вовлекаются в духовную работу искупления Бога, или, по крайней мере, одного из Его аспектов.

Поскольку дух должен быть расположен в надлежащем вместилище, физическая сторона камня также важна, как и духовная. Это также верно для алхимиков, но наиболее духовно ориентированные среди них подчеркивают духовную природу материи, часто сравнивая её с телом воскресения, или даже телом Христа после распятия. Я склонен думать, что эта сторона алхимии, указывающая на мистицизм материи, духовной перспективы телесного и материального мира заслуживает еще большего исследования.

Многие из наиболее склонных к духовному алхимиков ясно указывают, что работа имеет место в имажинальной реальности, и опирается на силу воображения для своего исполнения. В случаях же где это не упоминается, особые качества материи и духа, с которыми работает алхимик, показывают, что они не чувствовали себя вовлеченными в ординарный мир материальных объектов. Если, например, алхимик создает тело воскресения, то он (или она) не работает с ординарной материей, но с тонкой или психондальной материей.

Наконец, духовные алхимики отвергали поиски золота и едва ли говорили об исцелении. Для них камень создавал мистический опыт и экстаз, предлагая дверь, ведущую к небесному миру. Их цель при создании камня — прямая встреча с Божественным. Эти четыре пункта придают духовной алхимии ее особенность.

Центр сконцентрированной природы

Первый текст, рассматриваемый с этой точки зрения, представляет собой трактат “Центр сконцентрированной природы” (*The Center of Nature Concentrated*), автор которого называет себя Али Пули (*Ali Puli*). Автор якобы является арабским алхимиком, утверждавшим, что работа первоначально была написана на арабском языке, хотя все это кажется маловероятным. Текст опубликовали в 1968 году, и в нем заметно глубокое влияние Якоба Бёме.

Автор начинает с нападок на алхимию и тех алхимиков, чьей целью была любовь к золоту, а не искреннее стремление к истине. Ориентированные на золото алхимики расточали свою жизнь и пренебрегали своими женами и детьми; и все это не приходило ни к чему хорошему. Он напоминает своим читателям, что жизнь коротка, и что они должны “обнаружить свое собственное истинное Я и искать присутствия своей души, которая сейчас жестка как железо, и холода и грязна как свинец...” [1]. Дух Божий, постоянно присутствующий, способен проникнуть и трансформировать душу, и эта трансформация имеет куда большее значение, чем поиск философского камня. Автор вполне сознательно отделяет себя от пустомель и хвастунов, давая понять, что алхимия касается трансформации души, а не металлов. Однако, эти его слова, кажется, скорее подействуют обратным образом. Ведь тех, кто практикует все добродетели и смиренно молится о мудрости, не следует отговаривать от практики алхимии.

Почти каждый алхимик призывает своих читателей быть набожным и вести добродетельную жизнь, которая включает в себя серьезные молитвенные практики. Это порой кажется почти шаблонной формулой без особой энергии или смысла. Али Пули, однако, не только искренне дает формулу, но также раскрывает алхимию как науку о трансформации души. Он определенно имеет в виду природный мир, а не только душу, но воспринимает мир природный как принадлежащий к трансцендентному духовному миру.

Например, работа по сотворению Самости является частью борьбы между Люцифером и Богом. Центральная субстанция — это соль, и перед падением Люцифера соль была центром пустоты, но она загорелась, когда Люцифер попытался возвеличиться светом и сиянием, исходящими из него самого, и тем самым сотворить реальность подобно Богу — ту, в которой бы возвышался сам Люцифер. “Элементарная субстанция, тем самым, изменялась от яркого Природного света к мрачному сумраку, а затем стала эфиром” [2]. Таким образом, творение произошло из схватки между Люцифером и Богом, и в истинно гностической манере Али Пули утверждает, что бунт Люцифера развратил природу и центральную соль.

Природа пребывает развращенной до тех пор, пока Бог не пошлет луч Своего Света в главное ядро соли, способствуя его пробуждению. Люцифер обратил свет во тьму через пыл своего воображения, а Бог искупил этот мир, послав в него Свой Свет.

Всякая вещь в физическом мире Природы может быть понята только через это мистическое состязание между Богом и Люцифером. Акт искупления, таким образом, представляет собой истинную работу алхимика, так как он обнаруживает и очищает дух, который Господь вселил в природный мир. Этот гностический элемент столь же древний, как и сама алхимия, и он получает особый акцент в мистических писаниях Али Пули. Борьба за прирост света и уменьшение тьмы представляет собой истинную работу алхимика, который работает с магической субстанцией, наиболее воплощающей свет — с солью.

Соль представляет собой тайну работы и квази-физический апофеоз света. Соль стала важным элементом в алхимии — по крайней мере, со времен Парацельса, который уравнивал её по значимости с ртутью и серой. Она являлась частью алхимического мира и до Парацельса, но получила большее внимание в результате его исследований. Следуя за Парацельсом, такие писатели как Сендивогий

(*Sendivogius*), Нолл (*Nolle*) и Ле Фебр (*Le Febre*), находили в соли одну из величайших тайн алхимической природы, субстанцию, в которой материя и дух, казалось, соединяются вместе. Юнг резюмировал значение этого образа, когда писал, что соль, как космический принцип, представляла собой “дух, поворачивающий тело к свету (альбедо), искру *anima mundi*, заключенную в темных глубинах моря” [3]. Прежде всего, соль связывалась с центром. Один алхимик пишет, что “соль является центром жизни” [4] и для Али Пули соль как центр наиболее значима.

Среди грязных вод, истекающих из тьмы Люцифера, существует “концентрированная фокальная точка”, которая и есть соль. Эта соль являет собой “Мир Светил” и там, где она распространяется, формируется центр, посредством “круговой пульсации, к которому прилипает Соль, вместе с Божественным Природным Духом и Незримым Дыханием Божественного Предписания” [5]. Соль есть концентрированная фокальная точка Божественного Света, и она эффективно функционирует в Природе и в мире Бога, сотворившего Природу. Соль, в таком случае, также является воплощением света, который Господь послал в мир, но который существует во тьме, сотворенной Люцифером. Будучи активированным, эта фокальная точка, посредством своей пульсации, создает центры, соединяющие в единое целое соль, природный дух и Божественный Мир.

Соль связывается с Самостью, потому что символизирует тайную субстанцию, утерянную в темном материальном мире, и, таким образом, обнаруживается сходство с потенциальной Самостью. Также стоит обратить внимание на то, что соль есть центр всех вещей, как и Самость являет собой центр Психэ. Но соль — это не просто центр; она творит центры посредством своей пульсации, которые затем объединяются в троицу Божественных сил. Такой центр содержит соль, которая “прицепляется” к нему, а также Божественную силу природы и Слово Божье, которое создало эту природу. Соль будет символизировать силу, творящую Самость и за-

тем в Неё воплощающуюся. Божественный свет Природы представляет собой Божественное ядро, обнаруженное в человеческом существе, что формирует часть Самости. Тогда как Слово Божье, существующее за пределами созданной им природы, есть психоидальная Самость. Психоидальная Самость существует за пределами природного мира Психэ, и все же воплощается в нем, как центр, который приходит к бытию через манифестацию соли.

Соль — та сила, что движет Самость от потенциального состояния к проявленному. В то же самое время, она соединяет внутри себя два аспекта Божественного — то, что обнаруживается в Психэ и то, что есть за её пределами. Таким образом, соль есть сила, создающая проявленную Самость. В этом центре человеческое существо обнаруживает не только свою собственную природу, но достигает союза между Светом Природы и Словом Божьим, объединяя Бога внутри души с психоидальным Божеством. Соль создает вторую и третью *coniunctios*.

Духовная алхимия Али Пули обнаруживает сокрытый Божественный зародыш внутри люциферианской тьмы и искупает её. Через процессы искупления соль создает центр, соединяющий человеческую душу и Бога в себе. Поскольку соль содержала центр и Божье Слово даже когда она пала по тьму, её трансформация является в то же самое время искуплением Бога и приумножением Его света. Человек был искуплен, как и Бог.

Али Пули далее развивает природу соли. Это сила, проявляющаяся во всех природных процессах, и таким образом поясняются зачатие и рождение человеческих существ, но все же главная её роль — в качестве центра. Будучи центром, она являет собой “центральную точку, к которой прицеплен и верх, и низ” [6]. Таким образом, она имеет силу и верхнего, и нижнего миров, соединяя природу и дух. Она также источник всей жизни и средств, с помощью которых жизнь поддерживается, ибо без неё мир бы погиб. Поэтому она связывается с понятием *anima mundi*, и яв-

ляется притоком силы Господа, который питает всю жизнь. И она в том числе — *prima materia*, ибо из соли может быть сотворен магический инструмент, “чудесная и превосходная вещь” [7], которая представляла собой образ воскресения и бессмертия, ясно раскрывающий небесного Отца и все тайны природы и духа. Таким образом, философский камень создается из соли.

Стремление к совершенной соли также важно. Соль обнаруживается во всех вещах, но та, что подходит для сотворения камня, прежде всего находится в одной вещи. Али Пули заявляет, что будет говорить без обычных “приукрашиваний” и откроет истину ясным образом. Соль может быть обнаружена в самом человеке. Человек есть величайшая тайна и венец творения, и он также представляет собой “универсальную фокальную точку” [8]. Али Пули уже утверждал, что соль являет собой фокальную точку, так что человеческое существо и соль становятся эквивалентными в этом контексте. Хотя он никогда не говорит об идентичности человека и соли многословно, он переходит к описанию человека таким же путем, каким говорил ранее о соли. Человеческие существа представляют собой не только фокальную точку, но пребывают в “срединной точке между вершиной и бездной” [9]. Али Пули использует те же самые слова для описания соли. Более того, человеческие существа соединены внутри самих себя с вечным Словом Божьим, что существует в вечности, и Словом Божьим, что существует в природе. Очевидно, что человек, как индивид, есть соль (фокальная точка), объединяющая не только высшее и низшее, но два аспекта Божественности, Слово во времени и Слово в вечности. Человеческое я — это центр, соединяющий Бога и все сотворенное внутри себя. Итак, это центр, в котором достигаются второе и третье *coniunctio*.

Соль создает центр всякий раз, когда активизируется, и ясно, что этот центр находится внутри человеческого существа. В алхимическом мистицизме каждое человеческое существо содержит внутри себя потенциальный центр,

погребенный под мерзостями бессознательного и люциферианской тьмы. До тех пор, пока человек живет во тьме и поддерживает люциферианскую инфляцию Эго, Самость не может быть сотворена. Оставив позади отождествление с иллюзией и фантазией, Эго может проникнуть внутрь и активировать пульсирующую силу потенциального центра, инициирующего процессы, приводящие его к манифестации. Проявленный центр соединяет в себе два аспекта Бога, а также человеческую душу. Это становится уникальной возможностью единения с психоидальным миром в третьей *coniunctio*.

Духовность Али Пули придает огромное значение людям, которые и являются тайной солью. Мы являемся венцами всего сотворенного и потенциальными искупителями самих себя и Бога. Мы есть центр Вселенной. Представьте себе, если можете, что значит быть в центре Вселенной! Признайте в себе магическую силу единения человеческого и Божественного миров, воплощения наивысшего и самого низшего, а также совместного соединения двух аспектов Божественного мира. Нет высшей власти и величия, чем человеческая Самость. Это относится не только к одному типу человека, одной расе или религии. Каждое человеческое существо являет собой центр творения — по крайней мере, потенциально. Через этот центр, благодаря процессам внутренней алхимии, каждый мужчина, женщина и ребенок являют собой ядро всей жизни. Представьте себе жизнь в мире, в котором к каждому человеку относятся как к центру жизни и дают человеческой Самости то уважение, которого Она заслуживает. Неудивительно, что величайшим усилием современного мира является освобождение человека от массы и восстановление индивидуального достоинства и чести, которых заслуживает каждый человек. Если наше общество признает потенциал, лежащий внутри тьмы каждой человеческой души и будет тратить свои ресурсы на развитие этого потенциала, наш мир, на самом деле, станет совсем другим. Конечно, этого, вероятно, не случится,

но тем, кто исследует психологию и пытается направить развитие человека, было бы неплохо рассмотреть чудесную природу Психэ, с которой они работают.

Алхимическая духовность показывает человеческое существо как центр бытия, человеческого и божественного, пытаясь развить этот потенциал. Али Пули явно находится под влиянием Якоба Бёме, когда пишет, что Люцифер восстал через силу воображения, как это сделали Адам и Ева. В главе о воображении я писал о том, что Бёме понимал воображение как величайшую силу, способную и на добро, и на зло. Благодаря ей Адам и Ева были изгнаны из сада, но сила воображения осталась сокрытой в их душе. На самом деле, далее Али Пули пишет, что воображение представляет собой “фокальную точку всякой вещи”. Эта фраза должна быть уже знакома читателю. Соль есть фокальная точка, человеческое существо есть фокальная точка и воображение есть фокальная точка. Через фокальную точку воображения, “все вещи в мире должны подчиниться ему [человеческому существу]” [10].

Человеческое существо владеет истинной солью, из которой создается камень. Камень является центром, соединяющим душу с Божественным миром. Соль, как процесс, благодаря которому проявляется центр и его сила, представляет собой воображение. Соль, как воплощение Божественного, является центром и имагинальной силой центра, через который всё достигается. Все вещи во Вселенной подчиняются воображению Самости. Воображение столь могущественно, что именно через него случается падение, но посредством него же происходит и искупление. Как только центр искуплен, сила воображения начинает давать свет, становясь безвредной, раскрывая тайны жизни.

Алхимическая духовность соединяет силу воображения с центром души, представляя человеческую Самость, которая доминирует над всем и соединяет не только человеческое и Божественное, но также и два аспекта Божественного. Конечная мистерия такой духовности — это сам человек:

“Я говорю вам, мои ученики в исследовании Природы, что если вы не найдете вещи, которую ищете, в своем собственном я, то тем более не найдете её вне себя. Поймите великолепную обитель силы внутри самих себя. Зачем искать в другом? В Человеке, названном в честь Господа, присутствуют вещи, более великолепные, чем можно обнаружить во всем мире. Если кто-то желает стать мастером, ему не найти лучшего материала для своего достижения, чем внутри самого себя” [11].

Человеческое существо имеет внутри величайшую силу и тайну, обнаруживаемую во всем творении. Мы содержим центр Вселенной и имагинальную силу для познания и переживания всех вещей. Шедевр алхимии (а также Юнгианской духовности) — это человеческая Самость. Самость представляет собой способность пробудить центр Психэ, а также психойдные миры, ибо она может обвенчать два парных полюса Божества: Слово в Психэ и Слово за её пределами. Соль, благодаря которой совершается работа, есть человеческое воображение, центр жизни.

Золотая борона истины

Существует еще одна тема в алхимии, которую можно было бы назвать духовностью тела. Алхимики всегда считали, что работа должна не только освободить дух, но воплотить его в физической форме, которая трансформирована столь глубоко, что телесность становится совсем иного порядка. Мало того, что изменяется природа тела. Оно также приобретает бессмертие или, по крайней мере, долговечность:

“Тело будет радоваться с Душой, и Душа будет радоваться с Телом и Духом, а Дух будет радоваться с Телом и Душой, и все они неподвижны вместе, и пребывают друг с другом, где Жизнь будет бессрочной и бессмертной без разделения когда-либо” [12].

Сложное взаимодействие между телом и духом в духовной алхимии заслуживает куда большего исследования, чем имеющееся, но я могу только просмотреть эту тему здесь.

Критерий алхимической духовности — это её настойчивое требование партнерства между телом и духом. Алхимики понимали это партнерство различными путями, но равномерно настаивали на этом. В одном из наиболее интересных текстов, утверждая материальность камня, Роберт Фладд³¹, известный эзотерический писатель и провидец XVII-го века, выступал против метафорического рассмотрения камня. В “Золотой бороне истины” он представляет духовный взгляд на камень, в то же время настаивая на том, что камень имеет тело. Он называет камень “крепостью любви и храмом мудрости, земным сыном философов, который также является сосудом Божественной эманации, как небесного” [13]. В то же время, он сравнивает его с телом воскресения, чудотворным телом, появляющимся, когда дни сочтены. Более того, это то самое тело, которое имел Христос после распятия, и которое он имел при кратком возвращении в этот мир. На самом деле, для Фладда Воскресший Христос представляет собой образ камня, как физической субстанции. В воскресшем Христе тело и душа сплетаются в едином целом, побеждающее смерть [14]. Как же, спросим мы Фладда, можно называть такое тело? Оно нематериально, потому что духовно? Скорее всего, Фладд ответил бы, что актуально и то, и другое одновременно. Более того, он утверждает, что тело и дух несильно отличаются, различаясь только утонченностью и чистотой. Поэтому если мы отрицаем материальность камня, то отвергаем воскресшего Христа. Скорее, он состоит из “божественного и совершенного духа и тела, возвышенность от плотского к чистому и духовному бытию, от морали к бессмертию, и, будучи образцом Христа Воскресшего, оно должно умножать свою силу бесконечно” [15].

Тело не остается вещественным, но достигает нового уровня бытия, чистого и духовного существования, все же будучи телом. Суфийские алхимики также говорили о нем,

³¹Роберт Фладд (англ. *Robert Fludd*, 1574–1637) — английский врач, философ-мистик, алхимик и астролог.

как о теле воскресения. Шейх Ахмад Ахса I (*Shaikh Ahmad Ahsa I*) утверждает, что алхимические операции никогда не происходят с физическими субстанциями, но телами, которые являются духовными:

“Вот о чем философы говорят: определенно это есть тело, но его действия и процессы духовны. Так что уверьтесь в значении того, какое чудо здесь описывается. Ведь этот вид вещественности есть именно чудо, характеризующее духовное тело тех, кто жил в раю” [16].

Он связывает такие тела с имагинальными формами, помещенными внутри имагинальной реальности. Таким образом, тело камня не является физическим в привычном смысле этого слова, но есть тело с формой и телесными атрибутами, но в то же время духовным.

Фладд продолжает выражать духовный алхимический взгляд, что дух становится потерянным в материи и испытывает потребность в искуплении. Искупление случается, когда алхимик освобождает дух, сокрытый в материи и соединяет его с чистыми духами воздуха. Затем он соединяет трансформированный дух с очищенным телом, создавая единство тела и духа. Тело является не только физическим, но и духовным. Это он обозначает как воскресение — результат, в котором материя “трансмутруется в природу нетления и бессмертия” [17].

Юнг интересовался взаимосвязями между телом и Психэ, не только как врач, касающийся проблем исцеления, но также как теоретик, пытающийся понять природу реальности. Насколько мне известно, он никогда не предлагал ясного утверждения своих взглядов по этому поводу, но ставил вопрос о возможности того, что в другой сфере опыта, тело и дух могут быть одним и тем же:

“Мы не знаем, тождественно ли в некоем Неведомом, выходящем за пределы нашего опыта, то, что мы с эмпирической точки зрения считаем физическим с тем, что по эту сторону мы отличаем от физического как психическое. . . . Как раз потому что психическое и физи-

ческое взаимозависимы, часто считалось, что они могут быть тождественны за пределами нашего настоящего опыта” [18].

Юнг использовал слово “Психэ” там, где алхимики сказали бы “дух”, но они не всегда взаимозаменяемы. С моей точки зрения, рассматривающей дух как имагинальную силу и выражение, единение физического с духовным подразумевает союз физического и имагинального, а также — сотворение имагинального тела. Озабоченность алхимиков исцелением приводит к исследованию воображения как укрепляющей силы. Их исследование путей, которыми дух и тело перекрываются и взаимодействуют, также подводит их к формулированию теорий воображения как тонкого тела.

Алхимия направлена на соединение материи и духа, благодаря чему тело становится духом, а дух становится телом, создавая союз противоположностей, освобождающий тело от уз смерти. Камень, как единение противоположностей, конечно, представляет собой тело, и все же это тело невещественно. Не существует ни одного слова для описания этого нового типа тела, но оно может быть названо телом воскресения и тонким телом. Я бы назвал его психоидным телом, ибо, по определению, оно представляет собой союз тела и духа.

Применение понятия психоидного тела к Самости и воображению открывает множество возможностей для исследования. Ранее я уже писал об опыте, в котором я был одновременно в кровати в физическом теле и на вершине горы. Когда я был на горе, я ощущал себя в теле — таком же реальном, как то, что лежало на кровати. В другом опыте я пришел к пониманию, что это тело было отличным от физического, оно не подлежало нормальным физическим ограничениям или барьерам ординарной жизни. Оно могло плавать, мгновенно изменять местоположение и тому подобное. Тем не менее, во всем остальном я чувствовал воплощенность. В таких переживаниях имеет место

психоидальное тело, тело проявленной Самости, где Она обитает. Мне кажется вполне возможным, что в момент смерти человек может осуществить сдвиг из ординарного тела в психоидальное.

Как я уже отмечал, эти вещи исследовали очень мало. Даже один разговор о них вызывает проекции, которые, мягко говоря, некомфортны. Требуется большая смелость для того, чтобы говорить о психоидальном и телесном психоиде в нашем обществе, и полное сопротивление этим идеям делают дискуссию затруднительной. Однако, есть несколько человек, которые говорили и писали об этом с юнгианской точки зрения.

Доктор фон Франц написала интереснейшую работу о сновидениях и смерти, где она предполагает, что проявленная Самость может пережить смерть. Более того, она поддерживает возможность того, что души умерших также могут появляться в сновидениях. В своем введении к этой работе Эммануэль Кеннеди-Хиполитас (*Emmanuel Kennedy-Hypolitas*) поясняет, что такие сновидения (которые могут быть названы психоидальными), “имеют интенсивное эмоциональное воздействие на сновидца и характеризуются уникальным, неопишуемым чувством прикосновения вечности” [19]. Любой, у кого хотя бы однажды было такое сновидение, знает, что там имеется уникальное чувство, отличающееся от любого другого сна.

В своем исследовании, доктор фон Франц приходит к выводу, что проявленная Самость имеет силу пережить смерть:

“Только сознательная реализация Самости — которая, как духовный пастор всех биологических и психологических событий, представляет окончательное единство всех архетипов — и, по-видимому, является тем, что не может быть утеряно даже в смерти” [20].

Сотворение проявленной Самости, которая соединяет всех архетипы в едином союзе, открывает дверь в вечность, ибо Самость имеет такую силу и стойкость, что

даже сама смерть не может ослабить её сознание. Это как если бы Самость, будучи манифестированной, приобретая психоидальное измерение. Это может быть приобретением психоидального тела при проявлении. Это, являясь частью проявленной Самости, переживает эту стадию как вхождение в своё собственное бессмертие.

Барбара Ханна (*Barbara Hannah*), студент Юнга и близкий друг фон Франц, незадолго до своей смерти говорила о природе тонкого тела. Она предположила, что бессознательное связано с построением тонкого тела духовной природы. Она говорила о многочисленных сновидениях, указывающих на продолжение жизни после смерти и утверждала, что через пристальное внимание к Самости, практик может пережить “собственную особую смерть, которая будет короновать, а не рвать на части нашу жизнь” [21].

Эти два юнгианских аналитика писали о смерти и бессмертии ближе к концу своих жизней, после того, как прожили с Самостью много-много лет. Должно быть радостно для всех нас, что их длительный опыт индивидуационного процесса даровал им такое твердое чувство бессмертия Самости. Такая убежденность не будет сюрпризом для алхимиков, ибо они видели в камне ключ к бессмертию, а в его сотворении — секрет вечной жизни:

“Приближайтесь же, сыновья Мудрости и возрадуйтесь; давайте радоваться вместе; ибо власть смерти закончилась и сын правит, и облачен он в красное одеяние, и в пурпур” [22].

Духовная алхимия воспринимает тело как нечто такое, что может быть трансмутировано через единение с духом, и твердо верует, что такая трансмутация может сотворить тело воскресения, вечное тонкое тело, благодаря которому власть смерти будет навсегда прервана. Возможность для нас выйти на уровень бытия, создающий новое и бессмертное тело, должна стимулировать наш интерес и побуждать к более глубоким исследованиям этих имагинальных переживаний.

Золотой Тракта́т Гермеса

Так как алхимики могут переживать камень как внутреннюю фигуру, живую сущность некоторого рода, само собой возникает вопрос об их взаимоотношениях с камнем. Камень представляет собой фигуру, обладающую большой магической силой, и всякий раз, когда такая сила вовлекается во взаимоотношения, одна из возникающих проблем заключается в том, кто эту силу контролирует. По большей части, алхимики рассматривают взаимоотношения с камнем как партнерство, без непоколебимых и фиксированных правил поведения, и без превосходящего положения кого-либо из партнеров. Любовь представляет собой важный элемент в алхимическом процессе, который не должен упускаться из виду. Существует множество отсылок к Купидону, Венере и принципу любви, представляемому ими. Без сомнения, алхимики любили камень, и вполне вероятно, что большая часть их сексуального и брачного символизма указывает на эту эмоциональную связь с камнем. Такие отношения являются важной частью духовной алхимии. Один алхимик изобразил камень, говоря об этом следующим образом:

“Защити меня, и я буду защищать тебя. Даруй мне меня самого, чтобы я мог помочь тебе. Моя Соль и мои лучи наиболее обращены внутрь и являют тайну во мне. Моя собственная Луна, также, есть мой свет, превосходящий любой другой свет; и мои благие вещи, которые лучше, чем все другие хорошие вещи; Я дарую свободу и награждаю разум радостью и весельем, благостью, богатствами и прелестями; и я даю им знание и понимание о том, что они просят, и наделяю божественными вещами” [23].

Камень просит помощи у алхимика и обещает помочь ему в возвращении. В частности, он просит о защите, что указывает на интересную динамику в отношениях между Эго и Самостью. Я вспоминаю одного аналитика в Цюрихе, сославшегося на Эго как на телохранителя Самости. Этим он имел в виду, что существует время, когда Эго должно

защищать Самость от вредных воздействий, или Самость действительно может быть повреждена. На самом деле, существует, по крайней мере, три периода, в течение которых Самость чрезвычайно уязвима и требует защиты Эго.

В начале работы Самость находится в потенциальном состоянии. Без вмешательства Эго Она останется в таком состоянии бесконечно. Самость требует помощи Эго для трансформации и без него никогда не реализует свой потенциал. Защита Эго в этом случае означает то внимание, что Эго уделяет Самости и Её процессам, а также готовность стойко пройти все требуемые переживания. Хотя Эго не может заставить произойти трансформационные операции, все это все же не будет происходить без усилий Эго и его бдительности. Эго обязано защищать Самость и инициировать (и поддерживать) процедуры, которых Она отчаянно требует.

Есть также моменты, когда внешний мир относится к практику с неприязнью и критикой, и если Эго идентифицируется с такими внешними мнениями, оно может отказаться от своей Самости, или позволить чужим мнениям препятствовать Её развитию. Эго может даже отбросить работу, что была проделана, если результаты не соответствуют внешним требованиям. В детстве внешние влияния настолько доминируют, что если жизнь ребёнка проходит во враждебной и оскорбительной среде, Самость исчезает. Это подобно Её уходу в подполье, ибо Эго ребенка недостаточно сильно для того, чтобы обеспечить Ей защиту. Я часто слышал о сновидениях людей, проходящих анализ, которые рассказывали сны о трупах в холодильниках, или детях, спрятанных в ящиках или на чердаках. Самость, спрятанная с намерением самозащиты, может выйти тогда, когда Эго берет на себя работу по обеспечению Её безопасности.

Бывают также случаи, когда враждебным оказывается внутренний мир индивида. Если комплекс не контролируется (или архетип констеллирован), Эго должно дать гарантию, что они не изживут или не повредят Самость. Если,

например, человек только начинает сообщаться с внутренней фигурой, персонифицирующей малую часть Самости (такую как творческий талант), и возникающий комплекс порочит и отклоняет этот талант, внутренняя фигура может быть отброшена назад в бессознательное. Она может более никогда не появиться, или же сделать это гораздо позже. В такой ситуации, комплекс блокирует проявление этого аспекта Самости. Я знаю много талантливых клиентов, которые никогда не развивали свои способности из-за того, что их внутренний критик суров, что они боятся произвести худший результат. Критик мешает проявлению Самости. Эго следует защитить себя от таких внутренних атак, изолировав себя от влияния комплекса. Хотя критик атакует с беспощадной свирепостью, Эго должно двигаться вперед, несмотря ни на что. Если Эго достаточно храбро, чтобы продолжать свою творческую работу, несмотря на бесконечные придирки критика, Самость становится сильнее. В конце концов, обретается сила, подрывающая критика.

В других случаях, архетип может ассимилировать образ Самости в себе, “загрязняя” Её и препятствуя персонификации уникального в личности. Я вспоминаю случай, когда женщина получила понимание о своей собственной духовной жизни и много писала в своем дневнике о духовном пути. Как это почти всегда бывает, активировался архетип искупителя и сразу ассимилировал новые содержания, которые появлялись. Клиентка чувствовала себя вынужденной учить мир своему великому прозрению, хотя она даже никогда не пыталась жить с ним сама. Вся энергия, которая должна была пойти на её собственное развитие, пошла, вместо этого, на разработку способов обучения этому другим. Преподавание — это хорошая вещь, но в правильное время. Своё собственное прозрение и знание сперва требует интеграции, или работа, требуемая Самостью, никогда не будет исполнена.

Эго должно развивать определенные навыки, которые позволят ему защитить Самость. Ему следует учиться до-

верить своему внутреннему видению и чувству вещей. Оно должно развить такие глубокие взаимоотношения с Самостью, чтобы быть готовым противостоять любым предложениям или давлению, лишаящим его этой взаимосвязи, растущей между ними. В то же самое время, Эго следует развить такую чувствительность, которая может определить малейшую атакующую и мешающую силу из внешнего или внутреннего мира. Такие навыки и отношения требуют время для развития, и наиболее легко проходят через работу активного воображения с внутренней фигурой, воплощающей Самость. В какой-то момент индивидуационного процесса, практик достигает твердой и ясной решимости, что ему следует чтить Самость независимо от последствий, и что Её защита и выражение более важно, чем все остальное, даже чем сама жизнь.

Камень также обещает свою защиту. Бывают времена, когда Самость становится защитником Эго, возвращая расположение, которое Ей оказало Эго. Эта защита может проявляться множественными путями. В первую очередь (и, возможно, это самое главное), Эго находит в Самости друга и доверенное лицо, внутреннего партнера, чье ободрение и поддержка никогда не угасают. Есть моменты в жизни, когда индивид должен выйти за пределы прошлых границ, или рискнуть всем в надежде на развитие, и чувство внутренней поддержки и дружественного присутствия может оказаться решающим в выборе между попыткой и отказом от нее. Когда Самость вырастает и Эго укрепляет взаимоотношения с Ней, Она может вселить в Эго такое чувство любви и безопасности, что никакая опасность не страшна. Вспомните те моменты вашей жизни, когда доброе слово или любящий жест помогли вам мужественно встретить поражение или рискнуть заслужить осуждение тех, о ком вы заботились, в надежде стать самим собой. Когда Самость проявляется как внутренняя фигура, с которой можно связаться, доброе слово и любящий жест становятся легко доступными. Я никогда не видел Самость убирающей чью-то

боль или минимизирующей чей-то риск, ибо такой опыт является сырьем индивидуации, но я несколько раз видел Её сопровождающей Эго через его темный проход. Наличие такого компаньона делает терпимыми даже глубокие потрясения, и темная ночь становится чуть более яркой. Любовь и дружеское отношение Самости есть основные способы обеспечения Ей защиты Эго.

Есть и другие формы защиты. Эго, столкнувшееся со сложной и трудной ситуацией, может получить прозрение, когда это необходимо, или получить опыт синхроничности, открывающей дверь, ранее закрытую для него. Может присниться сон (или быть получено видение), дарующий нужное решение. Тысячами путей, Эго может пережить чудесный поворот событий, который еще раз сделает путь проходимым. Было бы неправильно говорить, что Самость является причиной возникновения этих вещей, ибо казуальность может оказаться концепцией, неприменимой к таким ситуациям, но определенно представляется, что Она устраивает вещи таким образом, что они оказываются на благо Эго. Чем более глубокие отношения с Самостью были установлены, тем более часто удачные синхронии имеют место быть. Это не означает, что Эго всегда получает то, что хочет, но оно получает лучшее для себя и то, что необходимо для индивидуации.

Однажды в Цюрихе я дошел до момента, когда весь мой капитал иссяк. Я не знал, могу ли остаться и хватит ли денег на еду. У меня оставалось 10 франков, и я рассказал аналитику о своей несостоятельной ситуации. Он попросил передать деньги ему и поджог их. “Сейчас”, сказал он, “вы действительно свободны”. Я не был совсем уверен в своих чувствах по поводу этой свободы, но все же знал, что остается только довериться. На следующий день я получил три звонка от частных лиц, все они хотели начать со мной анализ. Денежный кризис исчез и больше никогда не возвращался. Совпадение? Невозможно доказать, что это было оно, но я определенно чувствую это. Я чувствовал, что

Самость защищает меня, так как я продолжал свои поиски самопознания.

Далее камень провозглашает, что обладает Солью и Лунной внутри себя, что светятся и являются чудесными. Он обладает славой и богатством, превосходящими все другие хорошие вещи, а его награды не похожи на все остальное. Как объединитель противоположностей, Самость содержит свой собственный свет сознания и осознанности, а также силу и творчество воображения. Она свободно предлагает свои дары Эго, имеющему с Ней взаимоотношения. Алхимики также радостно прославляют дары Самости. В то же самое время, они из всех сил стараются выразить природу взаимоотношений с камнем. В “Rosinus ad Sarratantam Episcopum” алхимик, называющий себя Розинусом, пишет:

“Камень пребывает ниже тебя, подобно покорному; над тобой, подобно господину; внутри тебя, подобно знанию; возле тебя, подобно равному. . . . Этот камень есть нечто, что более фиксировано в тебе. . . . сотворенный Господом, ты есть его драгоценный металл, и он извлечен из тебя, и где бы ты ни был, он остается неразрывно с тобой” [24].

Этот отрывок изображает сложный и запутанный образ взаимоотношений между Эго и Самостью. Самость повинуется Эго, и все же правит Эго, ибо Она подчиняется его желаниям и все же доминирует над ним. Это парадоксально, поскольку хотя Самость есть сила во много раз превосходящая Эго, Она наиболее часто довольствуется следованием за Эго, если его поведение исходит из сердца. Есть много ситуаций, когда Эго должно принять решение, глубоко влияющее на его жизнь, и часто оно предпочитает ждать, чтобы узнать что будет в сновидении или активном воображении. Но есть ситуации, когда Самость замолкает и отказывается отвечать. Недавно я видел клиента, который ушел в отставку для того, чтобы жить более внутренней жизнью. Его старая компания решила, что не сможет выжить без него и попросила вернуться на очень выгодных

условиях. Он не знал, что делать, чувствуя себя обязанным старым друзьям и коллегам, но тянулся к новой жизни, которую создавал. Он не мог получить информацию из своих сновидений или активного воображения, и, в конце концов, внутренняя фигура, воплощающая Самость, просто сказала: "Ты должен идти". В конце концов, он решил отказаться от предложения и жить со своими новыми интересами. Через несколько месяцев стало очевидно, что это решение стало поворотным моментом в его внутренней работе. Он не только ознаменовал целый новый уровень совершенства с этой своей новой частью, но также пришел к тому, что его опыт Самости возрос и по частоте, и по глубине.

Эго должно принимать ответственность за свою собственную жизнь и выбор. Иногда ему следует отказать наставничеству и следовать внутреннему голосу, но такие случаи обычно бывают тогда, когда оно занимается излишним контролем или еще не установило партнерство с Самостью. Чаще всего, как только была установлена связь в той или иной степени, Эго обнаруживает себя в позиции своего собственного выбора. В целом Самость является сущностью для следования. Однако, требование заключается в том, что Эго должно истинно следовать своему сердцу, а не голове или чужим призывам. В примере выше, клиент совершенно ясно знал, что не должен возвращаться к работе, но чувствовал обязательство. Выбор следовать своим чувствам был наиболее важной частью решения, ибо Самость всегда поддерживает истинные чувства. Если бы этот человек возвратился к работе, не считаясь со своим истинным желанием, Самость, возможно, начала бы сопротивление. Парадокс заключается в том, что истинные чувства, к которым Эго следует обращаться при принятии решений, вероятно, так или иначе, исходят от Самости. Тем не менее, акт выбора чрезвычайно значим, и Эго следует быть в этом ответственным.

Эго должно сделать выбор, но Самость имеет власть. Иногда я слышал, что Самость называют правителем, а Эго

министром, исполняющим его команды, но это слишком упрощенный образ. Как я уже упоминал, Эго часто должно сделать выбор с блаженной поддержкой Самости и поддерживать этот выбор. Владычество Самости более подобно любовнику или близкому другу, для которых мы бы сделали что угодно. Любовник не контролирует нас (или выдает команды), но нет ничего, чего бы мы не могли сделать для него или неё. Владычество Самости есть любовь, а не власть, и это устанавливает авторитет любви и радости, на базе взаимного сотрудничества. Тем не менее, также верно, что Эго, которое отказывается следовать внутренним побуждениям Самости (или ищет своей собственной индивидуации), часто переживает неблагоприятные реакции. Если любовь отвергается слишком долго, власть вполне может заявить о себе. На глубинных стадиях единения, Эго и Самость находятся в такой гармонии, что невозможно определить кто что изволит, а кто что исполняет.

Рисунок 23 изображает Соль и Луну в единстве. Камень в цитате отсылается к своей внутренней Соли и Луне, сияющей внутри него. Самость представляет собой единение короля и королевы, сознательного и бессознательного. Она стоит на побежденном драконе, представляющим хаос в начале работы. Пять корон есть отсылка к квинтэссенции, образу абсолютного единства (а также символу владычества Самости). Крылатая сфера, на которой стоит двуглавое существо, представляет собой пробужденный и жизненный центр, Самость в своей собственной сути, что персонифицируется в короле и королеве. Сцена абсолютного единства, переданный в этой эмблеме, включают Эго. Индивид может легко взять голову короля, что есть Самость, или королеву, что есть Эго или наоборот, ибо Самость и Эго находятся в единстве. Эго никогда не теряет своего чувства идентичности и отделенности; оно сохраняет свою собственную голову, но ощущает себя одним целым с Самостью. Самость также никогда не теряет своей отделенности, сохраняя свою



Рисунок 23. Единение солнца и луны в существе, обозначающем сотворение философского камня. Эго и бессознательное объединены настолько, что формируют проявленную Самость, которая представляет собой личность с двумя головами или центрами сознания. Она стоит на драконе, побеждая хаос, существующий в начале работы. Крылатая сфера есть пробужденный и жизненный центр, Самость в своей сокровенной сути, персонифицированной в короле и королеве. Пять корон отсылают нас к квинтэссенции, числу абсолютного единения (Из Дж.Д. Милиус, "Philosophia reformata", Франкфурт, 1622).

голову. Вместе они стоят по центру, который есть общая земля, из которой они оба проявлены.

Самость стоит в стороне от Эго в терминах знания, но в остальном они равны. Самость, в сохранении своей идентичности, существует как внутренняя фигура, с которой Эго может взаимодействовать. Внутренняя фигура воплощает силу и чувство центра на которой стоит; она

также включает в себя всю мудрость бессознательного. Поскольку коллективное бессознательное представляет собой резервуар знаний, Эго может консультироваться у Самости по любой теме и ожидать информирования. Самость есть вдохновенная персонификация абсолютного знания. Однако, склад знаний, предоставляемый Самостью, не является интеллектуальным. Самость редко выдает какие-либо теоретические объяснения; она познает провидческим и чувственным путем, передавая знание через непосредственный опыт. Если у меня есть вопрос о смысле жизни, или вопрос о конкретных взаимоотношениях, в которых я чувствую зависание, я могу попросить Самость о помощи. Иногда эта помощь будет происходить в форме диалога, в котором Эго и внутренняя фигура обсуждают аспекты вопроса, но более глубокое объяснение всегда приходит в виде прямого проблеска в познании или имагинального переживания, которое раскрывает скрытое решение проблемы.

Поскольку Самость, как бы глубоко я не взаимодействовал с Ней, стоит отдельно от меня, я всегда могу связаться с Ней и войти в диалог. Таким образом, Её мудрость оказывается в моем распоряжении. Но автор "Rosinus" указывает, что алхимик и камень также равны. Равенство Самости и Эго отсылает к необходимости того, чтобы каждый партнер был для другого. Эго, знает оно это или нет, всегда жаждет партнерства со своим внутренним другом, и никогда не найдет истинного удовлетворения без некоторой формы единения с ним. То же самое верно и для Самости, не только потому, что Она никогда не проявится без Эго, но также из-за того, что Она тоже жаждет взаимоотношений. Самость не только ищет своего собственного выражения; Она также пребывает в поисках своей любви. Ни Эго, ни Самость никогда не могут быть полноценны в одиночку, ибо каждый из них находит целостность в объятиях другого.

Эго не служит Самости, также как Самость не подчиняется контролю Эго. Они есть равные партнеры, что функционально подобно двум головам с одним сердцем. Они

помогают друг другу выразить призыв этого сердца, и соединяются в созданных им чувствах. Внутренняя фигура, которая есть Самость, и Эго, смотрят друг на друга как две половинки единого целого, взаимодействуя друг с другом. Внутренняя фигура является Самостью в имагинальном мире, и поэтому имеет мудрость и силу превосходящие Эго. Однако, Она все же рассматривает Эго как равное, ибо в великом жизненном приключении, жизнь представляется через целостную личность, где Эго равноправно с Самостью.

Розинус также замечает, что человеческое существо является драгоценным металлом, из которого возникает камень. Это есть принцип доктрины духовной алхимии, касающийся человека, который есть начало и конец делания, и превращения души, являющейся сущностной частью *opus*. Кроме того, камень никогда не ставится отдельно от алхимика, но "остаётся неразделим с тобою". После того, как Самость возникла из темных вод бессознательного, Она из всех сил старается сохранить свою центральную позицию, стать фиксированным и неизменным внутренним присутствием. Как только человек достигает второго уровня единения, Самость всегда присутствует и никогда не покидает Эго. Эго может сосредоточиться на Самости по желанию и никогда не теряет чувства, что Самость с ним неразрывна.

То, что я говорю о Самости, также верно и о союзнике. Когда достигается третья *coniunctio*, Эго обнаруживает равного партнера и любовника, Самость психоида, индивидуальную форму Божественности, что входит в союзе с центром Психэ. Персонифицированная форма или Имя Бога, доминирующее в Психэ как прежде проявленная Самость, увеличивает силу человеческого центра. Когда воплощение происходит в третьем уровне единения, Божественное становится внутренней фигурой, связанной с Эго в той же степени знакомства, любви и партнерства, как и проявленная Самость. С перспективы Эго, Самость, как третий уровень, становится живым Богом, и мистическая природа алхимической работы сияет во всей красе. Особо

на данном этапе работы следует отметить то, что алхимики переживают экстаз Божественного воплощения:

"Сейчас это каменная форма, подготовленный эликсир жизни, рождения любви дитя или дитя любви, завершение нового рождения, и работы, дарующей целостность и совершенство: О, чудо из чудес!" [25].

Экстатический тон этой цитаты очевиден. Алхимики создавали и переживали третью *coniunctio* в состоянии экстаза, которое почти невозможно описать. Когда дух Божественного входит в Психэ (не как гость, а как постоянный житель), психическая жизнь меняется навсегда. Всякий раз, когда Эго устремляет взор на своего нового гостя, оно мгновенно входит в измененное состояние сознания и восприятия, чувствуя вечную радость и экстаз, который ничем не уменьшить. Хотя должен признать тщетность попыток выразить это состояние в словах, тем не менее, важно хотя бы попытаться представить возможность, редко выпадающую большинству людей. Как я упоминал ранее в этой главе, каждое человеческое существо является центром космоса. Каждый индивид имеет возможность достичь некоторой степени единства с Самостью, и у каждого есть, по крайней мере, потенциал для достижения третьего уровня. Следующее обсуждение следует рассматривать как обсуждение постижимого (и, пожалуй, малоизвестного), состояния человеческой Психэ.

Автор восторженно прославляет рождение любви ребенка или ребенка любви, что является отсылкой к важной роли любви в создании единения с Самостью на любом достигнутом этапе работы. Но эта работа приводит к рождению ребенка, который является внутренней фигурой, воплощающей Божественный дух и проявленную Самость третьего единения, и этот ребенок создается путем любви и благодаря ей. Духовная мысль часто подчеркивает любовь между человеческим и Божественным партнерами, и алхимический мистицизм не исключение. Несмотря на зачистую сухие

отсылки к процессам и сосудам, алхимия также касается любви и единения, ей порождаемого.

Автор этой цитаты переходит к обсуждению дитя любви более детально. Оно имеет душу, тело и дух. Оно соединяет внутри себя качества Отца, Сына и Святого Духа, “ровно все эти трое, в одном фиксированы и в вечной сущности, и бытии” [26]. Отсылки к числу 3 и разнообразию трех аспектов, которыми обладает Сын, указывает на важность этого числа в алхимии. Аллюзия на Троицу достаточно специфична в этом и других алхимических текстах, так как автор устанавливает сравнение между камнем и Богом. Камень есть Божественное существо, воплощающее Сына, Отца и Святой Дух.

В обсуждении раннего изображения в серии из “Книги Ламбспринга”, я указывал, что три фигуры — отец, его сын и ангельское существо — символизируют три аспекта Самости, которые приходят к бытию в третьей *coniunctio*. Текущая цитата использует точно такую же образность для обозначения этого состояния. В разуме алхимиков камень воплощает каждый аспект Божественного, и является сам по себе персонификацией Троицы. С точки зрения Юнгианской модели, Отец будет символизировать проявленную Самость, Сын же — есть *filius* (или личностное выражение Бога, который соединяется с Самостью), а Святой Дух — трансцендентную функцию (или имагинальную силу духа), создающую дальнейший рост и трансформацию.

Текст также утверждает, что эти трое соединяются в одной форме, “в одном фиксированы и в вечной сущности, и бытии”. Так как тайна Троицы заключает в себе бытие трех или все же одно, то камень соединяет три аспекта Божественного в одной фиксированной сущности. Самость одна, но соединяет в себе человеческий и Божественный центры, а также имагинальную силу, которая сильно умножается с его формированием. Одна внутренняя фигура, предоставляемая Самостью, может поэтому воплотиться в проявленной Самости и Божественном основании

бытия. Когда эта фигура приходит к бытию, Она соединяет внутри себя человеческий и Божественный центры, имея духовную способность представлять себя для Эго в одном имагинальном опыте за другим. Индивидуальное Эго, которое практикует активное воображение с такой фигурой, находит себя в мире экстаза и глубокого видения, ибо вечное и бесконечное разнообразие Самости отображает Её внутреннюю природу в самых разнообразных формах. Единственная работа, остающаяся на данном этапе, это знание миллиона ликов Бога, так как они проявляют себя в имагинальной реальности, и навсегда углубляют связь отношений и любви, соединяющей Эго и Самость.

Духовная алхимия видит в сотворенном камне воплощение Бога и трансмутацию человеческой души. Далее текст утверждает, что “человек рая стал чистым как прозрачный алмаз, в котором светит насквозь Божественное солнце, подобное злату” [27]. Трансформированная душа подобна ясному стеклу, через которое светит Божественная сущность, так что душа становится открытой для Господа, и никаких преград не существует между ними. Это есть золото, которое алхимики пытаются создать — очищенная и регенерированная человеческая душа, улучшенная до точки кристалльной прозрачности, становится домом для Божественного сияния. Более того, человеческое существо становится “человеком рая”, ибо с достижением третьего уровня союза мы обнаруживаем себя в раю, ибо рай есть то, где свет Бога светит без помех. Рай души находится внутри, и душа причастна к этой реальности, что бы ни происходило во внешнем мире.

Для алхимиков нет лучшего способа выразить достижение третьей *coniunctio*, чем сравнить это с раем. Например, Никола Фламель писал, что камень возносит человека до имперских небес [28], тогда как Сендивогий колко замечает, что больше не удивляется тому, “как это было однажды, что истинный мудрец, хотя и владеющий камнем, не желал продлить свою жизнь; ибо он ежедневно видел небеса перед

глазами, так же как вы видите свое лицо в зеркале” [29]. Когда Самость полностью пробуждается и соединяется с Божественным центром, возникает такое блаженство и экстаз внутри человеческой души, что никакими идеями о рае можно далее не увлекаться. Рай — это единение с живой Самостью.

В тексте говорится о том, что душа, живущая с Самостью в этом смысле “может сделать себя такой, какой она изволит, быть. . . . И то же будет в вечной и непогрешимой Божьей воле”. Душа освобождается от ограничений, которые прежде пленяли её, ибо получает полный доступ к силе воображения. В единении с Самостью, сосредотачивающей в себе огромную имагинальную способность, Эго может принять участие в безграничном имагинальном опыте.

Я не знаю границ, способных обуздать воображение. Оно может лечить тело, открыть тайны Божественной истины, трансформировать личность, воплощать Бога и открывать миры бесконечного разнообразия и потенциала. Возможно, существуют пределы того, чего оно может достичь, но я не обнаружил их. Эго в единении с Самостью имеет силу, способную играть, сотворять, формировать и направлять жизнь. В этом смысле, воля Эго ничем не отличается от воли Бога, ибо единение столь глубоко, что то, что один изволит, совпадает с тем, что желает другой. Не следует предполагать, что Эго использует эту власть для собственного возвеличивания и материальной выгоды, ибо это является фантазией, а вовсе не воображением. Эго вкусило чудеса рая и более не жаждет внешнего признания или влияния. Оно желает больше знать о внутренних чудесах и воплощать их во внешней жизни. Оно изволит жить своей мифической жизнью, как это делает Самость, разделяющая с ним это приключение.

Текст заключает, что “Божественный человек в своей собственной природе становится одним с Богом” [30]. Человек рая также есть Божественное человеческое существо, ибо его собственный центр взял на себя Божественное

существо, чтобы психика достигла обожествления. Центр, Самость, сейчас настолько же Божественен, насколько человекен, и когда Эго погружает свой взор вовнутрь, оно созерцает Бога. Никола Фламель писал об этом состоянии, когда говорил о камне:

“Он неспособен на Перемены или изменения, неподвластен ни небесам, ни Зодиаку, чьи яркие сияющие лучи, слепящие глаза, словно сообщают человеку некие наднебесные вещи, оставляя его в изумлении, когда он их созерцает и познает, в трепете и страхе одновременно” [31].

Камень неизменен и зафиксирован, и индивид, однажды достигший его, никогда не потеряет снова. Также перестают иметь смысл рок или судьба, но человек, с которым произошло единство, получает свободу — такую, что может жить жизнью из своего собственного центра без внешнего контроля и помех. В конце концов, создаются провидческие и имагинальные состояния ослепительной интенсивности, где Эго созерцает природу и силу Бога лицом к лицу.

Такие же цели имеются и у духовной алхимии. Она высоко метит и решается на не меньшее, чем трансформацию души и единение с Божественным. Более того, она ищет единения с Божественным и его воплощением внутри Психэ. Возрастание экстаза, блаженства и радости отмечает состояния, которые двигают к достижению этих целей, по мере того, как утерянный рай восстанавливается. Для большинства из нас может быть невыполнимо воображение этих состояний через что-то подобное чувствам, но важно, по крайней мере, понять, что такие состояния существуют, и что мы можем законно стремиться к их достижению. По сути, в контексте алхимии, нет пределов тому, что мы можем добиться или того, чего сила воображения может создать для нас. Единственное ограничение касается несовершенства нашей способности видения и отказе делать работу, предназначенную для нас. Хотя правда, что конечная цель лежит за пределами досягаемости для большинства, само

по себе путешествие достаточно богато и радостно, чтобы пригласить нас сделать усилие, ибо любой достигнутый уровень сам по себе является ценностью. Вместо того, чтобы быть обескураженным сложностью задачи, мы должны стимулироваться плодотворностью путешествия. Хотя смерть и разрушение случаются не один раз, это приводит к такому богатству и эффективности жизни, к каким не сможет привести ни одно другое путешествие.

Алхимическое воображение вызывает сновидение рая, бессмертия и единения с Богом — настолько близкого, что сложно сказать, где кончается человеческое и начинается Божественное. Это предполагает свободу и блаженство, непрекращающееся исследование внутреннего мира, и предвкусывает человеческое существо и его существование без ограничений. Оно воображает, ни в метафорах, ни в желанных возможностях, но в реальных переживаниях, которые создающих процессы, через которые достигается цель. Каждый шаг на пути к раю отмечается опытом, и этот опыт настолько глубок и полезен, что мы часто забываем, что он существует только как предварительный шаг, ведущий к более постоянному состоянию.

В величии своего видения и глубине его надежды и оптимизма, духовная алхимия представляет собой изменение распространенного взгляда на жизнь и индивида. Для алхимиков, индивид являет собой центр Вселенной, и несет внутри райские семена. Человеческое существо есть тайное существо с силой искупления Вселенной и приведения Бога к самоосознанию. Ценность индивида была подорвана в последнее столетие, так как коллективные движения и стандарты, вкупе с ростом тоталитарным правительств, отрицали важность женщины или мужчины как отдельного человека. Уинстон Черчилль замечал с большим предвидением перед рубежом веков, что предстоящее столетие станет свидетелем "большой войны за существование Индивида" [32]. Война продолжается, и возрождение старого алхимического взгляда на индивида есть один из способов ведения борьбы.

Одним из величайших достижений Юнга было открытие ценности индивидуального Я и наблюдение в нем средств для достижения величайших жизненных целей. В этом он полностью соглашался в алхимиками.

Примечания к пятой главе

1. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated* (Edmonds, WA: The Alchemical Press, 1988), p. 9.
2. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 12.
3. C.G. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, *Collected Works*, vol. 14, R.F.C. Hull, trans., Bollingen Series XX (Princeton: Princeton University Press, 1970), p. 328.
4. Sigismond Bacstrom, *Alchemical Anthology*, J. D. Hamilton-Jones, ed. (Kila, MT: Kessinger, n.d.), p. 91.
5. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 14.
6. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 14.
7. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 15.
8. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 19.
9. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 20.
10. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 21.
11. Ali Puli, *The Center of Nature Concentrated*, p. 23.
12. Calid, "Secret of Secrets" in Stanton J. Linden, ed., *The Mirror of Alchemy* (New York: Garland, 1992), p. 113.
13. Robert Fludd, "Truth's Golden Harrow" in C.H. Josten, "Truth's Golden Harrow: An Unpublished Alchemical Treatise of Robert Fludd in the Bodleian Library," *Ambix: The Journal of the Society for the Study of Alchemy and Early Chemistry*, vol. 3, April, 1949, p. 108.
14. Robert Fludd, "Truth's Golden Harrow," p. 110.
15. Robert Fludd, "Truth's Golden Harrow," p. 111.
16. Henry Corbin, *Spiritual Body and Celestial Earth*, Nancy Pearson, trans. (Princeton: Princeton University Press, 1989), p. 209.
17. Robert Fludd, *Truth's Golden Harrow*, p. 120.
18. C.G. Jung, *CW*, 14, p. 765 f.
19. Emmanuel Kennedy-Xypolitas, *Introduction to On Dreams and Death*, by M.-L. von Franz (Chicago: Open Court, 1988), p. ix.
20. M.-L. von Franz, *On Dreams and Death*, p. 142.

21. "The Beyond," частная расшифровка лекции, предоставленная Барбарой Ханна в 1962 г. на Второй Конференции Бейли Айленд.
22. "The Golden Treatise of Hermes" in Israel Regardie, *The Philosopher's Stone* (Saint Paul: Llewellyn Publications, 1978), p. 37.
23. "The Golden Treatise of Hermes," p. 37.
24. "Rosinus ad Sarratantam Episcopum" in *Artis Auriferue*, I, pp. 198–200, цит. по Johannes Fabricius, *Alchemy* (London: Diamond Books, 1989), p. 208.
25. Johannes Fabricius, *Alchemy*, p. 190.
26. Johannes Fabricius, *Alchemy*, p. 190.
27. Johannes Fabricius, *Alchemy*, p. 190.
28. Nicholas Flammel, *Alchemical Hieroglyphics* (Berkeley Heights: Heptangle Books, n.d.), p. 88.
29. Michael Sendivogius, *The New Chemical Light* (Alchemy Website, Database online), p. 41.
30. Quoted in Johannes Fabricius, *Alchemy*, p. 191.
31. Nicholas Flammel, *Alchemical Hieroglyphics*, p. 89.
32. Martin Gilbert, *Churchill* (New York: Henry Holt, 1991), p. 115.

Заключение

В этой книге, проходя сквозь писания алхимиков, я следовал двум главным темам. Я фокусировался на силе и важности воображения, а также путях, которыми Самость приходит к манифестации на различных стадиях внутренней работы. При этом я сделал все это на базе работ Юнга и его концепции Самости, активного воображения и трансцендентной функции. В этих трех конструкциях лежит ключ к пониманию алхимии и богатству её образов.

На всем протяжении книги я придерживался позиции, что алхимические символы отображают фактические эмпирические состояния и процессы. Алхимия не является просто метафорой психологической жизни, но пронизательным изображением имагинального опыта, создающего глубокие изменения в Психэ. Мало того, что алхимия представляет эти переживания символически, она являет собой практическую систему, которая предлагает пути к продвижению и созданию этих внутренних встреч. Алхимия — это не просто руководство для внутренней работы, но карта пути. Серия изображений показывает это. Я попытался представить также и практическую сторону, так чтобы читатели могли в полной мере оценить тот факт, что алхимия представляет собой систему прагматических процедур.

Исследование алхимии нелегкое дело, но грядущая награда величественна. Как система, развивающаяся внутри Западной культуры, она представляет себя путями, наиболее подходящими для Западного ума. Как людям Запада, нам не нужно искать истины в системах других культур, но мы можем найти их в собственном культурном наследии. Однако раскол с прошлым так велик, что мы не можем так просто положиться на наши традиции для поддержания

нас во внутренней работе. Большинство людей не чувствует связи с древними традициями и сначала должно поработать над созданием мостов, соединяющих их со старыми путями. Теория Юнга и служит такого рода мостом, так как, будучи написанными для современного индивида, его работы, тем не менее, обращаются к образам прошлого с целью нахождения духовных истин и прозрений. Хотя Юнг был виртуозом и никто не надеется сравниться с ним в его в понимании алхимии, еще должно быть проделано много работы.

Юнг создал модель, которую современные индивиды могут использовать для самопознания и исследования старых моделей мышления и обучения у них. Одну из величайших истин современной культуры можно обнаружить в алхимии — это невероятная ценность и сила индивидуальности. Не менее ценный урок алхимиков — богатство и эффективность воображения. Я пытался указать пути, где воображение играет главную роль на всех уровнях самореализации. Мы можем также узнать из алхимии о реальных процессах, ожидаемых в опыте имагинальной реальности: что они означают, какие состояния порождают и к каким преобразованиям приводят. По поводу последнего я могу только намекнуть на некоторые уроки, предлагаемые алхимией, но остается много чего еще для исследования в естестве внутреннего путешествия.

На протяжении этих страниц я предполагал, что существуют состояния за пределами Психэ, которые я обозначил как психоидные. Мне кажется, что истинная область алхимического воображения не может быть обнаружена без включения этого измерения опыта. Например, когда мы пытались понять третью *coniunctio*, существовала необходимость представить Самость за пределами центра бессознательного. Я полностью осознаю тот факт, что, вероятно, не убедил скептических читателей в существовании этой реальности. Довольно сложная задача — доказать реальность психоида тем, кто сам никогда не сталкивался с ней на опыте, но я должен признать, что моей главной целью не являет-

ся доказательство существования транспсихического мира. Скорее, я представляю его читателю, как проводник описывает сложный поворот на пути тому, кто еще не добрался до этого перекрестка. Я хотел бы, чтобы читатели, которые могут столкнуться с психоидом, были в курсе насчет того, с чем столкнулись, чтобы они смогли работать над собственным приключением мудрым и просвещенным образом.

Кроме того, я наблюдал опыт сотен людей. Применение концепции психоида к моей работе с другими принесло богатые плоды. Правильная интерпретация психоидального опыта открывает измерение для роста и возможность, которую большинство считают побуждающей и возбуждающей. На любой стадии индивидуационного процесса верная интерпретация очень важна. Слишком ограниченное и упрощенное понимание мешает свободному развитию Психэ. Объяснение, принимающее во внимание психоид, по крайней мере, дает возможность достижения третьей *coniunctio*. Толкователю следует быть осторожным в понимании опытов других людей в терминах той карты, где они находятся. Рассмотрение опыта первого уровня в терминах третьего уровня является ошибкой, впрочем, как и принятие опыта третьего уровня, принадлежащим к первому. Тот, кто наставляет других во внутренней работе, должен иметь полноценную и содержательную карту возможной работы. С моей точки зрения, психоидальные опыты заслуживают рассмотрения и уважения.

В то же самое время, я утверждаю, что учет таких переживаний и возможностей, представленных в моей работе с алхимией, углубил мое понимание алхимического видения, и увеличил признательность по отношению к нему. Как моя глава о духовной алхимии с надеждой делает ясным, что цель включает не только индивидуацию человеческого существа, но также и единение с Божественными мирами.

Возможно ли, что Бог выведет нас за пределы Психэ к психоидному миру, где Господь существует в собственной реальности? Возможно ли также, что Бог живет за пре-

делами человеческой души, но человеческая душа может переживать Его в транспсихических состояниях? Мистики каждого века отвечали на эти вопросы положительно, также как и я. Психэ, огромная сама по себе, граничит с еще большей реальностью, и хотя человеческий центр может соединиться с центром этого большого мира, она никогда не содержит его в себе. Я также считаю, что алхимик ответил бы на эти вопросы утвердительно. Если мы соглашаемся с этим, то нам следует позволить психоидальным опытам произойти.

В соответствии с этим размышлением я предположил, что существует Самость психоида. Этот термин указывает на аспект Бога, стремящийся к индивидуальному выражению и единению с человеческим партнером, и на то, что, в финальной стадии процесса индивидуации, он воплощается в человеческом центре. Самость психоида соответствует тому, что я в другой работе называл союзником, или тому, что суфии называли Именем Божьим. Психоидальная Самость представляет себя в имагинальной реальности как внутренняя фигура, сотворенная через имагинальную силу Господа, которая может воплотить Бога с возрастающей глубиной и сложностью. Идея Бога, воплощающегося в человеческой душе, достаточно удивительна, но когда это происходит в виде внутренней фигуры, с которой мы можем вступить в диалог и наладить связь, это кажется воистину фантастическим. Тем не менее, это так и есть. Алхимики представляли эту идею в своих восторженных писаниях и в некоторых более глубоких символах.

Добавление психоида и психоидной Самости к нашим путям понимания алхимического воображения не только делает более глубоким наше понимание, но и открывает новые пути постижения внутреннего опыта и работы по саморазвитию, которым люди занимаются сегодня. Я занимался этими идеями десятилетие, прежде чем осмелился читать о них лекции, так как хотел доказать сам себе, что я не единственный, имеющий такой опыт. Сейчас я абсолютно

уверен в этом, ибо буквально десятки людей поделились со мной переживаниями психоида. Новые рубежи, на которые указывают эти идеи, еще полностью не исследованы, а природа психоида и его центра все еще не понята. Поскольку все больше и больше людей обращаются к такому исследованию, они заметят, подобно мне, какой полезной оказывается алхимия. Медитируя на алхимические образы, мы можем встретить и создать имагинальные состояния, открывающие психоид для глубинного понимания.

В настоящей работе я также подчеркивал роль внутренней фигуры и активного воображения с такими фигурами. Конечно, есть и другие способы получить возможность духовного переживания, но мало тех, что лучше активного воображения подходят для Западного человека. Преподавание и исследование состояний активного воображения и практик очень важно для современного мира, ибо в имагинальной реальности индивиды находят образы, приводящие их к переживанию человеческой целостности и Божественного воплощения, не ставя под угрозу роль Эго. Прежде всего, в практике алхимии Эго должно быть сохранено и укреплено. Эго должно, конечно, отказаться от своих фантазий, но также должно оставаться здоровым и жизненным, или же Самость никогда не проявится.

Несколько трагично, что в то время, когда открываются новые горизонты для исследования воображения, юнгианское сообщество как будто бы специально отказалось от внутреннего мира. В настоящий момент, когда аналитики должны стяжать тяжелый труд быть психопомпами людских душ, соблазн ординарного, коллективного и клинического становится непреодолимым. Юнгианцы, как и все другие люди, хотят быть принятыми, но гостеприимство в мире сумасшедших, на самом деле, едва ли комфортно. Вместо того, чтобы повернуться спиной к внутреннему, провозглашая кончину анализа, мы должны принять вызов углубления нашего собственного опыта внутреннего мира, чтобы истинно представить себя проводниками и учениками Самости.

Эта работа отнюдь не легка. Она требует всего, что у нас есть, а иногда и больше. Существуют силы иллюзии и заблуждения, которые делают работу невозможной для постижения без тщательной разборчивости. Однако я подчеркиваю, что цели, изложенные в этой книге, даже в третьей *coniunctio*, не выходят за пределы нашей досягаемости. Экстаз манифестации Самости и единения с союзником не идеалистические и недостижимые утопические этапы, но реальные переживания, которые мы можем опробовать сами, прикладывая требуемое усилие.

Слишком часто я вижу людей, убежденных в невозможности постижения Бога или нахождения путей выражения их собственных внутренних истин. Я бы хотел дать понять, что эти вещи, на самом деле, достижимы. Я работал с людьми более двадцати лет и прекрасно осведомлен о том, как трудно создать изменение. Несмотря на это, я также хорошо знаю, что мы можем вкусить нечто из собственных внутренних истин, и что стремления даже к кусочку этого достаточно для окружения нашей жизни значением и богатством.

Юнг видел в алхимии карту процессов индивидуации и психического роста. Эта карта столь же актуальна сегодня, как это было в своё время, но, кроме того, мы начинаем осознавать в алхимии план психоидальной трансмутации, и неоценимую помощь в поиске желаемой цели единения человеческого и Божественного. Так как мы движемся в новое тысячелетие, не исключено, что миф грядущей эры будет иметь дело с исследованием и открытием психоида, а также сотворением новых уровней единения с психоидной Самостью. Если это так, то алхимия проложит путь для ищущих в этой новой эре так же, как делала это раньше.

